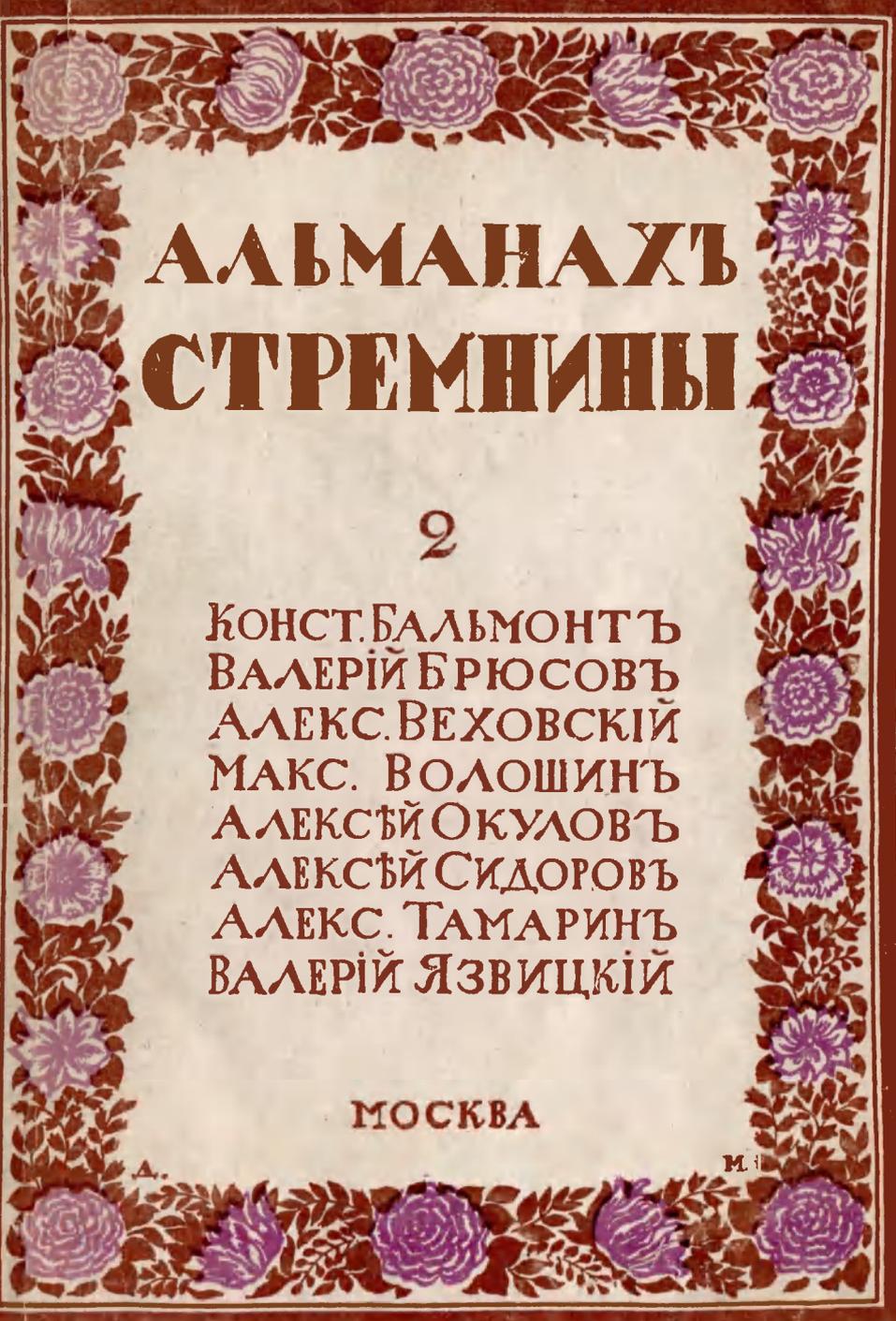

A 21⁶/₅₈.

АЛЪМАНАХЪ СТРЕМНИНЫ

2

КОНСТ. БАЛЬМОНТЪ
ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ
АЛЕКС. ВЕХОВСКІЙ
МАКС. ВОЛОШИНЪ
АЛЕКСѢЙ ОКУЛОВЪ
АЛЕКСѢЙ СИДОРОВЪ
АЛЕКС. ТАМАРИНЪ
ВАЛЕРІЙ ЯЗВИЦКІЙ

МОСКВА

М.

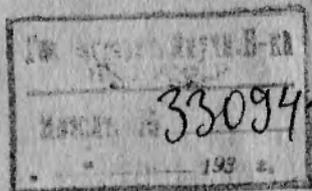
2866

АЛЬМАНАХЪ СТРЕМНИНЫ.

2.

КОНСТАНТИНЪ БАЛЬМОНТЪ.
ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ. ▽ ▽ ▽
АЛЕКСАНДРЪ ВЕХОВСКІЙ. ▽
МАКСИМИЛІАНЪ ВОЛОШИНЪ.
АЛЕКСѢЙ ОКУЛОВЪ. ▽ ▽ ▽
АЛЕКСѢЙ СИДОРОВЪ. ▽ ▽ ▽
АЛЕКСАНДРЪ ТАМАРИНЪ. ▽
ВАЛЕРІЙ ЯЗВИЦКІЙ. ▽ ▽ ▽

МОСКВА.

W

МОСКВА.

Типо-Литография „ПЕЧАТНИКЪ“, Халпловская, 26. Телеф.: 24-21 и 42-86.
1918.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

ВОСПОМИНАНЬЕ.

СИМФОНИЯ ПЕРВАЯ
ПАТЕТИЧЕСКАЯ,
ВЪ 4-хъ ЧАСТЯХЪ,
со Вступленіемъ и Заключеніемъ.

Nessun maggior dolore,
Che ricordarsi del tempo felice
Nello miseria. E cio sa il tuo dottore.

Dante.

И. И. Трояновскому,

знатоку и цѣнителю всѣхъ
видовъ искусства, въ знакъ
давней дружбы и глубокаго
уваженія, свою первую сим-
фонію посвящаетъ авторъ.

ВОСПОМИНАНЬЕ.

(Симфонія первая патетическая).

* * *

(ВСТУПЛЕНІЕ).

Allegro.

Воспоминанье! Воспоминанье! Воспоминанье!
Проклятый демонъ съ огненными крыльями!
Ты любишь наклонять свое лицо
Надъ скорбными страдальцами:
Ты любишь пламенными-пламенными
Касаться незажившихъ ранъ,
Ты возвращаешь намъ кольцо,
Что въ день вѣнчанья
Мы отдали невѣстѣ....

- 10 Воспоминанье! Воспоминанье! Воспоминанье!
Проклятый демонъ съ огненными крыльями!
Духъ ярости и мести!
Всегда жестокостью и гнѣвомъ пьянъ,
Ты любишь потѣшаться надъ безсильями
Страдальцевъ всѣхъ временъ и странъ.
Нѣтъ большей скорби,
Какъ вспоминать о дняхъ блаженныхъ
Во дни несчастій...
Воспоминанье! Воспоминанье! Воспоминанье!
- 20 Проклятый демонъ съ огненными крыльями!

Часть первая.
(ЭКСПОЗИЦІЯ)

Allegro.

Бушуетъ Океанъ,
Возноситъ ужасы громадъ утрюмо-пѣнныхъ,
Домаетъ снасти
И топить корабли...
Онъ, одинокій, на краю земли,
Любуется стихій безумной схваткой,—
Одинъ, одинъ, на выступѣ скалы,
Затеряной въ просторахъ Океана,—
И вновь предъ нимъ проходятъ жизни краткой
30 Великія и грозныя видѣнья...
Летятъ побѣдные орлы,
Гремитъ пальба сраженья,
Горятъ огни средъ воинскаго стана.

То снова грозные раскаты
Чугунно-пламенныхъ шаровъ,
То снова строй, покорно сжатый,
Идущихъ на врага бойцовъ!

И тамъ, за этой тучей черной,
Не башни-ль древяго Кремля?
40 Вотъ, взятыя борьбой упорной,
Вы, Бородинскія поля!

Во мглѣ, гдѣ не блеснетъ денница,
Гдѣ свѣту и лучамъ—конецъ,
Не ты ли, солнце Аустерлица,
Встаешь, какъ золотой вѣнецъ!

Вдали сіянье не зажгло ли
Живыми отблесками валь?
На мость отрядъ свой при Арколѣ
Ведетъ тамъ маленький капраль!

50 Знамена вѣютъ; сабли блещутъ;
Парижъ восторгомъ ослѣненъ;
И толпы буйно рукоплещутъ
Тебѣ, тебѣ, Наполеонъ!

И тысячи людей единой грудью
Возносятся къ небу: „Vivat Imperator“...

Бушуетъ Океанъ.
Какъ-будто радъ безлюдью;
Здѣсь, гдѣ свой тронъ воздвигъ Экваторъ,
Онъ властвуетъ вполнѣ.

60 Жестокостью и гнѣвомъ пьянъ,
Онъ повелѣнья отдаетъ волнѣ,
Возносить ужасы громадъ угрюмо-пѣнныхъ,
Ломаетъ снасти
И топить корабли.

Нѣтъ большей скорби жителямъ земли,
Какъ вспоминать о дняхъ блаженныхъ
Во дни несчастій..

2.

Forc.

Осенній вѣтеръ за окномъ
Деревьями шуршитъ упрямо,

70 Качаетъ ветхой рамой,
И стонетъ горестно весь домъ...
Осенній вѣтеръ за окномъ
Гудитъ упрямо...

Но для него всѣ эти звуки,
И шумъ, и дрожь, и стукъ,—
Осенняя поэма,—
Все—нѣмо...

Какъ лѣса ропотъ стройно-ровный,
Какъ мѣрный плескъ фонтанныхъ струй,
80 Какъ моря говоръ многословный,
Какъ тихой ночью подѣлуи,

Какъ щебетъ птицъ зарей весенней,
Какъ дѣтскій, безпечальный смѣхъ,
Какъ страсти вадохъ въ бреду томленій,
Какъ звоны чашъ въ чаду утѣхъ,

Какъ старца рѣчь, какъ лепетъ дѣвы,
Стихійный гласъ, звѣриный рыкъ,
Колокола, пальба, напѣвы,
Звонъ, стонъ, плачь, грохотъ и языкъ,—

90 Все стало мертво, все беззвучно,
Предъ тѣмъ лишилось звучныхъ силъ,
Кто жилъ со звукомъ неразлучно,
Кто цѣлый міръ оголосилъ!

Онъ помнить, онъ помнить, какъ въ ропотахъ
міра,

Какъ въ шопотахъ, хохотахъ, лепеталь онъ,
 Ловиль твои звуки, вселенская лира,
 И пѣнье планетъ и дыханье ээира,
 И отзвукъ былыхъ и грядущихъ временъ!

Онъ помнитъ, онъ помнитъ любовныя рѣчи,
 100 Подъ вязомъ, когда трепеталь соловей!
 И сладостный шопоть условленной встрѣчи;
 Бесѣды, когда догоравшія свѣчи
 Бросали свой отсвѣтъ на лица друзей!

Онъ помнитъ, онъ помнитъ, міръ полный со-
 звучій,
 Великихъ и малыхъ, звучащихъ всегда...
 И что же! И что же! Какъ черныя тучи,
 Проходитъ въ душѣ его голосъ могучій,
 Но онъ не услышитъ его никогда!

Другимъ—его пѣсни! Другимъ, его стоны!
 110 Другимъ—его Мессы торжественный ходъ!
 Какъ Богъ, царству звуковъ даетъ онъ законы,
 Но, магъ въ заточеньѣ, но, царь безъ короны,
 Онъ въ черномъ молчаньѣ, какъ узникъ живетъ,

Молчанье! Молчанье! Молчанье! Молчанье!
 Вездѣ: впереди, въ высотѣ и кругомъ!
 Молчанье—какъ слитое въ бурю рыданье,
 Какъ демонскій вопль мирового страданья,
 Какъ въ безднахъ вселенной немолкнуцій
 громъ.

Молчанье!

120 Все рухнуло въ пропасть, безъ дна, безъ
предѣла,
Все рухнуло въ бездну безъ свѣта,
Все онемѣло,
Все—безъ отвѣта,
Во всемъ, навсегда, безконечно—Молчанье!

Воспоминанье! Воспоминанье! Воспоминанье!
Проклятый демонъ съ огненными крыльями!
Ты любишь наклонять свое лицо
Надъ скорбными страдальцами,
Ты любишь пламенными пальцами

130 Касаться незажившихъ ранъ,
Ты возвращаешь намъ кольцо,
Что въ день вѣнчанья
Мы отдали невѣстѣ!
Воспоминанье!
Духъ ярости и мести,
Всегда жестокостью и гнѣвомъ пьянъ,
Ты любишь потѣшаться надъ страдальцами
Всѣхъ временъ и странъ!

3.

Рано.

Тише! Смолкаетъ стремительный грохотъ
140 Города, въ часъ наступающей мглы.
Гулы и звоны, и рѣчи, и хохотъ
Крываются тайно въ глухіе углы.

Улицы молкнутъ. Горятъ рестораны;
Шумны театры концерты гремятъ...
Люди за стѣнами, сумракомъ пьяны,
Тайно впиваютъ полуночный ядъ.

Улицы молкнутъ. Въ твоёмъ кабинетѣ
Лампы, подъ матовымъ куполомъ свѣтъ...
Думай, ахъ, думай, при вдумчивомъ свѣтѣ,
150 Думай, ахъ, думай объ томъ, чего нѣтъ!

Нѣтъ большей скорби,
Какъ вспоминать о дняхъ блаженныхъ
Во дни несчастій!

Глаза ея были такъ черны,
Такъ черны дѣвичьи косы,
Губы—такъ неповорны,
Губы, шептавшія только вопросы!

Она такъ умѣла сгибаться,
Какъ стебель подъ вѣтромъ весеннимъ,
160 Иногда—улыбаться
Незримымъ, откуда-то маящимъ тѣнямъ.

Казалось, во вѣкъ невозможно,
Чтобъ эти глаза запылали
Полымемъ страсти тревожной
И отсвѣтомъ кроткимъ любовной печали.

Казалось, она не протянетъ
Рукъ никогда къ объятьямъ,—

На зовъ никогда не отвѣтитъ...
 Ее ли ранить,
 170 Ее ли отмѣтитъ
 Страсть роковымъ проклятьемъ?

Scherzo.

Это было! Это было!
 Жизнь, мгновенья, дни часы!
 Плечи нѣжныя томила
 Тяжесть брошенной косы.

Волоса распались въ пряди,
 Вольно гнутся по плечамъ...
 Кто-то черный медлитъ сзади,
 Кто проходитъ по ночамъ.

180 Гдѣ укрыться? Какъ уйти вамъ
 Отъ жестокихъ, острыхъ глазъ?
 Тамъ, подъ пологомъ ревнивымъ
 Не настигнетъ дерзкій васъ!

Тамъ—вы двое! Тамъ—одни вы!
 Тихнетъ грудей дѣтскихъ дремы ..
 Обручъ огненно-красивый,
 Васъ объявшій, такъ хороши!

Онъ сжимаетъ! Душитъ! Давитъ!
 Тѣсно вамъ!.. Но въ тѣснотѣ
 190 Роковой водителъ правитъ
 Васъ двоихъ въ одной мстѣ!

Дальше! Ближе! Вы—у цѣли!
 Двое дышатъ горячо.
 Змѣи черныя замлѣли,
 Павъ на бѣлое плечо...

Sostenuto.

Замлѣли... Но тише! Стремительный грохотъ
 Смолкаетъ въ часы наступающей мглы.
 И гулы, и звоны, и рѣчи, и хохотъ
 Скрываются тайно въ глухіе углы.

200 Все тихо! Все тихо! Въ твоёмъ кабинетѣ
 Лишь лампы подъ матовымъ куполомъ свѣтъ.
 Ахъ, думай! Ахъ, думай при вдумчивомъ свѣтѣ
 Объ томъ, чего нѣтъ, чего болѣе нѣтъ!

Объ томъ, что мелькнуло, сожгло, опалило,
 Погасло и кануло въ вѣчную тьму...
 Ахъ, было ли это? Все было! Все было!
 Вы были вдвоемъ! Тебѣ быть—одному!

Проходятъ мгновенья, и дни, и недѣли,
 И мѣсяцы... Годы проходятъ! И ты
 210 Напрасно мечтаешь, какъ змѣи замлѣли
 Когда-то, во храмѣ ночной темноты!

Нѣтъ большей скорби,
 Какъ вспоминать о дняхъ блаженныхъ
 Во дни несчастій!

Устало спину сторби:
Ты не найдешь путей священныхъ
Ко храму страсти!

4.

Леніе.

Бѣлый, бѣлый, бѣлый, бѣлый,
Вьется снѣгъ надъ сномъ могиль.
220 Легкій, вольный, свѣтлый, бѣлый,—
Сонный сонмъ нездѣшнихъ силъ.

Бѣлый, бѣлый, бѣлый, бѣлый,
Вьется снѣгъ, кружась, кругомъ.
Міръ глухой, міръ онѣмѣлый,
Спать подъ снѣгомъ бѣлымъ сномъ.

Бѣлый, бѣлый, бѣлый, бѣлый,
Нѣжить снѣгъ тоску земли.
Чистый, падай! Тайной сдѣлай
Все вблизи и все вдали!

230 Бѣлый, бѣлый, бѣлый, бѣлый,
Нѣжной тканью лугъ покрой!
День исчезъ. Надъ жизнью цѣлой—
Снѣжный сонъ, сонъ вѣковой.

Бѣлый, бѣлый, бѣлый, бѣлый
Вьется снѣгъ надъ сномъ могиль...
Кто, во мглѣ, осиротѣлой
Надъ крестомъ чело склонилъ?

Онъ чего межъ мертвыхъ ищетъ?
 Онъ кому дарить мечты?
 240 — Только бѣлый вѣтеръ свищетъ
 Въ царствѣ бѣлой темноты!

Поникаетъ... Спину сгорби
 Въ тишинѣ крестовъ священныхъ:
 Ты—у Демона во власти!

Знай: нѣтъ въ мирѣ большей скорби—
 Вспоминать о дняхъ блаженныхъ
 Въ дни несчастій!

5.

Антосо.

Воспоминанье! Воспоминанье! Воспоминанье!
 Проклятый демонъ съ огненными крыльями!
 250 Ты любишь пламенными пальцами
 Касаться незажившихъ ранъ!
 Всегда жестокостью и гнѣвомъ пьянъ,
 Ты любишь потѣшаться надъ безсильями
 Страдальцевъ всѣхъ временъ и странъ,—
 Надъ скорбными страдальцами,
 Что никнуть,—столбъ окаменѣлый,—
 Къ одной могилѣ,
 Когда посѣвомъ чистыхъ лилій
 Ложится снѣгъ надъ ними, бѣлый, бѣлый,
 бѣлый...

Часть вторая.

(РАЗРАБОТКА).

1.

Fin vivace.

- 260 Ты Прометей,
 Прикованный къ скалѣ Колхиды,
 Одинъ,
 За часомъ часъ,
 Ждешь новой пытки...
 Не опуская гордыхъ глазъ,
 Ты созерцаешь сумрачные виды
 Угрюмыхъ горъ и яростныхъ пучинъ...
 За часомъ часъ,
 Прикованный къ скалѣ Колхиды,
- 270 Одинъ,
 Ты, Прометей,
 Мученія извѣдавшій въ избыткѣ,
 Ждешь новой пытки,—
 Безжалостныхъ когтей
 Орла, по волѣ Громовержца
 Взрывающаго грудь твою—до сердца!
- Ты—Прометей!
 Титанъ,
 Похитившій огонь священный!
- 280 На мигъ, въ блаженномъ упоеньи,—равный богу!
 И нынѣ—
 Плѣнный,
 Въ пустынѣ
 Неизмѣнной,

Гдѣ океанъ
 Твою тревогу
 Не заглушить раскатами зыбей...
 Ты—Прометей,
 Титанъ,

390 Похитившій огонь священный,
 Въ блаженномъ упоеньи,—равный богу!

Чу,—голосъ! Прометей
 Взываетъ. Громче океана,
 Могущественнѣй ярости зыбей
 Свободное проклятіе Титана:

„Зевсъ! Врагъ беззаконный! Безумствуй!—

Исполни

Неправую волю! Небесный эфиръ
 Зубцами изрѣжь ослѣпительныхъ молній!
 На вѣчныхъ корняхъ поколебли весь міръ!
 300 И звѣзды затми многоярусной тучей;
 И волны морскія до тучи докинь;
 Смѣшай всѣ стихіи: и вихоръ летучій,
 И землю, и воду, и свѣтлую синь;
 Обрушь этотъ камень въ безмѣрности Ада:
 Изъ мрака безъ свѣта, изъ пропастей,—я
 Кричать не устану, что муки—награда,
 Что ты—побѣжденъ, что побѣда—моя!“

На небеса ложится мгла...
 Внезапной тѣнью скрыты доли...
 310 Чу! слышится полетъ тяжелый
 Зевесова орла.

330947

Титанъ! Титанъ!
 Качая сумрачными крыльями,
 Жестокостью и гнѣвомъ пьянъ,
 То возвращается твой врагъ безсонный!
 Упорствомъ разъяренный,
 Онъ любитъ потѣшаться надъ безсильями
 Страдальцевъ всѣхъ временъ и странъ!

2.

Adagio.

Царство твое—лишь минувшее,
 320 Воспоминанье!
 Знаешь ты—лишь промелькнувшее,
 Воспоминанье:
 Тамъ ты надъ черными безднами,
 Воспоминанье,
 Рѣешь съ когтями желѣзными,
 Воспоминанье!
 Кружишься тамъ ты, грозящее,
 Воспоминанье,
 Но неподвластно тебѣ настоящее,
 330 Демонъ прошедшаго, Воспоминанье!

Penseroso.

Межъ безконечностью былого.
 И безконечностью грядущаго,
 Спадаетъ, чтобъ возникнуть снова,
 Цвѣтокъ мгновенія, тайна сущаго.

Живетъ ли онъ? Едва помыслилъ
 О немъ ты, онъ—въ потокѣ бывшаго!

Кто миги вѣчности исчислилъ?
И кто отнять могъ мигъ у жившаго!

Несуществующій, онъ—вѣченъ;
340 Неуловимый, онъ—дѣйствительность;
Какъ призракъ мысли,—скоротеченъ,
Но, какъ вселенная, онъ—длительность.

Нѣтъ ничего въ немъ: лишь начало
Начала, или конецъ кончанія;
Но все, что было, въ немъ совпало
И все, что будетъ,—въ немъ заранѣе!

Мигъ! Умассе.
Сегодняшній день!
Настоящее!

350 Ваше значеніе—непреходящее!
Благо тому, кто постигъ
Твою несломимую цѣльность,
Твою безпредѣльность
Мигъ!

Прошлое прошлому кинута
Въ алчную вѣчную тѣнь;
Завтра покровомъ задвинуто,
Живъ лишь сегодняшній день!

Живо одно настоящее,
360 Имъ лишь единымъ дыши!
Истинно лишь—преходящее
Въ быстрыхъ видѣньяхъ души.

Къ мигу, къ единственной истинѣ,
 Жаднымъ желаньемъ прильни!
 Мы во мгновеньи—у пристани!
 Прошлое—въ алчной тѣни!

Прошлое прошлому кинута
 Въ алчную вѣчную тѣнь,
 Завтра покровомъ задвинуто...
 370 Благо тому, кто постигъ,
 Мигъ,
 Сегодняшній день,
 Настоящее,
 Ваше значеніе непроходящее!

3.

Forte.

Воспоминанье!
 Проклятый демонъ съ огненными крыльями,
 И ненасытнымъ алымъ ртомъ!
 Ты жесточе,
 Чѣмъ коршунъ Прометея,
 380 Дни и ночи,
 Терзаешь,—кто твоей предался власти!
 Вокругъ несчастныхъ рѣя.
 Имъ сердце рвешь на части!
 Когтистъ и окрыленъ,
 Ихъ мучишь безпощадно,
 За часомъ часъ, покуда сонъ
 Не дастъ на мигъ мечты отрадной.
 Но тотчасъ вновь
 Кровавая ихъ заживетъ рана.

390 Чтобъ утромъ рано,
Какъ коршунъ Прометея,
Вновь появилась, мощно рѣя,
Терзать имъ сердце—прежняя любовь!

Вспоминанье! вспоминанье! вспоминанье!
Горе—
Всѣмъ, кто твоей предался власти!
Съ неумолимостью во взорѣ,
Ты сердце рвешь страдальцевъ горделивыхъ!
Нѣтъ большей скорби,

400 Какъ вспоминать о дняхъ счастливыхъ
Во дни несчастій!

О, Прометей!
Титанъ распятый!
Дай намъ
Твое упорство въ ужасахъ страданій!
Чтобъ мы, въ уединенъи тайномъ,
Когда появится орелъ крылатый
Вспоминаній,
Не трепетали передъ яростью когтей!

410 О, Прометей!
Титанъ распятый!
Помоги намъ,
Среди бушующихъ зыбей,
Подъ клеткомъ орлинымъ!

(Голосъ).

Largo.

„Взгляни въ себя! Въ твоёмъ сознаньи
 Вмѣщенъ и возрожденъ весь міръ:
 Все, что народъ хранить въ преданьи,
 Слова всѣхъ книгъ, мечты всѣхъ лиръ!

Не здѣсь ли дремлютъ фараоны
 420 Въ тиши огромныхъ пирамидъ?
 И Богъ, дарующій законы,
 Съ Синая, въ облакъ, гремитъ?

Здѣсь вновь стоитъ шатеръ Ахилла,
 Сюда къ нему идетъ Пріамъ;
 Здѣсь шепчетъ старая сибилла,
 Внимая, въ полуснѣ, богамъ!

Здѣсь Цезарь строгій, и Тиберій
 Кощунственный, здѣсь Карлъ Мартелль,—
 Цари, вожди, борцы о вѣрѣ,
 430 Всѣ, памятные блескомъ дѣлъ!

Какъ въ яростномъ порывѣ вѣтра,
 Стремить раздумье предъ тобой—
 Жестъ короля, мысль геометра,
 Напѣвъ поэта, гимнъ святой!

Твоимъ сокровищамъ гдѣ мѣра?
 И ты ль, кто этотъ міръ обрѣлъ.

Здѣсь никнешь, съ ликомъ Гелимера,
Утратившаго свой престоль?*

5.

Lieto.

Утро, ты—май начинаемыхъ сутокъ!
440 Утро, ты—молодость новаго дня!
Слушай, высматривай, зорокъ и чутокъ:
Льются лучи, тренеца и звеня!

Громко, но мирно чириканье птичекъ,
Радостный гамъ за раскрытымъ окномъ...
Гдѣ-то—восторженность ангельскихъ личекъ,
Богу поющихъ разсвѣтныи псаломъ!

Въ поле выходятъ блестящѣ плуги,
Году готовятъ грядущий посѣвъ...
Солнце сіяетъ, въ ликующемъ кругѣ,
450 Алыя руки высоко воздѣвъ!

Умерло прошлое въ пропастяхъ ночи,
Кануло въ черныхъ провалахъ вчера...
Годы былые—мгновенья короче,
Жизнь пережитая—мысль и игра!

Слушай! все славить начало вселенной,
Созданной только-что волей Творца!
Даль—безпредѣльна! желанье—безсмѣнно!
Путь совершенствъ—безъ конца! безъ конца!

480 Оживаетъ снова,—
Что я желалъ бы позабыть совсѣмъ!
Зачѣмъ
Онъ пробуждаетъ то, чему нѣтъ слова
На языкѣ вемномъ!
Все, что слилось въ безгранное страданье!
Воспоминанье,
Демонъ съ огненными крыльями
И алчнымъ ртомъ!

Нѣтъ большей скорби,
490 Какъ вспоминать о дняхъ блаженныхъ
Во дни несчастій!

Устало спину егорби
Здѣсь, у крестовъ священныхъ,
Надъ таинствомъ Любви и Страсти!

Нѣтъ! не для насъ
Могучій вопль Титана!
Пусть онъ,
За днями день, за часомъ часъ,
Окованъ, плѣнный,
500 Истерзанъ, оскорбленъ,
Въ безлюдье океана
Бросалъ свой вызовъ неизмѣнный!
Не намъ мечтать
О мощности гиганта!
Намъ—горькій отзывъ Данта:
„Нѣтъ большей скорби—вспоминать
О дняхъ блаженныхъ въ дни несчастій!“

Опять
 Въ твоей мы власти,
 510 Воспоминанье,
 Проклятый демонъ, съ огненными крыльями!
 Дли наше вѣчное страданье,
 Жестокостью и гнѣвомъ пьянъ,
 Натѣшься вдоволь надъ безсильями
 Страдальцевъ всѣхъ временъ и странъ!

Часть третья.

(Р Е П Р И З А).

I.

Lente.

Наполеонъ на маленькой скалѣ,
 Затерянной въ просторахъ океана...
 Бетховенъ въ безпредѣльной мглѣ,
 Не слышащій стозвучностей органа...
 520 И ты, и ты, надъ маленькимъ крестомъ,
 Затерянный, забытый, овѣмѣлый,
 Когда туманъ скрываетъ все кругомъ
 И снѣгъ ложится, бѣлый, бѣлый, бѣлый...
 Воспоминанья объ ушедшихъ дняхъ,
 Счастливыхъ, вѣданныхъ, невозвратимыхъ...
 Блаженство—мигъ, а послѣ—только прахъ
 Потерянныхъ, отторгнутыхъ, любимыхъ!

2.

Forte.

Памяти вѣчной—проклятье!
 Ты берегаешь нетлѣнно

530 Жгучую радость объятья,
Трепеты нѣги блаженной?

Ты берегаешь всѣ краски,
Звавшія къ далямъ заката,
Нѣжно томившія ласки,
Страстно-живыя—когда-то!

Все, что пьянило, что было
Радугой думъ семицвѣтной,
Нынѣ что скрыто могилой,
Черной, глухой, безотвѣтной!

540 Ахъ! кто же вырветъ и броситъ
Этотъ цвѣтокъ ядовитый?
Кто его срѣжетъ и скоситъ
Здѣсь на полянѣ открытой?

Иль—кто погаситъ сіянье
Яркаго дня надъ поляной?
Свѣтишь ты, воспоминанье,
Свѣтишь и поздно, и рано,

Свѣтишь,—и горькія травы
Счастья погибшаго дышать,
550 Полны смертельной отравы,
Вѣнчикомъ маковъ колышать...

Памяти вѣчной—проклятье!
Ею хранимы нетлѣнно
Жгучіе миги объятья,
Трепеты нѣги блаженной!

Allegro.

Это было, это было,
Жизнь, мгновенье, дни, часы.
Плечи нежные томила
Тяжесть брошенной косы.

560 Было тѣсно дѣтскимъ грудямъ
Въ узкихъ бѣлыхъ кружевахъ,
И шептали вы: „Мы будемъ
Тѣ же, въ годахъ и вѣкахъ!“,

Золотой корабль причалилъ
Къ молу сада Гесперидъ,
Чтобъ священный змѣй ужалилъ
Васъ, на камняхъ древнихъ плитъ.

Ядъ любви, отравы страсти
Кровь томительно зажгли...
570 Скрылись паруса и снасти:
Нѣтъ путей съ святой земли!

Помнишь: первый вечеръ знойный,
Водъ прозрачныхъ водоемъ,
Нежный миртъ и лавръ спокойный,
Вы, блаженные, вдвоемъ?

Помнишь: вдругъ изъ роши темной
Вышелъ вольный хороводъ,
Пѣсней звонкой, пѣсней скромной
Проставляя вамъ приходъ?

580 Помнишь: оба въ легкомъ бѣгѣ
 Въ сказку пляскъ увлечены.
 Вы замлѣли въ тихой нѣгѣ
 Подъ напѣвъ чужой волны?

Тьма упала; смолкли пѣсни;
 Вы забылись близъ аркадъ;
 Вѣялъ въ сумракъ чудеснѣй
 Обаянный чарой садъ.

И, въ невольномъ счастьѣ вскрикнувъ,
 Вы припали, грудь на грудь,
 590 Словно два цвѣтка поникнувъ---
 Къ теплымъ травамъ отдохнуть!

Было жутко, было тайно,
 Было чудо, все, воздѣ..
 Небо радостью безкрайной
 Звѣздно рѣяло въ водѣ.

4.

Lieto.

И возникали, и проходили
 Мгновенья жизни, дни и часы..
 И плечъ покатошь, упавъ, томили,
 Что вечеръ, змѣи ся косы.

600 Она смѣялась, такъ дѣтски-странно,
 Она сгибалась, въ огнѣ стыда..
 И лавры пѣли въ тѣни: „Осанна!“.
 И мирты звали: „Во мглу! сюда!“.

Луной сверкали лучи залива,
 Былъ бѣлый мраморъ сродни лунѣ...
 Двѣ свѣтлыхъ тѣни, въ часы прилива,
 Скользили рядомъ, клонясь къ волнѣ.

И тѣ же хоры, и тѣ же дѣвы,
 За рощей пѣли подъ ропотъ лиръ,
 610 И море, вторя, несло напѣвы,
 И пѣли скалы, и лѣсъ,—весь миръ!

Порой мелькали въ лѣсу олени,
 Порой сверкали уборы птицъ...
 Блаженныхъ крыли живыя тѣни,—
 Закрывъ исходы святыхъ границъ.

Дни возникали, дни проходили
 И все доступнымъ казалось имъ:
 Двѣ яркихъ искры стихійной пыли,
 Летящей въ небо сномъ огненнымъ!

5.

Piano.

620 Ея груди были такъ малы,
 Такъ черны—дѣтскія косы,
 Губы—такъ алы,
 Губы, шептавшія только вопросы!

Она умѣла сгибаться,
 Какъ стебель подъ вѣтромъ весеннимъ,
 Иногда—улыбаться
 Незримымъ, ей только видимымъ тѣнямъ!

Такъ странно, что страстно
 Она подчинялась порывамъ,
 630 Ласково-властно
 Увлекавшимъ къ Садамъ Счастливымъ;

Что, дѣтски ликуя,
 Вступала она на священные плиты;
 Что, сгорая въ огнѣ поцѣлуя,
 Губы ея оставались несыты;

Что, ужалена змѣемъ,
 Она убѣгала подъ темныя лавры,
 Когда гимны звучали по темнымъ аллеямъ,
 И море побѣдно гремяло, волной ударяя въ
 литавры!

640 Въ Саду Счастливомъ, на Островѣ Тайномъ,
 Они повторяли, что день, неизмѣнно:
 „Ты, Властная! дай намъ
 Жить, умереть въ этой нѣгѣ блаженной“...

6.

Variationi.

Бушуетъ океанъ,
 Возноситъ ужасы громадъ угрюмо-пѣнныхъ,
 Ломаетъ снасти
 И топить корабли...
 Нѣтъ большей скорби жителямъ земли,
 Какъ вспоминать о дняхъ блаженныхъ
 650 Во дни несчастій...

Титанъ! Титанъ!

О, дай намъ

Твое упорство въ пропастяхъ страданій.

Надъ кругозоромъ, горестно безкрайномъ,—

Ни облака, ни паруса, ни снасти...

И лишь поетъ напѣвами рыданій

Безсмертный хоръ Океанидъ...

Гдѣ свѣтлый Островъ Гесперидъ?

Тамъ—нѣжный миртъ и лавръ спокойный,

660 Тамъ—бѣлый мраморъ вѣчныхъ плитъ...

Здѣсь—куполь нестерпимо-знойный,—

Шаръ опрокинутый горитъ;

Здѣсь—глыбы горъ, безжизненныя степи,

Томятся, въ зноѣ пламенѣи;

Здѣсь—адементовыя цѣпи

Надъ бездной держать Прометея...

На небеса ложится мгла,

Внезапной тѣнью скрыты доли...

Увы! то слышится полетъ тяжелый

670 Зевесова орла.

Титанъ! Титанъ!

Качая сумрачными крыльями,

Жестокостью и гнѣвомъ пьянъ,

То возвращается твой врагъ безсонный!

Упорствомъ разъяренный,

Онъ любить потѣшаться надъ безсильями

Страдальцевъ всѣхъ вѣковъ и странъ!

7.

Largo.

Бушуетъ океанъ,
 Возносить ужасы громадь угрюмо-плѣнныхъ,
 680 Ломаеть снасти, топить корабли...
 Тамъ—скованный Титанъ,
 На камень брошенъ, пытокъ ждетъ безсмѣн-
 ныхъ;

Тамъ—позабитый на краю земли,
 Другой титанъ,
 Внимаетъ въ бурю зову трубъ военныхъ;
 Тамъ—заклинатель звуковъ вдохновенныхъ
 Напрасно слухомъ ловить ураганъ...
 И ты, властитель тысячъ плѣнныхъ,
 Жестокостью и гнѣвомъ пьянъ,
 690 Качая огненными крыльями,
 Вездѣ, вездѣ—хохочешъ надъ безсильями
 Страдальцевъ всѣхъ временъ и странъ!

Бездѣйственность на пламенной скалѣ—
 Тому, кто, въ бурѣ мировыхъ событій,
 Держалъ Судьбы властительныя нити
 И назначалъ ея удѣлъ—землѣ!

Казнь одиночества—тому, чей жестъ
 На гибель двигалъ миллионы,
 Кто всѣ народы созерцалъ окрестъ,
 700 Какъ съ башни нѣкой, попирая троны!

Темница—островъ, кто, въ избыткѣ силъ,
 По всей Европѣ разметалъ трофеи, .

Кто изъ Египта Индіи грозилъ,
Слалъ изъ Москвы указъ на Пиринеи!

Воспоминанье, беспощадный змѣй,
Шипитъ побѣдно въ гулъ океана...
Святой Елены новый Прометей,
Ты сохранилъ ли гордый ликъ Титана?

И казнь молчанія,—кто міръ постигъ
710 Въ созвучіяхъ, отъ Рая до Эреба,
Вновь хоръ планетъ властительно воздвигъ
И музыкою сферъ наполнилъ небо!

Казнь глухоты,—предъ кѣмъ любимыхъ глазъ
Зрачки, улыбка милыхъ устъ,—все пѣло,
Предъ кѣмъ мелодіей былъ нѣжный часъ,
Гармоніей неповторимой—тѣло!

Беззвучность—для того, кто воцѣлъ толпы,
Смирая, могъ бы, съ мощностью Сампсона,
Потрясть вселенной твердые столпы,
720 Обрушить міръ, какъ капище Дагона!

Воспоминанье, беспощадный змѣй,
Свой шипъ вливаетъ въ гулы урагана...
Творецъ симфоній новый Прометей,
Ты сохранилъ ли гордый ликъ Титана?

Бушуетъ океанъ...
Осенній вѣтеръ за окномъ
Деревьями шуршитъ упрямо...

Смолкаетъ грохотъ города во мглѣ...
 Воспоминанье,
 730 Когтистый демонъ съ пламенными крыльями
 И алчнымъ ртомъ,
 Весельемъ злобнымъ обуянъ,—
 Прямо
 Свой путь стремить по смолкнувшей землѣ:
 Летить, чтобъ издѣваться надъ безсильными
 Страдальцевъ всѣхъ временъ и странъ.

8.

Lente.

Трава на могилѣ, что годъ, то пышнѣй,
 Сгибаются алые маки...
 А ночью, въ безбрежности, розсыпь огней
 740 Слагается въ вѣщіе знаки.

Зимой нарастаетъ огромный сугробъ,
 И снѣгъ не слезащійся рѣветъ...
 Въ землѣ, подъ сугробомъ, подъ травами,
 гробъ
 Невидимо, медленно тлѣетъ.

Душа—не въ могилѣ! Но манить мечту
 Она упоительной силой,
 И никнетъ чело къ молодому кресту,
 Рыданья звучать надъ могилой.

На травахъ, на свѣжихъ, на пышныхъ, лицо
 750 Въ слезахъ неподвижно,—и вмѣстѣ

Здѣсь медлитъ Другой, возвращая кольцо,
Что отдано было невѣстѣ!

Подъ снѣгомъ, подъ бѣлымъ, подъ чистымъ,
кудрей

Весенняя розсыпь сѣдѣетъ...

А гробъ въ глубинѣ, подлѣ дряхлыхъ корней,
Невидимо, медленно тлѣетъ...

9.

(Голосъ).

Forte.

„Напрасны были увѣщанья:

Ты, побѣжденный, побѣжденъ!

Твои бесмѣнныя страданья

760 Тебѣ милѣй, чѣмъ нѣжный сонъ!

Ты исцѣленья самъ не хочешь,

Недугъ священный возлюбя;

Самъ призываешь, самъ пророчишь:

Слетитъ орелъ терзать тебя!

Ты въ тайной пыткѣ дни и ночи

Проводишь, не уходишь прочь;

И, чѣмъ терзанья дня жесточе,

Тѣмъ сладостяѣй пытается ночь!

Ты міръ отвергъ, и самъ въ застѣнокъ

770 Жизнь полоненную влача,

Души богатства—за безцѣнокъ

Ты отдалъ, плата палача!

Тамъ гдѣ-то краски небосклона,
Весна, иль пѣснь, иль вольный трудъ,
Иль, съ крикомъ, красныя знамена
На приступъ старой лжи идутъ;

Но ты не слышишь: мiръ отринуть,
Всѣ истины, призывы всѣ...
Въ блаженствѣ муки, ты, раскинуть,
780 Лежишь на остромъ колесѣ!

Внемли, кто живъ, кто жить способенъ,
Кто къ свѣту солнца не ослѣпъ:
Боритесь!—Или, дикъ и злобенъ,
Живыхъ васъ Демонъ свергнетъ въ склепъ!

Во имя жизни и свободы,
Во имя гордости души,—
Застѣнка сумрачныя своды,
Ты, вольный плѣнникъ, сокруши!

Рази въ самозабвенья яромъ
790 Орла Зевесова! Пади
Самъ подъ неистовымъ ударомъ,—
Но только бѣ клювъ не рвалъ груди!

Послѣднiй клочъ воспоминанья
Изъ сердца вырви,—съ жизнью, пусть!
Отрадиѣй смертное страданье,
Чѣмъ духъ снѣдающая грусть!“.

10.

(Отвѣтъ).

Forте.

„Кляните насъ! Восторги пытокъ
 За тусклый день я не отдамъ!
 Я пью отравленный напитокъ,
 800 Меня равняющій богамъ!

И мой палачъ, орель разящій,
 Мнѣ близокъ, словно лучший другъ;
 Я длить хочу—животворящій,
 Меня врачующій недугъ!

Воспоминанья властью чудной
 Въ предѣлахъ прошлаго живу,
 И Островъ Счастья изумрудный
 Топчу, какъ прежде наяву!

Вотъ—тѣ же взоры, тѣ же руки,
 810 Вотъ—тѣ же милыя уста...
 Терзай, пытай, живыя муки
 Множь, вдохновенная мечта!

Мигъ, въ бездну канувшій,—окованъ
 И день, умершій въ прошломъ,—живъ!
 Ко мнѣ, палачъ!—И вотъ на зовъ онъ
 Слетаетъ, когти отточивъ!“.

11.

Presto.

Воспоминанье, воспоминанье, воспоминанье,
 Проклятый демонъ, съ огненными крыльями!

Ты обольщаешь хитрыми усилями
 820 Страдальцевъ плѣнныхъ.
 И, возлюбивъ свои страданья,
 Они, изъ пытокъ неизмѣнныхъ,
 Изъ безднъ, гдѣ стонъ и плачъ,
 Гдѣ ужасъ и проклятыя правятъ,—
 Кощунственные, славятъ
 Тебя, палачъ!

Часть четвертая.

(КОДА).

1.

Presto.

Воспоминанье!
 Всемошнй демонъ, съ пламенными крыльями,
 Скрывающій свое лицо!
 830 Ты торжествуешь надъ безсильями
 Страдальцевъ всѣхъ временъ и странъ!
 Ты возвращаешь имъ кольцо,
 Что въ день вѣнчанья
 Отдано невѣстѣ!
 И снова, въ золотой туманъ,
 Съ ней вмѣстѣ,
 Они идутъ, блаженные, вдвоемъ
 На островъ таинственно-святомъ!

2.

Lente.

Ты, страданьемъ утомленный,
 840 Пыткой долгой и безсонной,

Вспомни, что за моремъ спить,
Садъ священный Гесперидъ,
Солнцемъ Страсти озаренный!

Для мечты есть вѣрный путь!
Поспѣши къ мечтѣ прильнуть!
Промелькнуть, какъ тѣнь, во взорѣ
Земли, области и море...
Берегъ манить отдохнуть!

Тѣ же выгибы залива
850 Обошли утесъ красиво;
Тѣхъ же мраморныхъ аркадъ
Строемъ опоясанъ садъ,
Гдѣ сплелись лавръ и олива.

Слышишь: снова тѣхъ же дѣвѣ
Манить медленный напѣвѣ!
Въ роцѣ пробѣгутъ олени...
И тебя покроютъ тѣни,
Въ ризы бѣлыя одѣвѣ.

Дальше! въ глубь! къ завѣтнымъ плитамъ!
860 Тамъ, подъ камнемъ, клубомъ свитымъ,
Ждетъ шаговъ священный змѣй.
Быть ужаленнымъ сумѣй
Зубомъ сладко ядовитымъ!

Все—какъ прежде... Но глухой
Хохотъ слышенъ за горой.
Оглянись: пустыни—дики!

Ты, какъ призракъ Евредики,
Воздухъ ловишь предъ собой!

3.

Forte.

Воспоминавье! демонъ окрыленный!
870 Изощренный
Мучитель!
Палачъ и соблазнитель!
Да, ты умѣешь издѣваться!
Ты любишь
Въ различныхъ образахъ являться!
Томя великими соблазнами,
У пристани счастливой трубишь,
Ведешь, подъ звѣздами алмазными,
Къ прохладѣ лавровъ и платановъ,
880 Плѣняешь дальними миражами,
Ласкаешь, ластисься, морочишь;
И вдругъ, ломая кругъ обмановъ,
Всѣ призраки стирая, ты
Взлетаешь демономъ надъ кряжами
И, въ блескѣ крыльевъ, съ высоты
Надъ соблазненными хохочешь!

4.

Piano.

Голубья глуби рѣжетъ
Легкихъ санокъ смѣлый бѣгъ;
И лицо и руки нѣжить
890 Стаей бѣлыхъ мошекъ, снѣгъ.

Согрѣваясь пухомъ мѣха,
 Сладкой стужей дышитъ грудь...
 Предковъ древняя потѣха:
 Вольный снѣжнымъ полемъ путь!

Рядомъ—милое дыханье,
 Рядомъ—нѣжный, дѣтскій взглядъ...
 Нѣтъ въ пробѣгѣ разстоянья,
 Кони, крылья взвивъ, летятъ.

Это—ярые драконы!

900 Искры сыплеть взмахъ ноги!
 Съ серебристымъ снѣгомъ, звоны
 Вьются вокругъ дождемъ съ дуги!

Удаль русская, бывшая!
 Легкихъ санокъ смѣлый бѣгъ!
 Все несется, исчеза...
 Двое—здѣсь, да бѣлый снѣгъ!

5.

Forle.

Воспоминанье! духъ коварный!
 Палачъ и соблазнитель!
 Властитель

910 Бездны лучезарной,
 Чье имя—память о быломъ!
 Не тамъ ли живы миги эти,
 Въ невѣрно-серебристомъ свѣтѣ
 Дрожащей въ облакѣ луны?
 Не тамъ ли—бѣгъ саней, съ разбѣга

Несущихся подъ пляской снѣга,
 Надъ глубио синей бѣлизны!
 Не ты ли клубы тучь клокочешь,
 Звенишь съ дуги, бьешь вьюгой грудь,
 920 И мчишь двоихъ въ слѣпую муть?
 Но вдругъ,
 Вскрывая истину вокругъ,
 Надъ обольщенными хохочешь!

6.

Piano.

Лететь ручья, голубые цвѣты, расцвѣтанье
 природы...
 Кто же въ поляхъ: это—онъ, это—ты, ваши
 ясные годы!
 Съли подъ липой: зеленый откосъ добѣгаетъ
 до рѣчки;
 Словно причастницы—купы березъ, кроны
 елей—какъ свѣчка!
 Даль—хороша, голуба и свѣтла, луга запахи—
 любви...
 Крѣпко рука милый станъ облегла, близки
 алыя губы!
 930 Все невозможное--воплощено, стало явно и
 просто...
 Звонъ съ колокольни доходить давно, крикъ
 подростковъ съ погоста.
 Все—все-равно! и нигдѣ—никого! въ цѣломъ
 мѣрѣ—лишь двое!
 Чудо свершилось: онъ—твой, ты—его, это
 чудо земное!

Губы, умѣвшія прежде шептать лишь вопро-
сы,—замяѣли;
Косы распались, и черная прядь—на груди,
какъ у цѣли!
Первое „да“! первый разъ—поцѣлуй! Мигъ,
какъ вѣчность, обилень!
Лепеть ручья, говоръ ласковыхъ струй, блескъ
рѣки межъ извилинъ,
Запахъ цвѣтовъ... Это—„да“! Это—май! Май-
скимъ истинамъ вѣрьте!
Вирадчивый зовъ: „навсегда?“ Отвѣчай: „На-
всегда!—и по смерти!“.

7.

Forте.

940 Воспоминанье! дьяволъ беспощадный!
Палачъ и соблазнитель!
Скупой хранитель
Всей правды бозотрадной!
Ты точишь
На камняхъ раскаленныхъ сталь когтей
И клювъ, какъ ножъ убійцы изогнутый!
Ты самая блаженная минуты
Возсоздаешь съ ихъ нераздѣльнымъ блескомъ;
Блистанье луга, дрожь вѣтвей,
950 Ручей съ его немолчнымъ плескомъ;
То нѣжно шепчешь, то бормочешь
Завѣтные слова...
И вдругъ,
Обмановъ разрывая кругъ,
Въ величьи грозномъ божества,

Качая огненными крыльями,
 Надъ скорбными безсильями
 Страдальцевъ обезволенныхъ—хохочешь!

8.

Dolce.

Она лежала, закрывъ глаза,
 960 Лицо, какъ мраморъ, было блѣдно...
 Пристывъ къ рѣсницѣ, одна слеза
 При свѣтѣ таяла безслѣдно.

Не колыхалась нагая грудь,
 Но словно медлила проснуться...
 Нѣтъ! дрожью страсти, когда-нибудь,
 Не суждено ей колыхнуться!

Сейчасъ, казалось, свершится то,
 Что не случилось досмотрѣть ей..
 Здѣсь были двое... А третьимъ кто?
 970 —Ея душа быть можетъ третьей.

Чуть приоткрытымъ былъ алый ротъ...
 Она, мечталось, что-то спросить...
 Но мысль шептала: въ огни высоту
 Иная власть вопросъ уносить!

Какъ прежде, черенъ былъ отсвѣтъ косъ;
 Какъ прежде, руки—нѣжно малы...
 Но такъ алѣютъ букеты розъ,
 Съ водой поставлены въ бокалы.

Стонать и плакать?—Закрывъ глаза,
 980 Она была—какъ мраморъ блѣдный.
 Пристывъ къ рѣсницѣ, одна слеза,
 Сжигая, таяла безслѣдно.

9.

Forte.

Воспоминанье! дьяволъ многоликій!
 Палачъ и соблазнитель!
 Великій
 Учитель
 Мучительствъ, равный съ Божествомъ!
 Ты хочешь,
 Несчастныхъ душъ властитель,
 990 Царить въ краю земномъ,
 И надъ мученьями, томленьями, безсильями—
 Качая огненными крыльями,
 Хохочешь!

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Forte.

Ты торжествуешь, воспоминанье,
 Всесильный демонъ съ огненными крыльями!
 Весельемъ злобнымъ обуянъ,
 Ты на обманы громозишь обманъ,
 Чтобъ издѣваться надъ безсильями
 Страдальцевъ всѣхъ вѣковъ и странъ!
 1000 При древнемъ Громовержцѣ,
 Орломъ когтистымъ рѣя,
 Ты грудь терзало Прометея!

Ты, облетая шумный океанъ,
 Наполеону исклевало сердце!
 Бетховена казнило глухотой,
 Являя прошлое въ беззвучныхъ звукахъ!
 Ты распидало въ сладкихъ мукахъ
 Страдальца надъ могилой,
 Возсоздавая демонской игрой—

1010 То обликъ милый
 То день весны иль вольный путь зимой,
 То мраморъ бѣлыхъ плитъ:
 Садъ Гесперидъ!

И вѣчно,
 Надъ вѣчнымъ моремъ,
 Нагая высится скала,—
 Надъ жизнью быстротечной,
 Съ ея веселостью и горемъ,
 Стоитъ, тверда и тяжела!

1020 Кругомъ поютъ Океаниды
 Печальный гимнъ безсильныхъ утѣшеній,
 И глухо ропщеть старецъ-Океанъ...
 Прикованъ къ сумраку Колхиды,
 Непрерываемыхъ мученій
 Ждетъ, съ непреклонностью, Титанъ.

Вѣчно,
 Межъ плитъ гранита, аспида и шифера,
 Горитъ его надменный ликъ...
 И демонъ, съ обликомъ Люцифера,
 1030 Напрасно, пыткой безконечной,
 Исторгнуть силится изъ устъ гиганта
 крикъ!

Такъ есть, такъ было, и такъ будетъ.
Кто тайну вѣчности разсудить?

А мы,
Великіе и малые,—
Наполеонъ, Бетховенъ, и безвѣстный
Страдалецъ, въ обаяньи тьмы,
Цѣлующій, какъ символъ крестный,
Въ цвѣтахъ могильныхъ маки алые,—
1040 Безумцы, всѣ,
Твой обликъ безпощадный славимъ,
Мучитель,
Палачъ и соблазнитель,
И праздники воспоминанья правимъ,
Распятыя на страшномъ колесѣ?

Воспоминанье!
Первосвященникъ тайнствъ роковыхъ!
Всесильно властвуй
Своей покорной паствой,
1050 Толпой своихъ рабовъ земныхъ!
Горе—
Всѣмъ, кто твоей предался власти!
Съ неумолимостью во взорѣ,
Точа о скалы сталь когтей
И клювъ, сердца терзающій на части,
Орлинымъ клекотомъ надъ сонмомъ плѣнныхъ,
Злорадствуй *inibi et ogibi*:
„Нѣтъ большей скорби,
Какъ вспоминать о дняхъ блаженныхъ
1060 Во дни несчастій!“.

Валеріи Брюсовъ.

М. ВОЛОШИНЪ.

Ниммерійскія сумерни.

ИИ.

Стремнины.

Изъ цикла „Киммерійскія сумерки“.

I.

Твоей тоской душа томима,
Земля утерянныхъ боговъ!
Дуль свѣжій вѣтръ... Мы плыли мимо
Однообразныхъ береговъ.

Ныряли чайки въ глубь морскую,
Клубились тучи. Я смотрѣлъ,
Какъ солнце мечетъ въ зыбь стальную
Алмазные потоки стрѣль,

Какъ съ черноморскою волной
Азова илистыя воды
Упорно мѣситъ вѣтръ крутой
И, вѣстникъ близкой непогоды.

Развертываетъ свитки тучъ,
Срываетъ пѣну, вихритъ смерчи,
И дальнихъ ливней темный лучъ
Повисъ надъ берегами Керчи.

II.

Заката алаго заржавѣли лучи
По склонамъ рыжихъ горъ... и облачной галеры
Погасли паруса. Безъ края и безъ мѣры
Растетъ ночная тѣнь. Остановись. Молчи.

Каменья зноемъ дня во мракъ горячи.
Лука полынныя нагорій тускло-сѣры..
И низко надъ холмомъ дрожащій серпъ Венеры,
Какъ пламя воздухомъ колеблемой свѣчи..

III.

Вѣтеръ съ неба хлопья облакъ вытеръ,
Синимъ окомъ свѣтитъ водоемъ,
Желтою жемчужиной Юпитеръ
Надъ сѣдымъ возносится холмомъ.

Искры свѣта—въ дискѣ наклоненномъ,—
Спутники стремительно бѣгутъ..
А заливы въ зеркалѣ зеленомъ
Пламена созвѣздій берегутъ.

А вблизи струя звенить о камень,
А внизу полетъ звенить цыкадь,
И въ душѣ гудить пѣвучій пламень
Въ синевѣ сияющихъ лампадъ.

Кто сказалъ: „Змѣею препояшу
И пошлю?“... Ликуя и скорбя,
Возношу къ верховнымъ солнцамъ чашу,
Переполненную свѣтами,—себя.

IV.

И было такъ, какъ будто жизни звенья
Ужъ были порваны... успокоенье

Глубокое... и медленный отливъ
Всѣхъ думъ, всѣхъ силъ... Я сознавалъ, что живъ

Лишь по дыханью травъ и повилики.
Восходъ Луны встрѣчали чаекъ клики...
А я тонулъ въ холодномъ лунномъ снѣ,
Въ мерцающей лучистой глубинѣ,
И на меня изъ влажной бездны плыли
Дожди кометъ, потоки звѣздной пыли...

Города въ пустынь.

Акрополи въ лучахъ вечерней славы.
Кастильи нищихъ рыцарскій покровъ.
Троады скорбь среди нѣмыхъ холмовъ.
Апулии зеркальныя оправы.

Безвѣстныхъ странъ разбитыя заставы,
Могильники забытыхъ городовъ.
Размывы, осыпи, развалины и травы
Изглоданныхъ волною береговъ.

Озеръ агатовыхъ колдующія очи.
Сапфирами увлаженныя ночи.
Сухія русла, камни и полынь.

Тѣней Луны по склонамъ плащъ зубчатый.
Монастыри въ преддверіи пустынь,
И мѣдныхъ солнць гудяще закаты...

Максимиліанъ Волошинъ

А. ВЪХОВСКІЙ.

СТИХИ.

Б. А. Ч.

In memory of our friendship.

Субботній день я дѣлаю пустымъ нарочно,
Чтобъ память пыльная воскресла и цвѣла.
Укрывшись, сердце не умѣетъ биться точно,
Хотя одна любовь къ тебѣ меня вела.

Холодный свѣтъ огня, и жесткій хрустъ страницы.
Глухонѣмой рояль. Надъ нимъ зрачки картинъ.
За окнами зима перебираетъ спицы
И вяжетъ кружево изъ тонкихъ легкихъ льдинъ.

Съ другого берега неслышны пѣсни скальда,
Какъ съ улицы другой неслышенъ шумъ людей.
Бездушныя слова бездушнаго Уайльда,
И стѣны тѣсныя такихъ же тѣсныхъ дней.

Субботній день я дѣлаю пустымъ нарочно,
Но мысли близкія напрасными живутъ.
Укрывшись, сердце не умѣетъ биться точно,
Хотя мои слова къ нему всегда идутъ.

А. Вяземскій.

Валерій Язвickий.

Изъ книги „Видѣнья странника“.

Пѣсни зари.

Зажжетъ заря багряные огни,
И день придетъ съ игрою свѣтотѣни,
И на небесныя взойдетъ ступени,
Какъ всѣ въ огняхъ сверкающіе дни.

Но, кругъ свершивъ, погаснутъ вновь они:
Въ чертогъ небесъ ночныя вступятъ тѣни.
Лишь неизмѣнны въ безконечной смѣнѣ
Зари багряной факелы одни.

И въ сердцѣ такъ. Приходитъ день, сверкая
Огнемъ во мнѣ бушующихъ страстей,
Чтобъ ласки жгучихъ сладостныхъ сѣтей

Гасить во тьмѣ. Но вновь заря другая,
Стремясь пылать въ кругу моихъ огней,
Звучить мнѣ пѣсней, смѣны отмѣчая.

Гвоздика.

Рѣзки острые изломы
Прихотливыхъ пурпурныхъ гвоздикъ,—
То понятны и знакомы,
То полетъ ихъ такъ внезапно дикъ.

Послѣ розы круглотомной
Заостренность страсти ихъ сладка,
Будто мыслей острыхъ сонмы,
Остры стрѣлы страннаго цвѣтка.

Четкость тонкаго узора
У кровавыхъ молнии бытїи
Манить тайностью позора
Въ ароматахъ терпкихъ питїя...

* * *

Махнула ночь косматымъ рукавомъ,
И хлынулъ мракъ широкою волною...
Бѣгутъ часы въ порядкѣ роковомъ,
Какъ вороны, кружатся надо мною.

И мнится—кто-то трепетнымъ перстомъ
Гадаеть медленно по книгѣ звѣздной,
И въ небѣ этомъ—темномъ и пустомъ—
Смутилъ мой робкій взоръ страницей грозной...

Гдѣ льется мракъ широкою волною,
Тамъ золотомъ блистають письма,
И жизнь, и смерть здѣсь бьются предо мною,
Какъ въ морѣ бьется вѣчная волна.

Ночной поѣздъ.

Взываетъ гулко паровозъ
Въ тиши полей осеннихъ,
Вагоны, будто тѣни,
Средь мглы влетаютъ на откосъ.

Горя во тьмѣ глазами,
Желѣзно-страшная змѣя
Скрежещетъ тормозами,
И стонуть мертвыя поля.

Клубится дымъ, грохочетъ паръ,
И мчится вдаль видѣнье,
Неся среди смятенья
Огней сверкающихъ пожаръ.

И долго степь не засыпаетъ,
Глядя чудовищу во слѣдъ,
Что искры разсыпаетъ,
Какъ знамя яростныхъ побѣдъ.

Вѣтеръ.

Изъ тьмы холодной ночи
Кричитъ онъ неустанно,
И сердцу голосъ странный
Внимать не стало мочи.

Изъ чьей груди могучей
Несется стонъ унылый?
Кто плачетъ надъ могилой,
Какъ плащъ одѣвши тучи?..

Не знаю я, не знаю!..
Но въ сердцѣ голосъ странный
Вскрываетъ снова раны,—
И тьму я проклиная...

* * *

Нынче бабочки двѣ пролетѣли,
Будто радости первые сны..
Цѣлый день я скитаюсь безъ цѣли
Утомленный ласканьемъ весны.

Улыбаются тучки жемчужно,
Зеленѣя, смѣются сады.
И не знаю, что сердцу такъ нужно
Въ этихъ блестяхъ бѣгущей воды?

Но потокомъ толпы растворенный,
Я во власти неясной мечты,
Утомленный, въ кого-то влюбленный,
Покупаю зачѣмъ-то цвѣты...

*
* * *

Одуванчики ярко цвѣтутъ,
Покрывая луга позолотой...
Будто радостно ходить здѣсь кто-то,
Будто ризы счастливые ткутъ.

Одуванчики, солнца отсвѣтъ,
Отцвѣтутъ, отживутъ и помчатся,
Какъ бродяги, по свѣту скитаться.
Понесутъ новой жизни привѣтъ.

И опять расцвѣтутъ, отцвѣтутъ,
Покрывая луга позолотой...
И коверъ свой съ веселой заботой
Надъ могилой моею соткутъ...

К. БАЛЬМОНТЪ.

Почему идетъ снѣгъ.

Стремнины.

Почему идетъ снѣгъ.

РАЗСКАЗЪ.

Насъ было семь за столомъ, семь, какъ въ балладѣ.

Хозяйка дома, высокая и красивая дама, которая всегда куда-нибудь торопилась и никогда никуда не попадала во-время, ибо, спѣша къ чему-нибудь, неизмѣнно зацѣплялась своимъ сочувствіемъ за что-нибудь другое и, желая приласкать вѣрную собаку, конечно, сажала къ себѣ на колѣни кошку.

Ея подруга, довольно еще молодая дѣвушка, съ пышнымъ наименованіемъ, дарованнымъ ей судьбой, Перпетуя Ханенкопфъ, дѣятельная членица общества „Приутайная Хижина Человѣкомудрыхъ“, въ которомъ по средамъ и пятницамъ члены и членицы общества читали доклады о человѣческихъ возможностяхъ, развитіемъ тайныхъ силъ человѣка нарушить, всѣ законы возможности.

Родственница хозяйки, тихая и кроткая молодая женщина русалочьяго лика. Ее за любовь къ молчанію и невмѣшательству дѣти прозвали Ирина Молчальница, чѣмъ она не была недовольна, а скорѣе обласкана.

Юная дѣвушка Женя, съ быстрыми черными глазками, смѣшная, умная, быстрая, какъ звѣрекъ, и нѣжно румяная, какъ недоспѣлая брусника, Женя, влюбленная въ міръ и въ себя и, ну, конечно, еще въ кого-нибудь.

Еще болѣе юная дѣвушка, которая, не будучи грузинкой, называлась Тамарой, чаще—Тамарикъ, лучезарная юница шестнадцати лѣтъ, еще ничѣмъ

не отравленный цвѣтокъ. Полузрелая малютка, которую мать напрасно заставляла читать драмы Ибсена, ибо она предпочитала убѣгать на прудъ и удить карасей или кататься на конькахъ, если была зима.

Капризная Вероника, златоволосая дѣвочка девяти лѣтъ, жадными глазенками своей вѣчно трепещущей и хотящей души уже успѣвшая заглянуть во много цвѣтовъ и звѣздъ и человѣческихъ глазъ и коробокъ съ конфетами.

И, наконецъ, я, вѣчный бѣглець отъ самого себя, тоскующій о далекой-близкой, ненавидящій мужское, обожающій женское, чѣмъ и объясняется, что за столомъ, кромѣ меня, не было никого, кромѣ свѣтлыхъ носительницъ женскаго лика на землѣ, болѣе исполненнаго тайнъ и недоговоренностей.

Цѣня многогранную игру кристалла, и люблю, находясь въ обществѣ нѣсколькихъ людей, вдругъ задать какой-нибудь вопросъ, заранѣе обезпеченный отвѣтами присутствующихъ. Сколько разъ и ни игралъ въ эту игру, всегда бывало интересно, и непременно въ одномъ отвѣтѣ, или даже въ нѣсколькихъ, просвѣчивало сіянье настоящаго угаданія. Это неизбежно. Ибо здѣсь затрогивается заложенная въ насъ глубоко и проявляющаяся во всѣхъ первобытныхъ народахъ страсть къ загадкѣ.

И вотъ я, седьмой, попросилъ шестиугольную медвяную келейку отдать мнѣ скрытый медъ. Я спросилъ: „Почему идетъ снѣгъ?“. Я попросилъ, чтобы каждый отвѣтилъ, — вѣрнѣе каждая изъ бывшихъ со мною, замянувъ въ себя, отвѣтила: — почему есть въ мѣрѣ снѣжинки, почему идетъ снѣгъ.

Хозяйка дома пожелала отвѣтить первая и тотчасъ начала, взволнованно и какъ бы оспаривая незримаго собесѣдника, говорить о веснѣ, потомъ скавала что-то длинное о лѣтѣ, добралась, нако-

нець, и до осени, но такъ-таки ничего не сказала ни о зимѣ, ни о снѣгѣ и предоставила говорить за себя Ирину Молчальницу.

Но Ирина Молчальница взглянула на меня своими русалочьими глазами и, оправдывая свое наименование, просвириѣла: „Я ничего не знаю“.

Тутъ юнѣйшія соскучились, и обѣ, сначала Вероника, а за ней Тамара, сказали, что онѣ хотятъ пойти къ себѣ, и каждая напишетъ отвѣтъ. Онѣ были отпущены.

Влюбленная въ міръ и въ себя Женя усмѣхнулась и сказала, что по снѣгу хорошо идти въ собольей шубкѣ, и, если снѣговой водой умыться, лицо весь день бываетъ румяное. Она лепетала также о томъ, что очень весело бросаться снѣжками и попадать сразу въ нѣсколькихъ. Она намекнула также, что она чья-то невѣста, и что подвѣнечное платье красиво, а оно цвѣта снѣга. Я не могъ съ ней не согласиться. Я нашелъ только, что если дѣйствительно она будетъ въ подвѣнечномъ платьѣ, ей хорошо было бы вплести въ волосы двѣ красныя розы. Но все это имѣло лишь косвенное отношеніе къ моему вопросу.

Я воззвалъ къ большому чувству метода и порядка. Я хотѣлъ точности отвѣта, и Перпетуя Ханенкопфъ, улыбаясь загадочно и выдвинувъ губы впередъ педантически, отвѣтила мнѣ: „Снѣгъ идетъ въ міръ потому, что на небѣ былъ остриженъ первый бѣлый котъ“.

Большинство присутствовавшихъ нашло отвѣтъ неудовлетворительнымъ и непонятнымъ. Первымъ обвиненіемъ Перпетуи Ханенкопфъ была самодовольно уязвлена, вторымъ самодовольно обрадована.

Я нашелъ ея отвѣтъ, напротивъ, любопытнымъ и заключающимъ въ себѣ, съ ея или безъ ея вѣ-

дома, совершенно опредѣленный смыслъ. Котъ, кошка, звѣрь сладострастія. Шерсть, какъ и человѣческіе волосы, не только самозащита тѣла отъ холода и иныхъ враждебныхъ условій жизни, но и одно изъ колдующихъ зачарованій, устремленныхъ поломъ къ полу. Потому чрезмѣрно пышные волосы возбуждаютъ въ другомъ или страстную влюбленность, или глубокое отвращеніе. И влага—стихія страсти, дождь—мировой символъ сладострастія. Застывшая влага облака, рождающаго снѣжинки вмѣсто капель дождя, можетъ внушать такой замыселъ, какъ этотъ обстриженный бѣлый котъ. Только для чего она его обстригла, нѣжно-педантическая Перпетуя? Не остригла ли она его оттого, что, будучи соучастницей „Пріутайной Хижины Человѣкомудрыхъ“, она и въ свои чувства ввела ножницы, холодное рѣжущее желѣзо, которое вообще натворило много зла, какъ о томъ повѣствуетъ „Калевала“.

Мнѣ хотѣлось не аллегоріи, а образа, гдѣ мысль была бы лишь сіяющимъ соприсутствіемъ, а не убивающимъ охлажденіемъ и явственнымъ скелетомъ. Образъ дала мнѣ маленькая Вероника, ибо дѣтямъ открыто больше, чѣмъ взрослымъ. Она принесла двѣ страницы, исписанныя крупнымъ твердымъ почеркомъ. И, отдавая свое разъясненіе „Почему идетъ снѣгъ“, она успѣла мимоходомъ дернуть за рукавъ Ирину Молчальницу и похитить двѣ сверхсмѣтныя шоколадки, которыя уже таяли въ ея розовомъ ротикѣ.

Я прочелъ:—

„Это было давно, давно, когда на землѣ не было снѣга. Каждое время года одѣвало землю. Весна одѣвала ее молоденькой травкой, лѣто цвѣточками, а осень красными, бурыми, и желтыми листьями. Только бѣдной зимѣ нечѣмъ было приукрасить

землю. Деревьямъ было холодно и неудобно. Они сердились на зиму и бранили ее. Но одна маленькая дѣвочка спасла зиму отъ брани деревьевъ. Случилось это вотъ какъ:—

„Въ одной деревнѣ жилъ мужикъ, у него не было дѣтей, и жена его очень горевала. Наконецъ, у нихъ родилась дочь. Мать недолго прожила отъ радости. Когда она умерла, ея мужъ взялъ другую жену. Эта женщина оказалась очень злой, совсѣмъ обратно тому, что думалъ мужикъ. Она больно била бѣдную сиротку и, наконецъ, до того взбѣсилась на бѣдняжку, что въ одну зимнюю ночь, когда отца не было дома, выгнала ее изъ дому. Залилась дѣвочка слезами и пошла куда глаза глядятъ. Услышала она, какъ деревья бранятъ зиму, и ей стало жалко зиму, и она стала молиться Богу. Она молилась, чтобъ Богъ сдѣлалъ изъ нея что-нибудь, что могло бы укрыть деревья. И Богъ услышалъ ея молитву.

„Дѣвочка вдругъ пропала, а вмѣсто нея явилось бѣлое облачко, и изъ него посыпался снѣгъ“.

Едва я кончилъ чтеніе этой удивительной сказочки, родившейся въ дѣтскомъ умѣ, озаренномъ минутою наитія, какъ въ комнату вошла торжествующая Тамарикъ и принесла свой отвѣтъ на вопросъ.

Я прочелъ:—

„Въ далекой Лапландіи жилъ большой бѣлый олень. Онъ жилъ въ лѣсу со своими дѣтьми и ѣлъ сѣрый мохъ. Онъ заботился о своихъ дѣтяхъ, и, чтобы не было холодно, не пускалъ морозъ въ свою страну. А такъ какъ у него были крѣпкіе рога и быстрыя ноги, то въ его странѣ было тепло и не было зимы.

„Но однажды къ оленю пришелъ шаманъ и сказалъ ему: „Иди въ мои владѣнія. Тамъ, у де-

рева Совѣта, тебя ждуть уже всѣ звѣри“. Олень пошелъ за нимъ. Но только онъ ушелъ изъ своихъ лѣсовъ, какъ услышалъ плачь своихъ дѣтей. Это зима пришла безъ него и заморозила землю. Маленькіе олени не находили сѣраго моха и кричали отъ голода. Олень поднялъ уши, остановился, и, узнавъ голосъ своихъ дѣтей, сказалъ шаману: „Я вернусь. Я слышу, дѣти мои кричатъ. Я вернусь, или они умрутъ отъ голода“. Но шаманъ отвѣтилъ ему: „Нельзя терять время, когда всѣ звѣри ждуть. Скажи мнѣ, что ты можешь сдѣлать для своихъ дѣтей, не возвращаясь домой, и я помогу тебѣ“. Олень сказалъ: „Я хочу согрѣть землю и воскресить сѣрый мохъ“. Шаманъ поколдовалъ и тронулъ его волшебной палочкой. Тогда олень сталъ тереться о стволъ большой сосны. Поднялся вѣтеръ, и съ оленя стала падать его бѣлая шерсть. И вѣтеръ понесъ ее, и разсѣялъ, и укуталъ ею землю.

„Подъ бѣлымъ покровомъ ожилъ мохъ, и дѣти оленя нашли его. Теперь зима и холодъ не были имъ врагами. У нихъ былъ сѣрый мохъ, и они могли жить“.

И дѣтская сказка, и полудѣтская легенда показались мнѣ очаровательными. Всѣмъ стало радостно и красиво отъ нихъ. Но внутренній голосъ во мнѣ, голосъ далекой-близкой, добавилъ: „Во второй сказкѣ больше варослости въ изложеніи. И варослость—въ меньшей жертвѣ“.

Конечно, такъ. Ребенокъ или все возьметъ, даже отниметъ у другого, или все свое отдастъ другому. Въ этомъ ребенокъ—полубогъ.

Однако, нужно было и мнѣ дать какой-нибудь отвѣтъ на поставленный мною вопросъ. Но, считая, что двѣ дѣвочки уже разрѣшили его мастерски, я даль отвѣтъ уклончивый. Прочелъ сонетъ

гдѣ послѣдовалъ примѣру хозяйки дома, которая всегда куда-нибудь торопится и никуда не попадаетъ во-время. Я только былъ немного послѣдовательнѣе и, не споткнувшись на осени, дошелъ до зимы.

Я прочелъ „Весь Кругъ“

„Весна—улыбка сердца въ ясный май
Сквозь изумрудъ застѣнчивый апрѣля
Весенній сонъ—Пасхальная недѣля,
Намъ снѣжійся въ минутѣ древній рай.

И лѣто—праздникъ Блескъ идетъ за край
Мгновенія, чрезъ отероженье хмѣля.
Пей, пей любовь, звеня, блестя, свирѣля.
Мигъ кончится и вымолвить: „Прощай!“

И торжество при сборѣ винограда
Узнаешь ты въ роскошной полнотѣ.
И, гроздя выжавъ, станешь на чертѣ,—

Заслыша сказъ, что завела прохлада.
И будетъ вьюга, въ бѣлой слѣпотѣ,
Кричать сквозь мѣръ, что больше сновъ не надо.“

Я вышелъ на улицу. Было свѣжо, но не холодно. Крупными мягкими хлопьями падалъ бѣлый снѣгъ. И, весь окруженный бѣлою вселенной съ крутящимися хлопьями, я ощущалъ мѣръ таинственно-прекраснымъ. Я видѣлъ снѣгъ тысячу, много тысячъ разъ, но въ этомъ своемъ ликѣ никогда не пойму и не узнаю, почему идетъ снѣгъ. Я могу только пытаться построить внѣшнія истолкованія самаго явленія, но не знаю и не вижу его таинственной сущности и его отдѣльной неизбежности. Вѣдь природа безгранична въ своихъ

творческих прихотяхъ въ образованіи разныхъ ликовъ своихъ думъ, своихъ чувствъ, своей музыки, своей воли. На Самоа нѣтъ сѣнга никогда. Значить, и въ цѣломъ мірѣ онъ могъ никогда не возникнуть. Если жъ возникъ, это было нужно такъ. Почему же идетъ сѣнгъ?

Я думалъ о древней Индусской книгѣ „Браманасъ“. Тамъ говорится, что основа всего бытія есть жертва, неизбывная, неисчерпаемая жертва всего во имя части, божескаго во имя звѣринаго и человѣческаго, совершеннаго, во имя несовершеннаго.

Я думалъ о нашей „Голубиной Книгѣ“, гдѣ та же мысль, о Книгѣ Глубинной.

„...Бѣлый свѣтъ у насъ зачался отъ хотѣнья
Божества.

Отъ великаго всемірнаго Воленія.

Люди жъ темны оттого, что воля свѣта въ
нихъ мертва,

Не хотягъ въ душѣ разслышать вѣчность пѣнія.
Солнце красное—отъ Божьяго пресвѣтлаго
лица,

Мѣсяць свѣтель—отъ Божественной серебра-
ной мечты,

Звѣзды частыя—отъ ризъ его, что блещуть
безъ конца.

Ночи темныя—отъ Божьихъ думъ, отъ Божьей
темноты.

Зори утренни, вечернія—отъ Божьихъ жгучихъ
глазъ,

Дробень дождикъ—отъ великихъ, отъ повтор-
ныхъ слезъ его,

Буйны вѣтры—оттого, что есть у Бога вѣщій
часъ,

Неизбѣжный часъ великаго скитанья для него“..

„Жертва была первѣе всѣхъ“, поютъ Индусы. „Владыка созданій есть жертва. Тѣло Владыки существъ, члены его суть пѣснопѣнья. Духъ его жертва“.

И когда мы уходимъ въ нашей жизни все дальше и дальше отъ своего первоистока, намъ все менѣе и менѣе слышенъ первоосновный голосъ міра. Потому и я въ своемъ сонетѣ, и много читавшая приутайщица, и хорошенькая невѣста, прикоснувшись къ тайнѣ міра, лишь скользнули по ней. А два милыя ребенка, дѣтство и юность, коснувшись тайны, тотчасъ увидѣли въ магическомъ зеркалѣ своей первичной свѣжести глубокую правду міра.

Не потому ли, что эта правда должна быть сохранена въ мірѣ отъ гибели, мы, сильные, замерзаемъ въ лютые морозы и гибнемъ, а маленькій зеленый стебелекъ, который долженъ расцвѣсть подъ солнцемъ для очей видящихъ, и дастъ бабочкѣ цвѣточной пыльцы, а пчелѣ—радость меда, а можетъ-быть, большому сильному человѣку—радость зерна,—этотъ стебелекъ, что можно стереть, уничтожить легкимъ движеніемъ руки, не гибнетъ въ свирѣпомъ холодѣ и спокойно спитъ, дожидаясь въ сугробѣ своей весны?

Цвѣтите же, малые стебельки. Расцвѣтай, Вероника.

Н. Бальмонтъ.

А. ОКУЛОВЪ.

НАДЕНЬКА.

ИЗДАНИЕ
1904

СПБ.

Наденька.

(РАЗСКАЗЪ).

I.

Уже прошло шесть мѣсяцевъ, какъ Петровскій жилъ на этой квартирѣ. Хозяйка его была разоренная помѣщица или что-то въ этомъ родѣ, со сложнымъ прошлымъ за спиной; онъ мало зналъ ее. Въ комнатахъ облившаго небольшого дома на Петербургской сторонѣ стояла мебель дѣдовской эпохи: столы съ позеленѣвшей инкрустаціей, пузатые комоды; на полахъ были разостланы отцвѣтшіе ковры; умираніе отошедшихъ временъ неуловимо носилось въ воздухѣ.

Утромъ Петровскаго будило звяканье ошейниковъ и чьи-то старыя охотничьи собаки просыпались, потягивались на коврахъ, звеня наборомъ, и отправлялись уныло бродить изъ комнаты въ комнату, тыкаясь носомъ въ дверныя щели; тускло смотрѣли на міръ ихъ слезящиеся глаза.

Съ этого пороха начинался однообразный день неинтересной и вялой жизни. Петровскій много читалъ, лежалъ до утомленія, ронялъ свою книгу и снова брался за нее, оставивъ свою жизнь идти безъ его воли и участія—такъ, какъ она слагалась сама собой; проходили мѣсяцы тягучаго существованія, не возмущеннаго ничѣмъ; казалось, что форма жизни найдена, вопросъ рѣшенъ. Спокойствіе...

И было на душѣ спокойствіе.

Но иногда почему-то вдругъ дѣлалось тревожно; онъ больше не могъ выносить ни чтенія,

ни своихъ собственныхъ мыслей о немъ, ни найденной формы жизни. Тогда онъ разомъ срывался съ мѣста и бѣжалъ, скоро бѣжалъ куда-то по улицамъ города—куда?.. Смутное стремленіе руководило имъ. Онъ все-же былъ молодъ и мало жилъ.

Пришелъ уже конецъ апрѣля въ тотъ годъ, запоздавшая весна. Городскіе бульвары и сады скромно одѣвались блѣдненькой, наивной зеленью. По влажнымъ дорожкамъ скверовъ бѣгали дѣти, и няньки въ широкихъ юбкахъ, какъ старыя утки, вперевалку гонялись за ними. Голосисто, звонко кричали дѣти на солнцѣ и птицы вокругъ щебетали,—царство криковъ. Переливалась подъ лучами перламутровая даль.

Петровскій блуждалъ въ такіе дни изъ улицы въ улицу.

Иногда проходила мимо него одинокая молодая женщина съ краснѣющими губами, исполненная тихаго и молчаливаго желанія; она проходила близко, почти задѣвъ его краемъ платья... Но онъ мало замѣчалъ все то, что видѣлъ; весеннее разсѣянiе охватывало его, растворяло его въ себѣ безлично и безслѣдно; и онъ покорно шель съ спутанными мыслями, не отдавая себѣ отчета во всемъ происходящемъ.

Однажды вечеромъ онъ вернулся домой послѣ долгихъ часовъ такой прогулки.

Въ комнатѣ его стоялъ полумракъ сумерекъ: неясно расплывались пятна вещей, и казалось непривычно пусто. Только за стѣной у хозяйки кто-то смѣялся отрывисто и громко молодымъ заливающимся смѣхомъ.

Потомъ смѣхъ разомъ стихъ; молчаніе.

И вдругъ въ двери Петровскаго постучались.

Это была хозяйка, Марья Николаевна.

— Пожалуйте къ намъ. Такъ давно живете у

насъ и съ нами не знакомы. Это какъ-то ненормально... Выпейте стаканъ чайку у насъ. Не угодно ли?

Петровскій удивился и почувствовалъ колебаніе. Онъ не очень любилъ эти квартирныя знакомства.

Но, несмотря на всѣ его отказы, хозяйка стояла передъ нимъ, добрая, толстая, съ сентиментальнымъ круглымъ лицомъ, и играла на него отцвѣтшими, когда-то блиставшими глазами.

— Нѣтъ, я не въ состояніи повѣрить. Неужели откажетесь? Вотъ ужъ нетрудная какая была бы любезность... Какъ? Неужели не пойдете? Никогда бы не повѣрила, что вы можете такъ поступить со мной.

Тогда онъ ненужно усиленно и чопорно поклонился—какъ кланяются люди, когда хотятъ показать свою воспитанность.

— Я съ удовольствіемъ, даже съ большимъ... Я—сейчасъ.

И когда она вышла изъ комнаты, онъ поморщился, подошелъ съ гримасой къ зеркалу, поправилъ свои густые волосы и золотистые усы на молодомъ лицѣ. А потомъ, распрямившись, вошелъ въ столовую.

У чайнаго стола сидѣли сѣдой старикъ,—его назвали Петромъ Ивановичемъ, еще какой-то низенькій и плотный господинъ, который едва пошевелился навстрѣчу представленію и молодая дѣвушка.

О чемъ-то говорили, и разговоръ вдругъ оборвался.

Низенькій и плотный господинъ захохоталъ, раскинувшись по креслу.

Петровскій оглянулся на этотъ смѣхъ,—въ немъ было что-то поразительное.

— Вотъ сейчасъ мы спросимъ г-на Петровскаго, что онъ намъ скажетъ... Вотъ ужъ онъ намъ расскажетъ по - настоящему! Развѣ не правда? А?

И плотный господинъ опять хотѣлъ вернуться къ прерванному разговору.

Дѣвушка сердилась.

— Тетя, что это? Зачѣмъ? Ну, зачѣмъ же?

— Отчего же—нѣтъ, Наденька?

— Я не хочу, чтобы онъ спрашивалъ объ этомъ.

Сѣдой старикъ спокойно и тихо сказалъ ей:

— Ужъ если вы не хотите, Наденька, никто не будетъ говорить. Какъ вы хотите, такъ и будетъ. Говорятъ для пріятнаго, а кто же захочетъ сдѣлать непріятное вамъ? Такъ и будетъ, какъ вы хотите.

Но хохотавшій господинъ настаивалъ на своемъ.

— А я хочу иначе, чѣмъ вы, Петръ Ивановичъ. Нѣтъ, ужъ вы позвольте мнѣ рассказать попорядку г-ну Петровскому... Разговоръ тутъ шель о любви, между прочимъ. Такъ интересно поговорить о любви съ молоденькой дѣвушкой! Я говорю, что любовь—наслажденіе, а она не вѣритъ. Она, знаете, рассказываетъ о какой-то другой любви—будто бы съ хоромъ и органомъ, и чтобы ангелы чистыми устами воспѣвали хвалу Христу пронзенному, и чтобы ноги Христовы своими устами цѣловать, лобызать бы эти ноги безъ конца, и чтобы тутъ со грѣхами своими у ногъ Его и умереть... Ну, что за идея для молоденькой дѣвушки, а? Нѣтъ, скажите, что за идея? Патологично.

И онъ опять залился своимъ поразительнымъ хохотомъ.

Раздраженно и непокорно смотрѣла на него Наденька; что-то тяжелое было въ ея четырехугольномъ, чистомъ, точно отлитомъ лбѣ и въ стрѣльчатыхъ ея бровяхъ; странно и наивно розовѣли ея дѣтскія, еще пухлыя губы на сумрачномъ лицѣ.

— Я васъ прошу оставить это. Неправда? Я никогда не говорила ничего подобнаго, никогда! Нѣтъ, тетя, зачѣмъ все это? Я не хочу этого... Тетя? Зачѣмъ такъ зло смѣяться...

Марья Николаевна безпомощно улыбулась.

— Ну, что же тебѣ?.. Ну, не все ли равно, ну, зачѣмъ же сердиться?.. Григорій Алексѣвичъ шутить.

— Я не говорила этого!

— А что же вы говорили?—опять спросилъ низенькій господинъ.

Наденька оглянулась на Петровскаго; несмѣлая, извиняющаяся улыбка прошла по ея губамъ; нѣсколько мгновений она колебалась.

— Григорій Алексѣвичъ такъ неправильно рассказываетъ... Я просто сказала, что любовь вовсе не наслажденіе. Почему же обязательно—наслажденіе? Развѣ не можетъ быть—страданіе? А я не говорила, что нужно обязательно страданіе въ ней.

— А искупленіе-то ваше?—подхватилъ господинъ.—Искупленіе въ любви? Вотъ расскажите намъ—что искупленіе значитъ? За что оно? Любовь сладка и невинна... За что-же искупленіе?..

Онъ пожиралъ ее глазами въ это мгновеніе, оглядывалъ ее, впиваясь взглядомъ въ цвѣты, которые были приколоты на ея хрупкой, но уже начинающей круглѣть груди.

— Что значитъ ваше искупленіе? А?

— Почему — *мое искупление?* — спросила она, какъ-то слишкомъ въ упоръ и прямо.

Глаза ея враждебно загорѣлись, и четырехугольный лобъ перерѣзала морщина; нѣжная улыбка припухлыхъ губъ исчезла. Разговоръ становился слишкомъ серьезнымъ.

Петровскому было неловко, и онъ заговорилъ въ свой чередъ.

Тогда всѣ съ живостью и облегченіемъ повернулись къ нему.

— Мнѣ кажется, что любовь можетъ быть и страданіемъ, и наслажденіемъ, какъ когда. Я не совсѣмъ понимаю вашъ споръ. Если любовь несчастна, т. е. я хочу сказать: если она не встрѣчаетъ взаимности, тогда она — источникъ страданія... А если любовь счастлива...

Но низенькій господинъ раскатился долгимъ смѣхомъ.

Петровский въ недоумѣніи остановился и повернулся къ нему.

— Вы... чему же смѣетесь? Я не понимаю.

Только теперь онъ разсмотрѣлъ красное отъ хохота лицо Григорія Алексѣевича съ вытѣзающими изъ орбитъ глазами, его жирныя, влажныя губы и оскалъ его желтѣющихъ зубовъ. Григорій Алексѣевичъ показался Петровскому непріятнымъ и дерзкимъ, а главное — этотъ низенькій господинъ смѣялся, и смѣялся явственно надъ нимъ, Петровскимъ, надъ его словами, прямо ему въ лицо.

И гнѣвъ, и обида поднялись въ душѣ Петровскаго; онъ былъ задѣтъ въ своемъ самолюбіи.

— Если вамъ такъ смѣшно, я не буду говорить. Излишне. Для чего же я буду говорить?

— А развѣ вы говорите только для меня? Исключительно?

Петровский разсердился.

— Я не для васъ говорилъ, меньше всего для васъ,—можете быть увѣрены.

— Ну, такъ продолжайте, молодой человѣкъ...
Продолжайте же.

Но разговоръ уже не могъ возобновиться.

Сѣдой старикъ отвелъ Петровскаго въ уголь и тамъ усадилъ его рядомъ съ собой; спрашивалъ его о множествѣ вещей, задавалъ ему одинъ вопросъ за другимъ о его жизни и планахъ на будущее,—старикъ явственно извинялся передъ нимъ за происшедшее. А потомъ въ концѣ спросилъ его:

— Такъ вы, г. Петровскій, я вижу, въ первый разъ здѣсь, у Марьи Николаевны?

— Въ первый разъ.

— Знаете, вотъ Григорій Алексѣевичъ... Такая странная забава. Наденьку все онъ дразнить, Надежду Андреевну.

— Да, кажется.

— Такой ужъ исключительный характеръ. Какъ-будто онъ и васъ задѣлъ слегка? Или не такъ?

— О, что вы, помиуйте!.. Почему?

А низенькій господинъ не отставалъ отъ Надежки. Онъ сочно и радостно наговаривалъ ей; глаза его щурились и играли.

— Небеса... Ну, что же, я не противъ небесъ, я не язычникъ, отчего бы и нѣтъ? Отреченіе тамъ, искупленіе,—отчего бы и нѣтъ, если нравится?.. Но вотъ губы зачѣмъ краснѣютъ у людей—такъ-таки какъ рана и краснѣютъ? Зачѣмъ ноздри дрожать, дышать-то зачѣмъ жарко люди, изступленные слова зачѣмъ сами себѣ люди тайно наговариваютъ?.. Это—для искупленія, что ли? Вотъ разрѣшите мнѣ эту загадку. Какъ? Для отреченія, дѣвушка?.. Вы такъ полагаете?

— Оставьте меня.

— Я еще не однажды попрошу васъ разрѣшить мнѣ эту маленькую невѣроятность.

Тонко и жалобно звякнулъ хрупкій бокаль съ цвѣтами; закачался, упалъ и разбился. Это Наденька задѣла его. Она стояла у стѣны и тяжело дышала.

— Я васъ ненавижу,—тихо сказала она.

И отвѣтилъ ей тихій, долгій смѣхъ Григорія Алексѣевича...

Петровский поднялся съ мѣста и сталъ прощаться.

Его не удерживали: что-то семейное совершалось вокругъ,—онъ былъ лишній.

Въ глазахъ у Наденьки стояли слезы.

— Вы уходите? Уже? Такъ скоро?

— Да, пора... Я извиняюсь. Позвольте поблагодарить за ваше приглашеніе,—сказалъ онъ хозяйкѣ.

Но Марья Николаевна только пугливо взглянула на него.

II.

Весь этотъ вечеръ быстро мелькнулъ, затронулъ слегка скучающее любопытство и позабылся вмѣстѣ съ мелочами жизни:—Какая скука! Вотъ чудачи...

И снова лѣнивое чтеніе книгъ, лежанье на кушеткѣ, чай цѣлыми днями безъ конца, лѣнивое переливаніе крови въ жилахъ; снились какіе-то глупые сны; онъ просыпался и долгими часами думалъ о нихъ отъ нечего дѣлать; глупыя мысли—глуцѣе сновъ.

Голосъ Наденьки вдругъ раздавался иногда близко у его двери; онъ приподнимался на локоть и слушалъ.

— Ушла куда-то...

И опять откидывался на подушки поудобнѣе.

Однажды утромъ онъ встрѣтилъ ее, пробираясь осторожно на кухню, чтобы заказать служанкѣ раннее кофе: онъ часто ночью не спалъ, потому что днемъ спалъ слишкомъ много.

Наденька стояла и ласкала старыхъ собакъ, путаясь пальцами въ ихъ нерасчесанной шерсти; наклонялась къ нимъ и разговаривала, заглядывая въ ихъ потухшие глаза.

Увидавъ Петровскаго, она хотѣла бѣжать; даже оглянулась вокругъ, какъ будто бы ища спасенія.

Но когда онъ заговорилъ, она покорно осталась.

— Чьи это собаки, Надежда Андреевна? Это охотничьи собаки?

— Да. Это собака дяди.

— Вашъ дядя... Онъ живъ, не правда ли? Я надѣюсь?

— Да, онъ живъ.

Наденька отвернулась и посмотрѣла куда-то безъ цѣли.

— Это были, вѣроятно, прекрасныя собаки.

— Да, кажется... Впрочемъ, я не знаю.

— А гдѣ теперь вашъ дядя?

Наденька широко раскрыла глаза въ удивленіи.

— Я не знаю, гдѣ онъ,—выговорила она торопливо пухлыми своими губами, и руки ея, ласкавшія пятнистаго сеттера, стали быстро скользить по спинѣ собаки, все быстрѣе и быстрѣе.

Вдругъ она замѣтила, что не одѣта, что она въ простенькой старой, темной кофточкѣ, въ которой она ходила раннимъ утромъ. Она смутилась, вспомнивъ объ этомъ, краска разлилась по ея лицу, и отъ этого оно стало совсѣмъ юнымъ.

Во второй разъ она сдѣлала движеніе, чтобы уйти.

— Вы рано встаете, Надежда Андреевна?

Нѣтъ, она не могла уйти, не отвѣтивъ ему.

Она смотрѣла на Петровскаго приниженными, просящими глазами, отводила ихъ и все ласкала свою собаку... Если бы можно было уйти!

Что-то приятное щекотало въ груди Петровскаго при видѣ ея смущенія.

— Вы всегда такъ рано встаете?

— Да, всегда.

— Боже мой, какъ вы прелестно отъ этого выглядите!..

— Развѣ? Что вы...

— Да.

Онъ теперь уже разглядывалъ ее всю съ головы и до ногъ безъ всякой осторожности; онъ чувствовалъ ея тонкое тѣло, почти видѣлъ его подъ этой старой, прилегающей кофточкой, и волненіе начинало проникать въ него.

Наденька замѣтила его взглядъ.

— Позвольте мнѣ пройти...—сказала она тихо.

— Вы торопитесь? Я задержалъ васъ?

— Да.

— Простите, пожалуйста, что я задержалъ васъ,—началъ онъ, и по тону его было видно, что онъ не собирается скоро кончить.

— Позвольте, пожалуйста,—сказала она снова.

Брови ея вдругъ сдвинулись на упрямомъ лбѣ. Петровский чувствовалъ, что краска, медленно проступая на лицѣ, жжетъ его щеки. Эти упрямые складки не смутили его, что-то неувловимое подсказывало ему возможность близкаго съ этой порывистой дѣвушкой, и дрожащими пальцами онъ невольно сжалъ ея руку выше локтя.

Онъ не отдавалъ себѣ отчета, почему это онъ

сдѣлать, но выпустить нѣжной и упругой руки уже не могъ, какъ не могъ выговорить ни одного слова.

Наденька молчала. Ея ноздри раздулись и задрожали, гуще и гуще алѣло поблѣднѣвшее-было лицо, и легкая дрожь пробѣгала по рукѣ, которую она какъ-будто и не старалась освободить.

Это было странное трепетное молчаніе. Но лицо Наденьки вдругъ стало холоднымъ, почти злымъ, а грудь тяжело подымалась и опускалась; быстро выдернула руку и убѣжала.

Петровский стоялъ неподвижно, ощущалъ еще подъ своими пальцами теплоту ея упругой молодой руки, и невольная улыбка медленно застыла на его лицѣ. Новое неясное окутывало его дымкой, и упрямыя складки между бровей Наденьки, и холодное, злое лицо не разсѣивали этой дымки, а говорили только о борьбѣ противъ того, что уже есть.

III.

Съ Наденькой онъ сталъ встрѣчаться часто. Тетка ея,—толстая, круглая тетка,—была изъ тѣхъ прекрасныхъ, милыхъ созданій, которые видѣли адъ земной—и вышли оттуда невинными, съ голубыми, голубиными, ничего не увидѣвшими глазами; невинность ея и наивность оказались неистребимыми; онѣ вытекали откуда-то изъ коренного устройства ея души, изъ самой тайной глубины ея. Марья Николаевна смѣялась всякій разъ, какъ могла, и плакала охотно, когда представлялся случай. И только иногда, изрѣдка, на днѣ ея зрачковъ теплился тихо непонятный страхъ; тогда она оглядывалась вокругъ и вздрагивала. Но это скоро проходило.

Къ Петровскому она привязалась,—привязалась къ его молодому лицу и свѣжему голосу и, можетъ-быть, еще жалѣла его за одиночество,— оно казалось ей почему-то трагическимъ, хотя и было добровольнымъ.

Марья Николаевна постоянно приглашала Петровскаго къ себѣ.

Такъ происходили его встрѣчи съ Наденькой.

Онъ сидѣлъ и разговаривалъ обо всемъ на свѣтѣ. Постепенно эти разговоры становились длиннѣе и длиннѣе; онъ все рассказывалъ ей, что могъ, и часто затруднялся, какъ бы еще припомнить что-нибудь поинтереснѣе.

Но Наденька молчала: она какъ-то безъ словъ и жарко устремлялась къ нему, точно искала въ немъ пристанища; о себѣ она никогда не говорила, о своей семьѣ тоже; когда онъ спрашивалъ ее, она отвѣчала, но мелькомъ, въ двухъ словахъ, скромно и незначительнымъ тономъ. Петровскій не настаивалъ; послѣ долгаго молчанія онъ больше любилъ говорить, чѣмъ слушать, и было въ томъ, какъ слушала Наденька, что-то такое, что заставляло его говорить, говорить безъ конца.

Разъ вечеромъ, когда всѣ были необычно молчаливы, Марья Николаевна сказала:

— Отчего бы вамъ не пройтись, такая прекрасная погода сегодня? Пойдите, въ самомъ дѣлѣ! Павелъ Владиміровичъ, Наденька?

Вмѣстѣ съ ними засуетился и Петръ Ивановичъ, расправляя свою согнутую спину.

— Я—тоже, я домой. Я только провожу ихъ маленечко. Вы ничего противъ этого не имѣете?

Одѣваясь, Петровскій слышалъ, какъ Наденька крутилась на одной ногѣ въ своей комнатѣ и

плясала тамъ отъ радости,—ее такъ рѣдко выпускали изъ дому.

Они втроемъ вышли.

Бѣлая, сѣверная ночь, точно отблескъ далекихъ искристыхъ льдовъ, полная дрожащаго мерцанія, тяготѣла надъ городомъ, наполняла его странно-живымъ своимъ свѣтомъ, непонятно тревожила пустоту затихающихъ улицъ; и городъ въ этомъ таинственномъ трепетаніи свѣта казался мертвымъ и пустымъ; стекла домовъ безмолвно свѣтили бѣлыми отраженіями.

Наденька порывалась все впередъ и впередъ; она волновалась безъ причины, закидывала голову назадъ и смѣялась.

— Вотъ это хорошо... Какъ это хорошо, что мы пошли,—сказать не могу. Господи, какая ночь, вотъ какая ночь! Вы не находите?

— Ну, какая же?—спрашивалъ ее Петровский, слегка насмѣшливо.

— Да такая—не знаю, какая...—говорила она, и безъ перерыва нервно смѣялась.

Петръ Ивановичъ шелъ сзади, шаркая по тротуару ногами и попыхивая своей сигарой.

Когда вышли на Неву, тамъ было тихо. Висящіе надъ водами каменные мосты казались невиданно легкими въ этомъ прозрачномъ свѣтѣ, не опирающимся ни на что, точно застывшими недвижно въ воздухѣ.

— Рѣка...—говорила Наденька, и замолкала.— Какая она большая.

— Да, рѣка,—надъ самымъ ухомъ у ней откликнулся Петровский, и все еще улыбался своей иронической улыбкой.

Она оперлась на перила моста и долго смотрѣла внизъ; казалось, что она забыла обо всѣхъ и была одна,—такъ она не управляла своимъ

лицомъ въ это время. Губы ея раскрылись, и глаза какъ-будто разошлись между собой и ничего не видѣли. Она была некрасива въ это мгновеніе съ согнутой неловко спиной и ногами, поставленными носками внутрь. Но она не замѣчала этого.

Внизу рѣка катилась мощнымъ устремленіемъ, ничему не уступающей силой; движеніе—впередъ, тяжкое сползаніе громады... Подъ блѣднымъ свѣтомъ бѣлой ночи рѣчная ширь бороздилась текущими прядями, переплетаніемъ черныхъ и сѣдыхъ кудрей, нѣжными слияніями и разъединеніями... И тишина уставшаго за день города висла надъ Невой.

— Вы что-то задумались, Надежда Андреевна?

— Нѣтъ, я не задумалась.

Она откинулась назадъ и распрямилась.

— Посмотрите,—тамъ цѣлуются...

Голосъ ея вздрогнулъ.

Петровский оглянулся и увидѣлъ у фонаря два близко прижавшихся другъ къ другу тѣла; чей-то вуаль свѣсился черезъ перила надъ рѣкой въ пустотѣ.

— Это должно быть хорошо—вотъ такъ цѣловаться,—сказалъ онъ. Я бы хотѣлъ. А вы?

Наденька взяла его подъ руку.

— Пойдемте, пожалуйста... Петръ Ивановичъ, идите?

И они пошли прочь.

— Вы не согласны, что хорошо такъ цѣловаться? Какъ-то однажды этотъ хохотунъ говорилъ, что у васъ свое мнѣніе о любви. Но, правда, это должно быть хорошо?

— Да, хорошо.

Она прямо посмотрѣла на него; слишкомъ прямо, со смѣсью простоты и безстрашія, выдававшего жизнь.

— Какъ вы себѣ это представляете? Вы, Надежда Андреевна?

— Это должно быть страшно, страшно быстро,—такое чувство; сердце отъ этого замираетъ...

— Ну и что же еще?

Она вдругъ тяжело оперлась на его руку.

— Я не знаю. Можетъ-быть, это еще лучше на самомъ дѣлѣ, чѣмъ я думаю. Развѣ я могу это знать?.. Зачѣмъ вы спрашиваете?

Петръ Ивановичъ догналъ ихъ.

— Идите домой, друзья милые. Поздно. И я домой, на свой насѣсть. Идите же...

Онъ простился и зашагалъ торопливо въ другую сторону.

— Что же еще?—повторилъ Петровскій, почему на самомъ дѣлѣ это лучше? Почему вы такъ предполагаете?

— Я не знаю, какъ вамъ отвѣтить, Павелъ Владиміровичъ.

Она стала робкой и больше уже не рѣшалась прямо взглянуть на него.

Такъ они долго шли молча, близко одинъ къ другому, безъ словъ.

Странныя мысли были въ головѣ Петровскаго, отъ которыхъ кровь то ударяла ему въ лицо, то откатывалась къ сердцу; онъ тяжело и глубоко дышалъ.

Иногда онъ окидывалъ Наденьку всю съ головы и до ногъ своимъ взглядомъ, вплоть до кончиковъ ея ботинокъ, которые выступали изъ-подъ юбки, когда она дѣлала шагъ. Въ глазахъ его было жадное, проснувшееся любопытство.

Пришли домой.

Наденька быстро покинула его и скрылась въ своей комнатѣ; она точно боялась еще одну лишнюю минуту побыть съ нимъ.

— Надежда Андреевна...

Но она не оглянулась.

Постель показалась Петровскому жаркой; онъ переворачивался съ боку на бокъ, мѣнялъ одну позу за другой,—и все было неудобно: бессонница мучила его: онъ курилъ безъ конца папиросу за папиросой, до головной боли, и не могъ заснуть. Казалось, что вся кожа на тѣлѣ раздражена чѣмъ-то, покоя найти невозможно; мучительное, непрестанное раздраженіе... Тянулись безконечные, медлительные часы.

И такъ прошла вся ночь, безъ одной минуты отдыха; только утромъ онъ устало заснулъ.

IV.

Однажды какъ-то знакомые прислали ложу; поѣхали въ театръ—Петровскій, Наденька и Петръ Ивановичъ. Марья Николаевна осталась дома, потому что цѣлый день у нея была мигрень.

Этотъ вечеръ сохранился въ памяти Петровскаго. Онъ такъ давно не былъ среди людей, среди большой толпы, такъ отвыкъ отъ вида разодѣтыхъ, шелестящихъ шелкомъ женщинъ, кружевъ, шляпъ, блестящей обуви, отъ этой смѣси запаха разныхъ духовъ, пудры, человѣческихъ тѣлъ, отъ этой толкотни и пестрящихъ движеній; ноздри его вздрагивали, и голова слегка кружилась.

Рядомъ съ нимъ была Наденька—въ сѣромъ платьѣ изъ какой-то прозрачной матеріи; онъ видѣлъ ея ноги въ туфляхъ и ажурныхъ чулкахъ, выглядывающія изъ-подъ короткой юбки; свѣжия складки юбки окружали ихъ, и ноги выглядывали оттуда, какъ пестики изъ лепестковъ пышно расцвѣтшаго цвѣтка.

Петровский сѣлъ сзади нея, низко наклонившись надъ ней. Близость Наденьки волновала его.

Изъ глубины ложи зрительный залъ и сцена сливались для него въ одно большое, неразборчивое пятно, залитое свѣтомъ то съ одного конца, то съ другого, и онъ не старался разобраться въ этихъ перемѣнахъ... Отъ Наденьки въ лицо ему шелъ легкій запахъ духовъ; онъ видѣлъ ея слегка обнаженную спину, впадина которой уходила внизъ и измѣнялась при каждомъ движеніи, то углубляясь, то исчезая. Иногда онъ закрывалъ глаза, чтобы представить себѣ всю свѣжую прелесть ея нетронутаго тѣла.

Часто Наденька оборачивалась къ нему, слегка сжимая плечи и снова расправляя ихъ.

— Хорошо? Нравится вамъ?

Но онъ не отвѣчалъ.

Вмѣсто него Петръ Ивановичъ занималъ ее разговорами о пьесѣ, объ актерахъ. Давно когда-то онъ видѣлъ въ этой пьесѣ извѣстнаго артиста, давно уже умершаго, и теперь пространно рассказывалъ о своихъ впечатлѣніяхъ, критиковалъ и сравнивалъ, ожидая одобренія своимъ мыслямъ. Наденька соглашалась съ нимъ.

Но безпокойство ея и томленіе нарастали.

Въ одинъ изъ антрактовъ Наденька сказала Петровскому:

— Вамъ плохо видно? Мнѣ такъ кажется... Вотъ... Сядьте, пожалуйста, рядомъ.

— О, нѣтъ, мнѣ хорошо отсюда видно. Развѣ вамъ неудобно, что я сижу сзади?

Она мгновенно взглянула на него и отвернулась.

— Пожалуйста, сядьте рядомъ... Я прошу.

Онъ пересѣлъ.

Петръ Ивановичъ скоро заснулъ отъ усталости

и впечатлѣній. Нѣкоторое время онъ спалъ молча, сложивъ на животѣ свои руки; потомъ началъ похрапывать, громче и громче...

Наденька сердилась.

— Петръ Ивановичъ?

— А? Что? Развѣ пора?

— Поѣзжайте, пожалуйста, домой.

— Зачѣмъ? Отчего же? Я не поѣду. Еще не кончилось.

— Говорю вамъ—поѣзжайте.

— Но отчего же, Наденька? Право, я не понимаю.

— Вы спите.

— Вотъ неправда... Я совсѣмъ даже не спалъ.

Но она готова была плакать.

— Вы храпите... Это же ужасно—всѣ слышать... Я не могу этого вынести!

Петръ Ивановичъ всталъ и молча, обиженно сталъ одѣваться. Онъ также молча простился съ ними и вышелъ изъ ложи въ коридоръ.

Мгновеніе спустя Наденька сорвалась съ мѣста и бросилась за нимъ слѣдомъ. Петровскій слышалъ, какъ она у дверей ложи поцѣловала его.

Потомъ она вернулась одна, улыбнулась Петровскому и сѣла на свое мѣсто.

Весь конецъ спектакля прошелъ какъ во снѣ; ничего не было сказано, ничего не было сдѣлано, ничего не случилось, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, несомненно, что-то витало въ воздухѣ; какъ-будто бы кто-то подлеталъ къ нимъ и закрывалъ ихъ своими крылами, именно ихъ двоихъ закрывалъ отъ всѣхъ окружающихъ, уединялъ ихъ; и отъ этого тихій холодъ проходилъ у ихъ сердца... Становилось душно.

Обратно возвращались въ извозничьей каретѣ съ тусклыми стеклами; карета дребезжала, кача-

лась съ боку на бокъ и бросала ихъ одного къ другому на тѣлчкахъ.

Петровскій всякій разъ извинялся и всякій разъ отрывался отъ Наденьки все съ большимъ и большимъ трудомъ.

Она уже не говорила; она только шептала иногда:

— Господи, какъ качаетъ!.. Отчего такъ страшно качаетъ?..

Она подобрала свою юбку и сжала ея складки на колѣняхъ, стараясь занимать возможно меньше мѣста.

Въ глухой полутьмѣ пахло старой кожаной обивкой, духами, цвѣткомъ, который былъ у Наденьки въ волосахъ.

Они проѣхали мостъ на Петербургскую сторону...

Петровскій вдругъ вытянулся и поцѣловалъ Наденьку въ щеку—и испуганно откинулся назадъ, въ дальній уголъ, пораженный такимъ своимъ поступкомъ.

Она ничего не сказала ему; щека у нея была холодная...

Тогда, спустя мгновеніе, онъ еще разъ поцѣловалъ ее; онъ прильнулъ къ ней на цѣлую минуту, и не хотѣлъ оторваться.

Карета остановилась—пріѣхали.

Дрожащими руками Петровскій расплатился съ извозчикомъ.

На подъѣздѣ онъ задержалъ Наденьку.

— Надежда Андреевна, я... Я люблю васъ, Надежда Андреевна...

Онъ выговорилъ это разомъ... И сразу же испугался безконечной банальности этихъ словъ. Ему захотѣлось поправиться.

— Наденька, неужели вы не видите, какъ я люблю васъ, неужели это не чувствуется? Неужели

Сремнины.

нужны слова... Посмотрите же на меня... Я не умѣю говорить!

И она посмотрѣла на него.

На одно только короткое мгновеніе остановились ея глаза на немъ; что-то серьезное было въ нихъ и во всемъ нахмуренномъ лицѣ.

Она вдругъ схватила его руку и сжала ее съ силой: губы ея были закушены.

Потомъ она дернула рѣзко вышитую тесьму звонка, и за дверью раздались шаркающіе шаги служанки, которая ждала ихъ съ ночникомъ.

— Спокойной ночи, Павелъ Владиміровичъ.

— Наденька...

— Агафьяшка, ты принесла мнѣ въ комнату воды? Принесла?.. Спокойной ночи.

— Надежда Андреевна...

Она ушла.

Въ постели Петровски опять долго не могли заснуть, и заснувъ, онъ не зналъ, сколько времени спалъ безъ сновидѣній, но потомъ ему представилось нѣчто до очевидности ясно и отчетливо: сначала послышались тихіе шаги, точно кто-то крался осторожно; дверь его безшумно раскрылась, и въ комнату вошла легкими, воздушными шагами Наденька; она была въ бѣлой ночной кофточкѣ... Наденька мгновеніе остановилась и посмотрѣла на него; въ глазахъ ея горѣло желаніе... Она подошла совсѣмъ близко, коснулась дрожащими, горячими пальцами до его лба; низко наклонилась къ нему, обвѣвая его предъѣвнымъ дыханіемъ, а потомъ неслышно ушла—какъ будто бы съ сожалѣніемъ, маленькими, замедленными шагами... И проходили часы, а прикосновеніе ея пальцевъ пылало на его лбу какъ огненная искра; онъ стоналъ во снѣ и шевелился въ безсознательномъ томленіи...

А потомъ проснулся и долго не могъ ничего понять.

Мечта его сна разрѣшилась въ больной, разсѣянной свѣтомъ весенней бѣлой ночи. Странныя тѣни тянулись, сплетались, пересѣкались, взбираясь на мебель, на стѣны, падая на полъ и умирая гдѣ-то въ темныхъ углахъ.

Больше заснуть въ эту ночь ему не удалось.

V.

Какия веселыя размышленія занимали его!

Онъ думалъ о томъ, что радость—не собственность, это не имѣние и не каменный домъ; радость—ничья, просто—ничья. Она принадлежитъ тому, кому улыбнулась, принадлежитъ ему безраздѣльно, по праву веселаго захвата. И кто же отвернется отъ нея? Ради чего? Господи, ради чего же? Какая смѣшная мысль—отвернуться отъ радостей! Ихъ нужно брать.

И онъ весело думалъ обо всемъ этомъ.

А иногда смѣялся.

Боже мой, если бы хоть одна-единственная мать могла вообразить себѣ, до какой степени сердце ея сокровища неоцѣненнаго, дѣвочки ея, растущей ея маленькой женстинки закрыто отъ нея! Если бы хоть одна мать была способна понять, что это сердце скорѣе откроется двухнедѣльной прятельницѣ, кузену-гимназисту, молодой горничной, кому угодно, только не матери... Если бы матери это поняли, какое бы это было несчастье, сколько радостей сразу убавилось бы на землѣ, сколько стѣсненій было бы для юности! Но нѣтъ, мамы не поймутъ; это совсѣмъ особая порода съ отвислыми щеками и потусклымъ взглядомъ глазъ... Юность, не бойся ихъ! Да здравствуетъ юность!..

И онъ ложился поудобнѣе и думалъ о томъ, какъ начался ихъ романъ; онъ про себя называлъ это романомъ—все, что случилось между нимъ и Наденькой. Онъ старался разобраться въ этомъ. Былъ романъ,—это несомнѣнно: была налицо любовь, были взгляды, поцѣлуи; было сладкое, ни съ чѣмъ несравнимое волненіе... Да, конечно, это былъ романъ.

Но можетъ-быть, и не было? Развѣ Наденька сама цѣловала его когда-нибудь? Развѣ она сказала ему когда-нибудь хоть одно слово? Развѣ она сдѣлала что-нибудь? Вотъ если бы сонъ... Если бы этотъ сонъ когда-нибудь осуществился!

Онъ закидывалъ руки за голову и думалъ; это были смутныя, не очень чистыя мысли о Наденькѣ. Онъ доходилъ до того, что закрывалъ глаза и видѣлъ, какъ ея пухлыя, мягкія, красныя губы тянулись къ нему, все ближе; онъ былъ готовъ прильнуть къ нимъ, готовъ былъ схватить ее, поднять высоко...

Нѣтъ, онъ сейчасъ же раскаивался и упрекалъ себя за развратность, за дурную фантазію, за скверныя намѣренія и обѣщалъ себѣ больше не думать о Наденькѣ.

Но онъ не могъ.

Это было бы еще не такъ тяжело, если бы онъ страдалъ отъ своихъ мыслей только ночью; но онъ приходили къ нему среди бѣлаго дня, при свѣтѣ солнца. Довольно было остаться одному на нѣсколько минутъ, чтобы онѣ приходили къ нему и властно вытѣсняли все другое. Онъ видѣлъ такія картины, такіе образы, такія представленія возникали въ его мозгу, что воля его не выдерживала, онъ чувствовалъ себя способнымъ на все, хваталъ свою шляпу и бѣжалъ куда-нибудь.

VI.

Вернувшись въ этотъ день съ прогулки, онъ нашель домъ пустымъ. На его звонокъ никто не пришель открыть ему, и входныя двери онъ отомкнулъ своимъ ключомъ.

Въ передней не было никого, въ столовой—тоже; странная тишина царствовала въ квартирѣ. Удивленный этимъ, онъ пошелъ изъ комнаты въ комнату.

Двери Наденькиной комнаты были заперты. Онъ постучался.

— Это вы, Павелъ Владиміровичъ?

— Это я.

— Не входите, пожалуйста. Я раздѣта.

— Развѣ дома нѣтъ никого?

— Да, кажется.

— Надежда Андреевна... Вы совсѣмъ однѣ, совершенно?

Голосъ его раздался глухо, и дыханіе участилось.

— Я одна, Павелъ Владиміровичъ.

Онъ сдѣлалъ шагъ прочь отъ двери и остановился. Нестерпимое желаніе поднималось въ немъ все больше и больше. Во рту высохло; онъ прислонился къ стѣнѣ, чтобы чувствовать около себя хоть какую-нибудь опору.

Но онъ не могъ овладѣть собой. Онъ вернулся и сразу, рѣзкимъ движеніемъ распахнулъ дверь въ ея комнату...

Наденька стояла у зеркала въ рубашкѣ съ подернутой ленточкой у плечей, безъ рукавовъ, и въ нижней юбкѣ.

Увидѣвъ его, она вскинула руки и закрыла свою грудь; грудь ея часто дышала подъ рубашкой, какъ-будто она задохалась отъ быстрого бѣга...

— Надежда Андреевна..

Она скоро отошла отъ зеркала мелкими, беззвучными шагами и остановилась въ испуганномъ ожиданіи.

Онъ не рѣшался подойти къ ней.

— Вы чѣмъ-нибудь заняты?—спросилъ онъ ее, заикаясь.

— Я.. примѣряла платье.

На лицѣ ея было страданіе.

— Уйдите отсюда, Павелъ Владиміровичъ... Боже мой, что вы сдѣлали!

Свѣтъ сквозь гардины вливался въ комнату и бѣгучими пятнами игралъ на обнаженныхъ рукахъ Наденьки; ея шея, теплая, открытая до плечъ, сверкала на солнцѣ.

— Господи... Уйдите же!

— Я.. не въ силахъ уйти.

— Что же я должна дѣлать? Боже мой..

— Ахъ, ничего же, ничего не нужно... Ну, позвольте мнѣ остаться одну только минуту, я умоляю васъ... Я не двинусь съ мѣста, я буду вотъ здѣсь, совсѣмъ неподвижно... ради Бога, позвольте мнѣ это! Что вамъ стоитъ... Ну, что вамъ стоитъ это!

Горькая улыбка раздвинула пухлыя губы Наденьки; на щекахъ ея были слезы.

— Да, это ничего мнѣ не стоитъ... Вы такъ думаете?

Онъ ухватился за ея слова.

— Правда, вѣдь? Правда, вамъ ничего не стоитъ?

— Да, конечно... Правда это.

Она оглянулась на него и посмотрѣла; въ глазахъ ея загорѣлся враждебный, злой огонь.

— Можете остаться, если хотите,—медленно сказала она.—Мнѣ такъ все безразлично. Оставайтесь... Если находите это приличнымъ.

Петровский остался.

Ему казалось, что это розовѣщее полуобнаженное тѣло распространяло вокругъ себя какой-то сладкій запахъ, отъ котораго онъ почти терялъ сознание.

— Я обманула васъ. Прислуга дома. Вы слышите?

— Все равно...—прошептала она въ отвѣтъ.

Онъ мучился желаніемъ и страстью, онъ уже не думалъ ни о чемъ, не соображалъ того, что происходило, и впился въ нее туманнымъ отъ восхищенія взглядомъ; мелкая дрожь начала пробѣгать по его тѣлу, и какое-то неудержимое, безмянное стремленіе нарастало въ немъ.

Наденька точно хотѣла уничтожить и принизить его своей красотой. Она медленно, размыренными движеніями одѣвала свое платье, застегивала пуговицы и крючки, оправляла складки передъ зеркаломъ, наклоняла свою голову направо и налево, чтобы лучше видѣть...

А онъ былъ уже измученъ и жалко, растерянно улыбался. Прелесть ея тѣла, особенная, грѣшная прелесть терзала его...

И Наденька поняла это; она почувствовала наслажденіе, радость своей мести, и это наслажденіе все возрастало.

Петровский сталъ подходить къ ней шагъ за шагомъ, умоляя; голосъ его замиралъ и погасалъ.

— Наденька, Наденька... Я съ ума сойду, я васъ люблю до безумія, до смерти! Не мучьте меня такъ страшно!.. За что вы терзаете меня? Я прощу васъ о жалости... Нѣтъ, Наденька, послушайте. Зачѣмъ, зачѣмъ вы позволили мнѣ остаться?

— Вы любите меня, это правда?

— Я никогда никого не любилъ... Я люблю васъ!

— Уйдите отсюда. Пожалуйста. Уходите же... Сейчасъ!

Но онъ просилъ ее въ униженіи.

Тогда наслажденіе его мученіемъ совсѣмъ заполнило ее.

— Такъ вы не уйдете?—спросила она.

Что-то было страстное и торжествующее въ поворотѣ ея тѣла, въ томъ, какъ выступила подъ кофточкой ея твердая грудь, въ томъ, какъ у бедеръ въ талии залегла легкая складка.

— Зачѣмъ было оставаться, чтобы теперь сожалѣть такъ?—сказала она вызывающе.

И неожиданный порывъ охватилъ Петровскаго; на мгновеніе холодная, тянущая, томящая волна прилила къ его сердцу,—потомъ онъ распрямился.

Онъ бросился къ Наденькѣ и обнялъ ее; она все отстранялась отъ него; долго искалъ онъ ея губы... И, наконецъ, нашелъ эти влажныя губы, и какъ только коснулся ихъ она вскрикнула и рванулась отъ него.

— Ахъ, что будетъ, что будетъ... Отпустите! Я задохнулась.

Онъ не слышалъ ея словъ

.

VII.

Они встрѣчались еще раза два наединѣ, но встрѣчи были мимолетны, полной той жадности, которая рождалась сильной страстью, удѣляющей каждую минуту. Это было что-то острое, страшно волнующее, но похожее на обкрадыванья своего счастья.

То, что произошло сегодня, отдѣлялось отъ послѣдней встрѣчи тремя или четырьмя днями. Петровскій нервничалъ, ждалъ свиданья, томился и уставалъ, а Наденька, будто нарочно, избѣгала возможности быть наединѣ. Можетъ быть, это толь-

ко такъ казалось Петровскому, но нервы его были раздражены.

Сегодня досадуя, и испытывая непріятное безпоиство, онъ валяся почти весь день въ постели, отдаваясь расплывчатымъ полусоннымъ мыслямъ, среди которыхъ иногда ярко вырисовывался образъ Наденьки, а его сердце въ это время начинало глухими ударами биться въ грудь.

Къ нему постучали. Это была Марія Николаевна. Она позвала его къ чаю, какъ въ тотъ, первый вечеръ знакомства съ Наденькой. Петровскій только теперь замѣтилъ, что за стѣной людно и разобралъ непріятный голосъ и смѣхъ Григорія Алексѣевича, а потомъ злорадный холодный смѣхъ Наденьки..

Когда Петровскій вошелъ, то увидѣлъ всѣхъ въ сборѣ. Григорій Алексѣевичъ криво и зло усмѣхался. Наденька встрѣтила Петровскаго радостными влюбленными глазами, но тотчасъ же они потемнѣли, и она опять громко и вызывающе расхохоталась, обращаясь къ Григорію Алексѣевичу:

— Боже мой, какие стихи!.. Я никогда ничего такого не читала и не слышала. Я думаю,—сколько стоитъ трудовъ вамъ написать такое произведение? Григорій Алексѣевичъ, пожалуйста, мнѣ перепишите ихъ и подарите. Правда, вы не откажетесь?.. Не откажетесь подарить мнѣ ваши стихи?.. Вы подарите?

Она смѣялась до кашля и до боли въ груди, пока тетка не сказала ей:

— Вотъ ужъ не понимаю, чему ты такъ смѣелся, Наденька. Выпей воды. А стихи Григорія Алексѣевича прекрасные... Да выпей же воды и не кашлай. Такъ это нехорошо.

Хохотунъ обратился къ Петровскому.

— А вы, вопреки нѣкому комедійному герою,

всю жизнь твердо знаете, что говорите прозой? Не стихами?

— Да. Я не поэт.

Но Наденька не давала говорить имъ.

— Отвѣтите же на просьбу, Григорій Алексѣевичъ, отвѣтите же... Вы перепишите?

Она съ видомъ шутки трогала его за рукавъ, и по мѣрѣ того, какъ онъ сердился, въ ея собственныхъ глазахъ злоба загоралась все ярче и ярче, какъ-будто она наслаждалась всей неприятностью того, что происходило вокругъ.

— Какъ это вы хорошо сказали?.. Какъ это сказано въ стихахъ?..

„Отраду

Отъ тѣхъ прелестныхъ ножекъ пилъ“...

Она упала на диванъ и залилась въ новомъ припадкѣ нервнаго смѣха.

Хохотунъ медленно подошелъ къ ней.

— Вы къ прозаикамъ примыкаете? Не слышите. Не пожалѣйте потомъ, если изъ этого выйдетъ проза... Ахъ, какая еще проза можетъ выйти изъ этого!.. Вы, вѣдь, сами знаете? Всему есть граница!

Наденька отняла руки отъ своего раскраснѣвшаго лица; смѣхъ ея оборвался.

— Вы... что мнѣ сказали? Я не поняла... Что такое? На что вы намекаете?

— Ничего. Я сказалъ только, что тотъ, кто сѣетъ прозу, прозу и пожнетъ. Справедливо?

— Неужели вы не можете оставить меня въ покоѣ? Неужели это невозможно?

Она разомъ смолкла и съ усталымъ и безразличнымъ видомъ сидѣла, не сходя съ дивана.

Иарѣдка взгляды ея скользнула въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Петровский.

Хохотунъ овладѣлъ ею совершенно. Онъ не отходилъ ни на минуту, ухаживалъ за ней, предла-

галъ ей принести одно и другое—закрыть свѣтъ, который свѣтилъ ей въ глаза; придвинуть ей скамеечку для ногъ...

Она отъ всего отказывалась, но онъ все же дѣлалъ по-своему.

— Помилуйте, такое для меня высшее удовольствіе — услужить вамъ! Замѣтьте себѣ — высшее удовольствіе.

— Боже мой. дѣлайте, если нравится... Какъ хотите,—устало отвѣчала она.

Старикъ Петръ Ивановичъ подселъ къ нимъ, а потомъ сѣла съ нимъ и Марья Николаевна; оба они были любезны и мягки съ Григоріемъ Алексѣвичемъ необыкновенно.

— Григорій Алексѣвичъ, расскажите что-нибудь интересное...

— Ахъ, Григорій Алексѣвичъ, вы иногда такъ хорошо рассказываете!..

А онъ развалился на креслѣ, важно пуская клубы дыма.

Петровский сначала удивился, а потомъ обидѣлся.

Какъ-то такъ вышло, что онъ остался среди нихъ одинъ. Казалось, что слѣдовало бы ему уйти; это было бы самое лучшее изъ того, что онъ могъ сдѣлать; но рѣшимости его не хватало. Происходило въ душѣ какое-то мучительное колебаніе, и всего больше принижало ощущение, что онъ становится почему-то смѣшнымъ.

Хохотунъ рассказывалъ исторію о томъ, какъ одинъ его пріятель самъ себѣ писалъ любовныя письма отъ имени разныхъ знакомыхъ женщинъ, наполненныя страстью; онъ это дѣлалъ, чтобы завоевать одно ревнивое и непокорное сердце, до того презиравшее его; потомъ этого господина уличили въ поддѣлкѣ...

— А потомъ... — закончилъ Григорій Алексѣ-

внучь.—А потомъ,—представьте себѣ,—этотъ господинъ отравился. Вотъ изумительно! Вотъ ужъ этого совсѣмъ не понимаю; это что-то для меня фантастическое. Всѣ мы,—его друзья,—никакъ не ожидали подобнаго... Ну, посмѣялись бы надъ нимъ немножко, а потомъ помогли бы выпутаться... Но мы не ожидали такого глупаго происшествія.

Петровскій не выдержалъ.

— А вы находите, что друзья его были такъ хороши, что покинуть ихъ для него было немислимо?

— Это я былъ его другомъ въ числѣ прочихъ.

— Что же изъ этого? Можетъ-быть, онъ избралъ лучшее, раздѣлавшись со всѣмъ? Или совсѣмъ вами.

— Вы полагаете?

— Да, я полагаю.

— Вы ничего еще не можете полагать, вы еще мальчикъ. Вы только можете дѣлать безпорядки въ томъ, что положено другими.

Началась вдругъ какая-то глупая и нелѣпая перебранка, обмѣнъ взаимныхъ дерзостей и колкостей.

И до странности: какъ-будто никто этому не удивился—точно это такъ и должно было быть, и всѣ этого ожидали.

Марья Николаевна ходила отъ одного къ другому и успокаивала ихъ:

— Ну, вотъ, право, какіе вы... Ахъ, какіе вы! Павелъ Владиміровичъ, такой вы прекрасный, милый, милѣйшій человекъ... Право, что это такое? Григорій Алексѣевичъ, такой, вѣдь, чудесный человекъ нашъ Павелъ Владиміровичъ,—ну, развѣ же вы не знаете? Это же сразу видно для всякаго... Такой онъ добрый-предобрый.

Наденька сидѣла неподвижно.

Петровскій ожидалъ ея вмѣшательства, но она молчала. Это приводило его въ бѣшенство.

Онъ подошелъ въ упоръ къ Григорію Алексѣвичу и сказалъ ему, еле выговаривая слова:

— Вы говорите пошлости, вы цѣлый вечеръ пошлости повторяете... Вы—пошлякъ, милостивый государь... А если вы хотите удовлетворенія за эти слова, вы всегда найдете меня въ этомъ домѣ, въ моей комнатѣ.. Къ вашимъ услугамъ!

Онъ повернулся и вышелъ среди общаго смятенія, высоко поднявъ свои плечи.

VIII.

Въ квартирѣ все затихло. Ожесточеніе Петровскаго не успѣло пройти, какъ онъ услышалъ шаги Наденьки, идущей въ свою комнату.

Онъ приоткрылъ свою дверь и сказалъ ей необычно холоднымъ и строимъ тономъ:

— Мнѣ нужно поговорить съ вами. Не можете ли вы на одну минутку зайти ко мнѣ.

Она оглянулась и прислушалась,—все было тихо.

Когда она вошла къ нему въ комнату—какъ была, съ непотушенной свѣчкой въ рукахъ, которую она поставила на столъ.

Петровскій раздраженно накинулся на нее:

— Зачѣмъ этотъ господинъ ходитъ сюда? Неужели ты не видишь, что онъ мнѣ невыносимъ? Я готовъ выбросить его въ окошко! И отчего онъ не отправился вмѣсто своего пріятели! Его рожа съ прикушеннымъ языкомъ сдѣлала бы меня счастливымъ... Нѣтъ, отчего этотъ негодяй не удался, ты въ состояніи объяснить это?

— Вѣроятно, часъ его еще не насталъ,—отвѣтила Наденька примирительно и тихо, робко улыбаясь

— Какая белиберда! И ты въ состоянїи проводить свое время среди подобныхъ людей, ты, которую я люблю? Тебѣ не стыдно? И ты такъ просто, пастушески-наивно смотришь мнѣ въ лицо? Какое очарованіе!.. Выгони его немедленно, слышишь? Я требую!

— Тетя любить тебя, но она и его любить также... Что же я сдѣлаю? Онъ былъ другъ дяди; онъ проводилъ съ нимъ цѣлые мѣсяцы, какъ товарищъ дѣтства... Что же я сдѣлаю?

— А гдѣ твой дядя? Какая ненависть! Гдѣ твой дядя, скажи мнѣ! Почему ты молчишь обо всемъ?

Она сжала свои руки такъ, что пальцы ея хрустнули: брови ея горестно поднялись посрединѣ.

— Я не знаю, гдѣ мой дядя. Зачѣмъ ты такъ допрашиваешь? Если бы я знала, я бы не скрыла отъ тебя. Я этого не знаю, неужели ты не вѣришь?

— Ахъ, не знаешь?... Выгони этого скота развѣ навсегда! И до дяди мнѣ нѣтъ дѣла. А этого выгони!

— Я не могу.

— Слышишь, дяди здѣсь нѣтъ, онъ не узнаетъ...

— Не могу... Нельзя.

Она была лаконична; она не прибавляла ничего къ этимъ словамъ.

— Я не могу...

Непонятное, непостижимое упорство.

Смутное, унижительное подозрѣніе зародилось въ душѣ Пегровскаго. Неожиданная для него тяжелая сила ревности вдругъ всецѣло овладѣла имъ. Наденька... Что онъ, въ сущности, знаетъ о ней, кѣмъ она была, можетъ-быть,—еще недавно, вчера, сегодня утромъ, когда онъ не видѣлъ ея? Кѣмъ она была безъ него,—этого онъ никогда не узнаетъ...

И онъ крѣпко сжалъ свои руки въ послѣднемъ усилии.

— Я умоляю выгнать его. Ты слышишь?

Быстрые глаза Наденьки блуждали изъ одной стороны въ другую.

— Я... Ну, я совсѣмъ не могу этого, — выговорила она глухо.

Тогда необузданность захватила его.

— Ахъ, такъ? Эта обезьяна, этотъ негодяй такъ дорогъ тебѣ?.. Что ты имѣла съ нимъ? Скажи мнѣ сейчасъ же! Что имѣла съ нимъ?

— Что я имѣла съ нимъ? Ты объ этомъ меня спрашиваешь? Что ты хочешь сказать этимъ? Мнѣ кажется, я не понимаю...

— Перестань! Ну, да, рассказывай мнѣ, что ты не понимаешь... Я не хочу пояснять, зачѣмъ ломаться? Это произошло у васъ—раньше или теперь?

— Ничего.

Петровский захохоталъ фальшивымъ смѣхомъ; онъ почти взвизгивалъ на какихъ-то необыкновенныхъ верхнихъ нотахъ.

— Ничего? Такъ-таки ничего не случилось? Ты увѣряешь меня, что ничего? Все благополучно? Кажется, что-то произошло все-таки между вами!..

Она широко раскрыла свои ясные глаза.

— Ничего. Я клянусь тебѣ... Чѣмъ бы еще я могла тебя увѣрить?

— Твой любовникъ... Эта обезьяна—твой любовникъ!.. Ты такъ легко отдалась мнѣ... А это былъ твой любовникъ!.. Я—второй! Поэтому ты такъ легко отдалась мнѣ...

Она ничего не отвѣтила ему.

Минуту лицо ея осталось неподвижнымъ, потомъ крупныя слезы покатались изъ глазъ и остановились на ея округлыхъ щекахъ.

— Неужели? Нѣтъ, неужели, Павелъ Владимировичъ? Вы думаете, что онъ мой любовникъ, я промѣняла васъ, васъ? И я еще люблю его!.. Теперь? Послѣ всего?

— Выгони его!

Она заломила свои руки.

— Не могу...

— Почему?

— Не скажу... Я не могу сказать.

Она опустила голову на столъ и заплакала; слезы ея перешли въ рыданія; плечи содрогались такъ сильно, что столъ качался, и пламя свѣчи колебалось изъ стороны въ сторону... Казалось, что боль ея была слишкомъ велика, что она готова была изрыдаться и умереть здѣсь, въ его комнатѣ, чтобы больше не испытывать этой муки.

— Вы плачете слишкомъ громко, услышатъ,— сказалъ ей Петровскій.—Неловко.

Она быстро поднялась; съ закрытымъ лицомъ, ощупью она взяла свою свѣчку и торопливо ушла.

Злорадно онъ смотрѣлъ ей вслѣдъ нѣсколько минутъ—въ дверь, гдѣ она скрылась.

Но потомъ стало мучить раскаяніе.—Разрывъ, разрывъ между ними! Это было ясно, что произошелъ разрывъ. Это уже случилось.

Онъ морщился отъ внутренняго страданія.

— Какъ онъ былъ грубъ и вульгаренъ, какъ онъ плоско высказалъ свои мысли, какая пошлость... „Что вы имѣли съ нимъ“, „зачѣмъ ломаться“, „твой любовникъ“...—Нѣтъ, я съ ума сошелъ. Я сумасшедшій. Я не въ силахъ понять самого себя.

Но все-таки самолюбіе ныло и щемило.

Въ сотый разъ онъ представлялъ себѣ все, что произошло за этотъ вечеръ,—простить этого онъ не могъ, онъ дѣлалъ всяческія усилія—и все-таки простить этого не могъ.

Разрывъ—пусть будетъ разрывъ! Эти вѣчныя тайны...

Я доведу ее до покорности. Это не я,—это она придетъ ко мнѣ; она будетъ умолять меня, долго будетъ умолять меня... Потомъ я ее прощу. Это будетъ хорошо, если это я буду прощать ее, а не она—меня; тогда она пойметъ...

IX.

Время шло, день за днемъ; изъ дней слагалась недѣля.

Онъ ждалъ къ себѣ Наденьку, но она не приходила.

Нѣтъ, какое легенькое и пустое происшествіе случилось съ нимъ, и какъ хорошо, что такъ легко удалось разорвать эту интригу; было въ ней кое-что интересное, о чемъ будетъ приятно вспомнить когда-нибудь... Но все же хорошо, что интрига эта кончилась. Все хорошо, что хорошо кончается, и что не виснетъ грузомъ на прекрасномъ будущемъ... Прекрасно!

Но скоро въ его положеніи обнаружилось нѣчто мучительное, чего онъ не предусмотрѣлъ,—это были муки воображенія, жажда повторенія всего того, что произошло у него съ Наденькой, и что не обѣщало больше вернуться вновь. Такъ онъ легко ее взялъ—и думалъ также легко ее бросить... И—не могъ.

Онъ кинулся къ развлеченіямъ, къ разсѣянной жизни; проводилъ цѣлые дни внѣ дома, кутилъ, ходилъ по театрамъ, ресторанамъ и возвращался домой, насвистывая громко веселую пѣсню—такъ громко, чтобы Наденька слышала ее, когда онъ проходилъ по коридору мимо ея дверей. Но Наденька не появлялась.

И пожирающее беспокойство поселилось въ его душѣ; онъ пересталъ спать, не выходилъ никуда, прислушиваясь къ каждому шороху въ квартирѣ, къ голосамъ и движенію. Марья Николаевна больше не приглашала его; онъ былъ одинъ, совсѣмъ одинъ... Это одиночество убійственно вліяло на него, потому что оно больше разжигало его разгоряченныя мысли.

Онъ сталъ посылать служанку за коньякомъ, за ликерами и пилъ ихъ у себя въ комнатѣ, расхаживая изъ угла въ уголъ.

Какая была несчастная мысль—этотъ алкоголь, дѣлавшій все такимъ близкимъ въ жизни, такимъ доступнымъ, такимъ дразнящимъ...

Петровский не могъ уже оторваться отъ своего миража; душа его все больше и больше погружалась въ сладостный туманъ мечтаній, и онъ опьянялся ими больше чѣмъ алкоголемъ, который выпивалъ...

Такъ онъ пилъ однажды цѣлый вечеръ и выпелъ изъ комнаты, чтобы достать себѣ еще бутылку.

Въ темномъ коридорѣ онъ натолкнулся на кого-то, —онъ не видѣлъ, на кого, но онъ сразу узналъ это всѣмъ своимъ тѣломъ, всѣмъ своимъ существомъ.

И онъ обнялъ Наденьку и прижался къ ней съ жаромъ и изнеможеніемъ долгаго ожиданія.

Въ это же мгновеніе онъ почувствовалъ, что ихъ жизни соединяются навсегда, безвозвратно; точно онъ оторвался отъ чего-то въ этотъ мигъ и полетѣлъ внизъ все скорѣе и скорѣе. Было нѣчто повелительное въ этомъ соприкосновеніи съ ней, что-то физическое—особое. исходящая изъ нея сила...

И когда онъ, подводя Наденьку къ дверямъ

своей комнаты, увидѣлъ ея тѣнь и свою тѣнь на стѣнѣ,—какъ онѣ тамъ слились въ одно, обнявшись,—онъ содрогнулся отъ неутолѣннаго желанія.

И тогда начался жаркій, безмолвный пиръ, только изрѣдка прерываемый быстрымъ и вкрадчивымъ шопотомъ. Вытянутыя губы касались краевъ тонкаго бакала со сладкимъ, липкимъ ликеромъ и опять тянулись другъ къ другу навстрѣчу.

— Зачѣмъ ты держишь руку на груди? Наденька—зачѣмъ? Какъ-будто ты отстраняешь меня? Ну, убери же твою руку...

— А ты любишь мою руку, вотъ тутъ, выше локтя? Или ты не любишь? А я люблю твои руки... Ахъ, какъ я люблю твои руки!..

Она стала около него на колѣни и начала цѣловать его руки, долго и жадно, крѣпко прижимаясь къ нимъ губами, одну за другой ненасытно.

— Какъ давно я не видала твоихъ рукъ, какъ давно... Ахъ, какое безуміе, что мы съ тобой сдѣлали тогда! Нѣтъ, поклянись мнѣ, что никогда, никогда, не повторится этого! Ты никогда не будешь допрашивать меня?

— Никогда!

Она совсѣмъ наклонилась надъ нимъ, прильнула губами къ его открытой шеѣ...

И отъ этого поцѣлуя голова его запрокинулась назадъ, какъ-будто онъ былъ раненъ на смерть ударомъ ножа въ свою открытую шею, какъ будто всѣ силы покинули его...

— Я люблю... Люблю!

Неутомимая долго тосковавшая ласка, похожая на горѣніе.

X.

Потянулись недѣли и мѣсяцы необузданнаго наслажденія. Съ истомой ныло тѣло, обремененное,

переполненное до краевъ тяжелымъ, прянымъ элементомъ любви, который переливался гдѣ-то въ жилахъ, какъ золотой медъ; густыя струи его причиняли муку, мучили утромъ въ постели, послѣ ночного сна и отдыха, и мучили въ душный лѣтній вечеръ, когда огни смотрѣли красными глазами, и сердце вдругъ начинало судорожно биться отъ дышащей горячими парами тьмы.

И вся жизнь въ домѣ проходила гдѣ-то мимо, стороной, не задѣвая. Марья Николаевна какъ птица щебетала, наговаривала, приходила и уходила, иногда чему-то посмѣивалась; иногда появлялся не надолго старикъ Петръ Ивановичъ и тихо исчезалъ; не было видно одного только Григорія Алексѣевича съ его вѣчнымъ громкимъ смѣхомъ; но о немъ всѣ позабыли.

Наденька не боялась тетки и почти уже не скрывала и не могла скрывать своей любви. Она въ юду встрѣчалась съ Петровскимъ и ловила каждое мгновение. Когда Петровскаго не было, она блуждала по дому, заходила одна въ его комнату, смотрѣла тамъ на вещи, на мебель, гдѣ она проводила съ нимъ вмѣстѣ долгіе часы, и тогда страстное до напряженія выраженіе блуждало на ея лицѣ; она прикасалась къ этимъ вещамъ, закрывая глаза, и медленно сжимала свои руки—до боли, до мученія, чувствуя отъ этой боли какое-то странное, неопредѣленное наслажденіе.

И потекли дни самозабвенія, дни ничего незнающія, ничего не желающія, ничего не помнящія и ничего не ждущія,—дни, наполненные сами собой и полнотой своей.

Наденька безъ стыда, съ безконечнымъ довѣріемъ каждое свое движеніе показывала Петровскому; она не искала никакихъ прикрасъ, никакой позы, ничего такого, чѣмъ бы она могла еще

больше прельстить его; ни къ какой граціи она не стремилась, потому что не помнила себя...

И вотъ въ самые высшіе моменты ея порывовъ лицо ея вдругъ и неожиданно искажалось страданіемъ; вдругъ ея молчаніе разрѣшалось быстрыми, страстными, горестными словами.

Она рассказывала о себѣ все дурное, не въ силахъ удержать на душѣ ни одной мысли, ни одного мелькнувшаго чувства или желанія; она все отдавала Петровскому и раскрывала передъ нимъ.

— О, мое дѣтство, мое дѣтство,—говорила она, обливаясь слезами,—если бы ты зналъ что-нибудь о немъ!

— Зачѣмъ?—спрашивалъ онъ въ недоумѣніи.— И почему ты плачешь?

— Мама такъ веселилась, такъ веселилась! Ей было некогда, и я росла одна, грязная, заброшенная; нянька била меня; я даже не умѣла ни считать, ни писать, ни посмотрѣть на часы, чтобы узнать время... Какая я была жалкая, какая бѣдная...

Рассказывая это, Наденька рыдала вся въ слезахъ.

— О, Господи, если бы я могла все рассказать тебѣ! И ты меня любишь, ты такую меня любишь, послѣ всего ты меня любишь! Ты!..

Она снова бросалась къ нему въ новомъ, еще большемъ порывѣ любви, и онъ чувствовалъ себя удивленнымъ, растроганнымъ ея безконечной откровенностью и самозабвеніемъ. Опять начинались часы упоенія.

Петровскій лежалъ, полузакрывъ свои глаза, охваченный покоемъ.

Наденька подолгу сидѣла около него и смотрѣла, подперевъ свою голову руками.

А иногда вдругъ она начинала рассказывать, и рассказы ея были простые, тихіе, — такіе простые, какъ-будто бы ихъ рассказывала старая деревенская нянька дѣтямъ въ сумеречной полутьмѣ.

— Было у меня въ дѣтствѣ вотъ какъ въ комнатѣ устроено; я сама такъ устроила,—начала она, мечтательно улыбаясь...

Или еще:

— Случилось же со мной, очень давно, какъ одна дама, мамина гостья, мнѣ страшно понравилась. Если бы знать, какъ она понравилась мнѣ!.. До мученія! Такъ вотъ тогда и случилось...

Или еще о чемъ-нибудь она рассказывала...

А онъ смотрѣлъ на нее, полураздѣтую, съ согнутой слегка спиной и бѣленькими ногами. Въ глазахъ его начинало разгораться что-то, больше и больше; она замѣчала это, и сразу рассказъ ея мѣшался, путался и смолкалъ...

XI.

Однажды поздно вечеромъ, осенью, онъ вернулся домой усталый и мокрый отъ дождя. Наденьки не было цѣлый день, и теперь первое, что онъ увидѣлъ,—это было ея лицо, залитое ужасомъ. Ужась горѣлъ на этомъ лицѣ съ широко раскрытыми, остановившимися глазами. Губы ея шевелились, желая произнести что-то, и не могли.

Наденька торопливо и молча схватила Петровскаго за руку и ввела его въ свою комнату, плотно закрывъ за собою двери.

— Ты не знаешь... Я беременна,—прошептала она,—и смолкла, точно испуганная звукомъ этихъ словъ; точно ожидая страшныхъ событій, которыя должны были произойти вслѣдъ за ними неминуемо.

Петровский совсѣмъ растерялся и молчалъ.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ взадъ и впередъ безъ всякаго смысла; потомъ остановился передъ Наденькой, уронивъ руки.

— Что же дѣлать?—спросилъ онъ.—Ты... увѣрена въ этомъ?

— Мнѣ сказали.

— Можетъ-быть, ошиблись?

— Наденька разразилась потокомъ словъ въ бурномъ отчаяніи.

— Это навѣрное, никакая ошибка не возможна. Я дважды была у двухъ докторовъ... Ты думаешь, что я могла бы обмануть тебя?.. Что, я такъ легкомысленна?..

— Послушай же, послушай,—нашептывала она ему.—Никакая ошибка невозможна, дорогой мой... Мнѣ нужно умереть, вотъ нѣтъ ничего, кромѣ смерти впереди! Я люблю тебя, но я должна умереть! Какъ ты мнѣ дорогъ, и какъ мнѣ тяжело... Дорогой мой, я такъ люблю тебя!

А онъ смотрѣлъ на нее и не понималъ.

— Ты беременна?—спрашивалъ онъ, сдвигая свои брови.—Вотъ странно.

Онъ ходилъ по комнатѣ изъ конца въ конецъ.

— Какъ неожиданно!—говорилъ онъ самъ себѣ.

Но ужасъ и страхъ ея казались ему чуждыми.— почему это такъ пугаетъ ее? Почему она дрожить и плачетъ,—онъ удивлялся. Онъ началъ говорить ей какія-то слова утѣшенія: что-то о прошлыхъ радостныхъ дняхъ, объ естественности любви, о неизбежности ея послѣдствій...

Но она крѣпко схватила его за руку.

— Я убью себя!—поговаривала она со сладкой мукой.—Ахъ, нѣтъ, ты не понимаешь всего этого, ты мужчина. И если завтра уже тайна будетъ

известна кому-нибудь, я убью себя завтра же, я еще до вечера завтра убью себя!..

— Нѣтъ, Наденька, послушай, это вовсе не такъ ужъ страшно... Чего же ты пугаешься, глупенькая?..

Наденька вдругъ поднялась и пошла отъ него, шатаясь.

Онъ останавливалъ ее, утѣшалъ, убѣждалъ...

Но такая была безконечная покорность на ея лицѣ, такая безнадежность неизбежности, такое преклоненіе передъ судьбой.

Какъ-будто бы въ первый разъ Петровскій увидѣлъ это лицо передъ собой, и въ первый разъ онъ почувствовалъ въ этомъ лицѣ что-то тайное, какой-то блескъ глазъ, точно видящій передъ собой необыкновенный ужасъ жизни, завѣщанную судьбу, неминуемую, непреодолимую. И этотъ блескъ глазъ тускнѣлъ и меркнулъ какъ у животнаго, которое ранено.

Наденька ушла; Петровскій остался одинъ.

Онъ провелъ цѣлые часы въ неопредѣленномъ неясномъ душевномъ состояніи.

Это была осенняя ночь съ порывами вѣтра и грустнымъ свистомъ въ печной трубѣ; забытое за окномъ на карнизѣ фарфоровое блюдо жалобно и жалко звенѣло подъ дождемъ.

Петровскій сѣлъ въ глубокое кресло и думалъ. Постепенно мысли его просвѣтлѣли.

То, что случилось, можетъ быть серьезно и тяжело; можетъ-быть, оно опредѣляетъ всю его будущую жизнь. Но что было бы съ нимъ безъ Наденьки? Такое безконечно однообразное существованіе, не нарушенное ничѣмъ, не наполненное ничѣмъ, ненужное никому...

И потомъ—красота идущаго отцовства, тайна появленія новой жизни, разгораніе новаго огня въ

комъ-то: въ маленькомъ сынѣ или въ нѣжной дѣвочкѣ, и именно Наденькинаго особеннаго огня... Какая радость!..

Петровскій думалъ обо всемъ этомъ и улыбался.

Будущій, новый, счастливый и чудесный человекъ! И онъ, Петровскій, будетъ виновникомъ появленія его

Петровскій все больше подчинялся этимъ мыслямъ, все больше былъ растроганъ, все больше покорялся, и все больше счастливый сонъ опускался на него...

И онъ заснулъ, наконецъ, не рѣшивъ ничего и не отвѣтивъ ничего на все то, что Наденька сказала ему въ этотъ вечеръ, чѣмъ она мучилась и о чемъ страдала.

XII.

Спустя двѣ недѣли Петровскій женился на Наденькѣ.

Рѣшеніе это какъ-то само собой зародилось и исполнилось; какъ-будто само собой разумѣлось, что иначе случиться не могло.

Всѣ приготовления сдѣлались быстро; все шло гладко и безъ задержекъ.

Въ первое мгновеніе Наденька была счастлива этимъ рѣшеніемъ, глаза ея сияли, и особенная нѣжная признательность звенѣла въ ея голосѣ.

Но въ послѣднюю минуту, передъ тѣмъ, какъ ѣхать въ церковь, съ ней что-то случилось.

Въ домѣ вдругъ всѣ забѣгали, засуетились; кто-то упомянулъ о докторѣ; захлопали двери...

— Что такое? Что случилось? Господи, что такое?

Марья Николаевна неподвижно смотрѣла своими ничего незнающими глазами; толстое тѣло ея какъ-то опустилось къ низу, и губы въ страхѣ дрожали.

— Она не хочетъ... Наденька.

— Чего она не хочетъ? Что вы говорите?

— Въ церковь она не хочетъ ѣхать.

— Почему?

Но Марья Николаевна въ изнеможеніи упала въ кресло; она часто моргала глазами и не могла выговорить ни слова.

Съ Наденькой былъ нервный припадокъ. У себя въ комнатѣ она билась въ спазмахъ и безутѣшно рыдала.

Ее поили водой, успокаивали; раздѣли ее и положили въ постель, пока она не пришла въ себя.

Такъ прошло много времени.

Наконецъ, поѣхали въ церковь, и свадьба состоялась. Подъ вѣнцомъ Наденька была очень блѣдна и молчалива. Петровскій ни о чемъ не разспрашивалъ ее.

А потомъ начались безконечныя хлопоты и суета; нужно было устраивать свою квартиру, покупать множество вещей, устанавливать ихъ; многого не хватало, о многомъ въ первое время забыли, и снова приходилось ѣздить по магазинамъ.

На новой квартирѣ появились старухи, занятыя какими-то неизвѣстными дѣлами; поселилась швея, которая шила приданное будущему ребенку. Образовалось цѣлое царство женщинъ, переговаривающихся между собой непонятными фразами, гадающихъ о томъ, кто будетъ—мальчикъ или дѣвочка; онѣ что-то острили и шутили по этому поводу.

Иногда приходилъ старикъ Петръ Ивановичъ и дополнялъ собой эту семейную идиллію.

Такъ странно все перемѣнилось въ жизни;

Петровскій не успѣвалъ ничего уловить въ пестротѣ смѣняющихся событій.

Наденькины припадки повторялись нѣсколько разъ съ перерывами, приводили въ отчаяніе весь домъ, доводили до болѣзни ея тетку, мучили своей непонятностью Петровскаго...

А потомъ опять все успокаивалось.

И когда Петровскій хотѣлъ узнать что-нибудь, ему отвѣчали:

— Ахъ, Поль, она въ положеніи, оставь ее. Вотъ ужъ ничего ты въ этомъ понять не можешь!

— Но все-таки?

— Ахъ, оставь, пожалуйста!..

И его гнали поминутно отовсюду подъ разными предлогами.

Постепенно онъ сталъ успокаиваться и соглашаться съ тѣмъ, что онъ, дѣйствительно, ничего не понимаетъ. Цѣлые часы онъ проводилъ въ одиночествѣ, гдѣ-нибудь въ дальней комнатѣ, чтобы никому не мѣшать, и прислушивался къ суетѣ и жизни дома.

Съ Наденькой Петровскій былъ предупредителенъ и нѣженъ. То трогательное, что было въ ней, совсѣмъ овладѣло имъ. Что случилось съ ней отъ болѣзни? Она была совсѣмъ новая, непривычная, съ блѣдными, прозрачными щеками; пальцы рукъ ея похудѣли и казались слабыми, и все ея тѣло—хрупкимъ и дорогимъ, близкимъ безконечно и таящимъ въ себѣ что-то драгоцѣнное...

Въ тѣ дни, когда она была совсѣмъ больна, онъ иногда садился около нея и плакалъ.

— О, какъ ты добръ, какъ ты добръ!.. — слабо говорила она. — Я никогда не повѣрила бы, что кто-нибудь можетъ быть такимъ добрымъ.

Потомъ пришло рожденіе ребенка — цѣлый мучительный день и безконечная ночь раздражающихъ

криковъ и стонувъ; роды были тяжелые, съ осложненіями и опасностью; боли были невыносимы, и казалось, что все это никогда не кончится — какъ удушающій кошмаръ...

Но, наконецъ, какой-то вздохъ пронесся по дому, что-то разомъ затихло и разрѣшилось въ успокоеніе.

Петровскаго позвали и ввели въ комнату Наденьки.

— Дѣвочка.

Наденька порывисто хотѣла встать, чтобы посмотрѣть своего ребенка — и тихо, безсильно опустилась опять на подушки. Только ея глубокие, точно издалека блестящіе жаромъ боязливые глаза остановились на Петровскомъ, и поблѣднѣвшія губы шептали:

— Дѣвочка... Посмотри! Ну, посмотри же ее!

А потомъ, послѣ родовъ, потянулись длинные дни болѣзни и выздоровленія, визиты доктора, возня съ ребенкомъ, — постепенное нарастаніе истощенныхъ материнскихъ силъ.

Докторъ долго и подробно дѣлалъ свои указанія; ему нравилась Наденька, и онъ точно растягивалъ намѣренно время своего визита, иногда разговаривая по получасу безъ перерыва.

И пока докторъ говорилъ, она покорно и тихо лежала, слушая внимательно всѣ его совѣты, потому что чувствовала важность этихъ словъ для будущаго ребенка.

Ѣда производила у нея легкое опьянѣніе, и глаза ея начинали настойчиво и неумолимо закрываться, пока она не засыпала, блаженно и ровно дыша.

Для Петровскаго эти дни, проведенные у постели Наденьки, были радостными днями, окутанные особой и непривычной прелестью.

Онъ чувствовалъ себя добрымъ и безконечно преданнымъ ей. Въ сумеркахъ идущаго вечера, среди бѣлыхъ подушекъ, Наденька, казалась ему странно прозрачной и неземной.

Онъ начиналъ всей силой своей души любить ее.

ХІІІ.

И вдругъ совершилось нѣчто, что разбило его жизнь. Оно упало откуда-то изъ невѣдомаго — и неожиданно раздавило все, что онъ считалъ своимъ счастьемъ.

Наденька давцо уже встала, оправившись отъ болѣзни. Жизнь въ домѣ наладилась и тихо текла не безпокоимая ничѣмъ. Всѣ были такъ радостны и такъ привыкли къ этому, что малѣйшая печаль, малѣйшая нескладность жизни не могла пройти незамѣченной.

И однажды Петровскій замѣтилъ такую нескладность.

Въ этотъ день онъ проснулся поздно, потому что наканунѣ работалъ почти всю ночь, готовляя спѣшно докладъ для одного дѣловаго предпріятія, въ которомъ онъ принялъ участіе послѣ своей женитьбы.

Наденька встала раньше его и, очевидно, что-то произошло, потому что она вышла изъ дома въ необычный часъ; а когда вернулась, то Петровскаго въ первое же мгновеніе поразилъ видъ ея.

— Ты выходила покупать что-нибудь?

— Да... я выходила.

Но онъ посмотрѣлъ на ея пустыя руки, въ которыхъ не было никакого пакета.

— Я не нашла того, что мнѣ нужно было, Поль.

Съ необъяснимымъ для него томленіемъ смотрѣли ея глаза; она безпокойно двигалась по комнатѣ, растерянно перебирая вещи...

А онъ наблюдалъ за ней нѣсколько мгновений и думалъ со страхомъ о томъ, что снова приближается нервный припадокъ.

— Наденька, скажи же... Тетушка придетъ сегодня?

— Да...

— Ты это знаешь?

— Да, да... Навѣрное. Она скавала.

— Послушай, Наденька... Ты хорошо себя чувствуешь?

— Да.

— Мнѣ кажется, что ты больна.

— Нѣтъ, нѣтъ, я здорова. Откуда ты взялъ? Я совсѣмъ здорова.

— Видишь ли, я остался бы съ тобой, но у меня сегодня собраніе всѣхъ пайщиковъ, гдѣ я долженъ представить разныя соображенія.

— О, ради Бога, уходи, я умоляю тебя, я такъ тебя прошу...

Она стремительно подошла къ нему и вкрадчиво ласкалась.

— Я совершенно, совершенно здорова... Не вѣришь? Ну, уходи, уходи же, если это нужно.

Онъ хотѣлъ еще о чемъ-то спросить ее, но воздержался: онъ боялся напоминать ей объ ея припадкахъ, считалъ ее слишкомъ нервной и опасался своими разспросами направить и ея мысли въ сторону болѣзни.

Когда-то онъ надѣялся, что послѣ родовъ припадки ея пройдутъ, и теперь ему было тяжело сознаться, что надежды эти не исполнились.

— Ты хочешь, чтобы я ушелъ, Наденька?

— Да. Сейчасъ придетъ ко мнѣ тетя, и потомъ...

я здорова, Поль. Ну, право же! Развѣ ты не видишь?

— Все-таки я найду по дорогѣ къ доктору. Пусть онъ заѣдетъ.

— Да, пусть заѣдетъ. Только вечеромъ. Хорошо?

— Ну, пусть вечеромъ, если ты хочешь.

Онъ собралъ свои бумаги и ушелъ.

Началось засѣданіе, дѣловое и длинное. Онъ давалъ свои объясненія, приводилъ какія-то цифры и соображенія, но странно: дѣло это еще такъ недавно глубоко интересовавшее его и казавшееся ему цѣлымъ обезпеченіемъ для семьи въ будущемъ, — теперь его не затрогивало. Каждое мгновеніе ему вспоминалось лицо его жены съ необъяснимо разлитой въ немъ мукой; ея дрожащія руки, которыми она переставляла вещь съ мѣста на мѣсто; изломъ ея бровей надъ глазами... И то, что онъ оставилъ ее одну вдругъ до очевидности ясно показалось ему преступленіемъ.

Онъ всталъ и неловко простился со всѣми, извиняясь: его жена больна, и сосредоточить свои мысли онъ не въ силахъ.

Петровский возвращался скорыми шагами, и по мѣрѣ того, какъ онъ подходилъ къ дому, онъ торопился все больше и больше.

Чтобы не беспокоить Наденьку звонкомъ, онъ самъ открылъ входныя двери и вошелъ.

Голосъ, который доносился изъ гостиной, привелъ его въ глубокое изумленіе, скоро перешедшее въ гнѣвъ и ярость — тамъ былъ Григорій Алексѣевичъ, котораго онъ условился съ Наденькой разъ и навсегда не принимать въ своемъ домѣ ни при какихъ условіяхъ, ни при какихъ обстоятельствахъ... Почему же это обѣщаніе было безъ его вѣдома нарушено? Какъ онъ смѣлъ ворваться въ его домъ?

Петровский рванулся къ дверямъ гостиной, по-

томъ остановился; ему хотѣлось нѣсколько успокоить себя, чтобы не быть слишкомъ взволнованнымъ и смѣшнымъ.

Но онъ услышалъ отдѣльныя слова и цѣлыя фразы... Это приковало его къ мѣсту. Григорій Алексѣвичъ говорилъ съ Наденькой громко и на „ты“; онъ не очень стѣснялся съ ней въ этомъ уединенномъ разговорѣ.

— Такъ ты не хочешь?—спрашивалъ онъ ее.— А я такъ ждалъ, искренно ждалъ съ нетерпѣніемъ, пока ты будешь свободна... Вѣдь ты замужемъ теперь. Замужнимъ Богъ проститъ. Ты какъ будто не знаешь этого, не поняла? Да и теперь, вѣдь, ты освободилась... отъ своего плода. Уже?..

Безпомощный, жалкій и сломленный голосъ отвѣчалъ ему однимъ только словомъ:

— Уйдите...

— Боишься мужа? Да? Трусиха!

Григорій Алексѣвичъ хохоталъ.

— Твой мужъ влюбленъ въ тебя. Сумѣй воспользоваться симъ для удовольствія. Да и притомъ еще ребенка вы съ нимъ возымѣли—къ скрѣпленію узъ поторопились. Ахъ, этотъ ребенокъ, этотъ ребенокъ!..

Григорій Алексѣвичъ прямо помиралъ съ хохота. Онъ веселился.

— А помнишь дядюшку твоего, Василя Васильевича?.. Вѣдь, это спяна онъ мнѣ все рассказывалъ, до самаго послѣдняго родимаго пятнышка... А какъ онъ мнѣ о первомъ твоёмъ веселенькомъ вечерѣ рассказывалъ? Потѣха!..

И Григорій Алексѣвичъ хотѣлъ пуститься въ дальнѣйшія подробности...

Но Петровскій уже не выдержалъ этого. Мгновенно въ головѣ его сложились факты, вдругъ

освѣщая все прошлое, объясняя все то, чего онъ не въ силахъ былъ понять...

Онъ сунулъ кулакъ впередъ себя, и дверь гостиной распахнулась.

Деревянными шагами онъ подошелъ къ Григорію Алексѣвичу и взялъ его за жидкіе волосы; потомъ почему-то выпустилъ эти волосы и взялъ его за плечи. Онъ былъ значительно сильнѣе и легко поставилъ Григорія Алексѣвича на ноги.

— Пошелъ вонъ!

— Уйду.

— Ну, и убирайся... Вонъ!

Толчками ноги, Петровскій выталкивалъ его въ двери.

А тотъ въ послѣдній моментъ, исчезая, крикнулъ ему въ свой чередъ черезъ дверную щель:

— Прислугу она все-таки услала, чтобы увидѣться со мной!.. И тетюшку тоже услала!.. Понялъ?..

Слышно было, какъ Григорій Алексѣвичъ хлопнулъ дверь и быстро сбѣжалъ внизъ по лѣстницѣ, перескакивая черезъ ступеньки.

Наденька въ первый моментъ довѣрчиво бросилась къ Петровскому — и вдругъ остановилась въ страданіи... И тихо и нерѣшительно прошла дальше, въ дальній уголъ.

Онъ настигъ ее тамъ и все тѣми-же блуждающими руками что-то шарилъ близко ея лица; потомъ крѣпко надавилъ на ея грудь.

По мѣрѣ того, какъ лицо ея краснѣло отъ этого давленія, это лицо казалось ему отвратительнымъ и невыносимымъ; сквозь дорога когда-то черты выступалъ ликъ дешевой кой, пошлой пзмѣны; въ этомъ лицѣ ему мерещилось презрѣніе и униженіе — невыносимое униженіе для него какъ для мужчины, и издѣвательство надъ его непросительной глупостью.

Глаза Наденьки бѣгали, быстро бѣгали изъ стороны въ сторону, точно затравленныя мыши въ мышеловкѣ.

— Какъ онъ попалъ сюда? Скажи!

— Онъ силой, онъ ворвался...

Петровский сотрясалъ ее всю, и спина ея глухо ударялась о стѣну.

— Почему ты не звала на помощь? Почему не сказала мнѣ? Почему?

— Не смѣла.

Она долго искала гдѣ-то въ карманѣ юбки и наконецъ, протянула ему скомканное письмо.

Петровский плохо прочелъ его. Тамъ было что-то о любви и страсти, о тайномъ свиданіи; были угрозы и обѣщаніе рассказать кому-то „маленькій анекдотикъ съ дядюшкой“... Какой-то ужасъ гадостей и униженія.

Петровский снова двинулся къ ней; онъ могъ бы теперь мучить ее безъ жалости.

— Куда ты ходила? Къ кому?

— Я ходила умолять его, чтобы не приходилъ... Чтобы оставилъ меня въ покоѣ.

Наденька беспомощно цѣплялась руками за Петровскаго.

— Это дядя сдѣлалъ со мной, слушай же... Я была совсѣмъ еще маленькая; я была невинна; дядя много пилъ и однажды напалъ на меня. Тетя узнала, цѣлыми днями она была больна; дядя бросилъ ее. Много лѣтъ прошло! Чѣмъ же я виновата, ну, чѣмъ же, ну, чѣмъ же? Если-бы кто-нибудь могъ меня защитить, помочь мнѣ...

— И этотъ старикъ вашъ тоже зналъ? Все зналъ?

— Нѣтъ, не зналъ.

Петровский вдругъ размахнулся и ударилъ Наденьку по щекѣ; голова ея качнулась въ сторону.

— А этотъ толстый негодяй... онъ зналъ? И ты не гнала его?

— Да, я не гнала его; онъ зналъ, онъ все могъ рассказать тебѣ.. Если бы я могла объяснить все это! Господи, Господи!..

Наденька говорила шопотомъ, въ лихорадочномъ усилии найти необходимыя слова...

— Я тебѣ отдавалась безъ мыслей, безъ надеждъ... Я хотѣла погубить себя... Что же оставалось мнѣ, о чемъ бы я жалѣла, кромѣ тебя? У меня ничего не было... Но потомъ твоя любовь вдругъ овладѣла мною, испугала меня, сковала уста. Ахъ, какая была любовь!.. Какое счастье!..

— Такъ ты и обманула эту любовь?

— Твоя ревность... Ты ревновалъ, ты никогда мнѣ не вѣрилъ; на днѣ твоихъ глазъ ты мнѣ не вѣрилъ, я всегда это ясно видѣла...

— Ты лжешь! Я вѣрилъ... И этотъ толстякъ былъ твой второй любовникъ, это посмѣшище!.. А я — третій?..

Петровский грубо толкнулъ ее обѣими руками. и она упала навзничъ.

Онъ не помнилъ, какъ онъ вышелъ изъ комнаты, какъ онъ захлопнулъ дверь за собой, и куда онъ пошелъ, по какимъ улицамъ и зачѣмъ...

XIV.

Цѣлый вечеръ и цѣлую ночь онъ блуждалъ гдѣ-то по городу—ночь боли и ужаса передъ тѣмъ, что случилось съ его жизнью.

Иногда онъ останавливался, поднявъ сжатые кулаки къ небу и скрипя зубами отъ страданія... Потомъ опять шель, раскачиваясь какъ пьяный, натываясь на прохожихъ и не слыша ихъ ругани.

Горе его подымалось до какой то высшей точки напряженія; душевная боль казалась кричащей, рѣжущей; хотѣлось взять что-нибудь какую-нибудь острую вещь—и мучить, калѣчитъ свое собственное тѣло, чтобы хотя немного заглушить эту душевную пытку.

Но шли часы, усталость возрастала все больше и больше; страданіе перегорало, тускло, какъ будто-бы подергивалось остывающимъ пепломъ... И злоба занимала мѣсто страданія, тяжелая и холодная, равнодушная ко всему и неумолимая.

Утромъ Петровскій вернулся къ себѣ домой.

Не постучавшись онъ вошелъ грубо въ спальню жены, широко распахнувъ двери.

Тамъ онъ увидѣлъ Наденьку, сидѣвшую на постели рядомъ съ ребенкомъ, который спалъ на разложенныхъ подушкахъ.

Наденька была неодѣта, блѣдная, съ висящими въ прядяхъ тусклыми волосами.

Она взглянула на него умоляюще и тихо сказала:

— Поцѣлуй нашу дѣвочку. Вѣдь, вчера вечеромъ ты не поцѣловалъ ея...

Петровскій стоялъ передъ ней съ гримасой безграничнаго отвращенія.

— Какъ мнѣ гадео быть съ тобой... Если бы ты знала!..

— Но наша дѣвочка, Поль?

— Тогда онъ закричалъ, стуча по столу кулаками:

— И дѣвочка эта не моя, не моя!.. Понимаешь ты! Я чувствовалъ и зналъ это всегда! Она—чужая мнѣ!

Наденька встала, широко раскрывъ глаза въ безконечномъ удивленіи.

— Дочка наша не твоя? Такъ нѣтъ? Она — не твоя?

— У-у... На негодяя этого похожа! Какъ я не догадался раньше, какая гадость... Всю мою жизнь я буду ненавидѣть ее!

— Ненавидѣть?

Наденька вытянулась передъ нимъ, заломивъ свои руки; и беспомощный видъ ея слѣпилъ ему глаза яростью.

— Ненавидѣть буду ее! Я не вытерплю... Я ее убью!

И онъ шагнулъ шагъ къ кровати...

Тогда Наденька бросилась впередъ его, схватила дѣвочку на руки и съ дикой стремительностью, съ обожаніемъ прижала ее къ себѣ.

— Ужъ лучше я сама убью ее... Я сама, Поль, я сама убью ее!..

— Какая... истерика, подумаешь!.. Убей, если хочешь.

— Ты никогда... Никогда не повѣришь мнѣ?

И онъ отвѣтилъ зло и твердо:

— Нѣтъ ужъ, никогда... Довольно! Убей... Вы обѣ мнѣ опротивѣли.

Руки Наденьки вдругъ ослабѣли и опустились; она почти уронила ребенка на полъ.

Ужасъ потерянной вѣры, невозвратность прошлаго, неискупимость его, невозможность исправить жизнь—все это разомъ, какъ гора, надвинулось на нее.

Глаза ея наполнились слезами, и губы дрогнули съ тихимъ, всхлипывающимъ стономъ...

Такъ она стояла нѣсколько мгновений.

И вдругъ она бросилась къ мужу въ высшемъ приливѣ отчаянія. Она вся странно извивалась передъ нимъ, ломала свои руки, хватала его жесткіе

враждебные пальцы, которые онъ грубо отымалъ,— и цѣловала ихъ.

— Ахъ, прости же, прости мою дѣвочку, она ни въ чемъ не виновата, она твоя.. Это я виновата... Я! Я!

— Еще и тебя, можетъ быть простить? Я не Рауль въ лаковыхъ сапожкахъ. Иди къ прохожему, мимо... Пошла!

— Но дѣвочка маленькая моя...

— Дешево стоитъ. Всѣ маленькія.

— Если бы теперь ты могъ увидѣть душу мою!..

— Дурно пахнетъ отъ твоей души.

Онъ былъ жестокъ и безпощаденъ.

— Довольно. Уѣзжай къ своей теткѣ, складывай вещи... Сегодня же! Дѣвочку я отбираю у тебя навсегда, поняла? Живо!

— А что ты сдѣлаешь съ нею? Что сдѣлаешь? Скажи?

— Это мое дѣло, не твое... Убью.

И снова она кинулась къ дѣвочкѣ; она обняла ее со всей нѣжностью, со всей необузданной страстью, на которую была способна.

Казалось, что въ головѣ ея все мѣшалось и мутилось. Она наговаривала надъ ребенкомъ, все стремилась рассказать ему что то; голосъ ея вдругъ терялся и переходилъ въ особый всхлипывающій шопотъ; казалось, что она плачетъ, но глаза ея были сухи и неподвижны. Что-то отчаявшееся, жалостное струилось отъ ея лица съ потемнѣвшими вдругъ губами и мигающими отъ непрестанной дрожи вѣками глазъ.

Она все торопилась рассказывать и не могла; путалась и начинала снова.

— Убить мою дѣвочку, маленькую мою убить, Поль... За что же убивать маленькую мою?..

И какъ только она доходила до этихъ словъ о своей дѣвчкѣ, голосъ ея хрипло терялся...

— Я сама, я сама... Ты позволишь мнѣ, Польша? Ужъ лучше я сама...

Петровский смотрѣлъ на нее нѣсколько минутъ, а потомъ пожалъ плечами.

— Комедія! Поздно, поторопись окончить. А мнѣ нужно чаю выпить. Я голоденъ... Мнѣ некогда.

Онъ повернулся и ушелъ.

XV.

Но чай стылъ на столѣ долгія минуты, а Петровский не рѣшался прикоснуться къ нему.

Онъ ходилъ изъ угла въ уголь, застывшій въ своемъ равнодушии, безразличный ко всему. Тяжелое, тупое чувство, которое наполняло его, держало бы его, быть-можетъ, еще долгое время въ своей власти, если бы онъ не услышалъ вдругъ дикаго, содрогавшаго крика, который прорѣзалъ воздухъ.

Вслѣдъ за этимъ въ столовую вбѣжала служанка, блѣдная и потрясенная страхомъ.

— Дѣвочку... Анночку... — крикнула она ему и смолкла, не въ силахъ продолжать.

— Ну, что? Что съ Анночкой?

— Барыня на смерть убила ее...

— Что?... Ты ошиблась?...

Онъ кинулся въ спальню.

Дѣвочка лежала на постели съ откинутой бѣлой рубашкой; простыни раскрытой постели жадно впивали въ себя влажныя красныя пятна.

Онъ увидѣлъ свою жену у окна — она тоже была въ бѣлой ночной рубашкѣ, съ одной только каплей крови, которая случайно попала на нее.

— Надя...

Онъ хотѣлъ ее схватить.

Но она побѣжала отъ него босыми ногами, путаясь въ длинной рубашкѣ и натыкаясь на мебель.

— Не тронь меня...

Волосы ея качались и полоскались на голой спинѣ; она была совсѣмъ одичавшая и легкая.

Она остановилась у окна и ударила себя ножомъ въ горло, маленькимъ ножомъ, который еще съ перваго дня ихъ общей жизни висѣлъ посреди ковра на стѣнѣ надъ его кроватью. Спадающая съ плечъ ея рубашка окрасилась кровью.

Тутъ онъ схватилъ ее, обезоружилъ.

— Дорогая моя, зачѣмъ ты сдѣлала это? Дорогая моя!?

Она защищалась, оталкивала его руками, коленями.

Кровь ея текла; она капала на Петровскаго и стекала на полъ.

Но Наденька все продолжала отчаянно защищаться.

Онъ привязалъ ее къ стулу, не въ силахъ больше удерживать ее.

— Маша, за докторомъ!

Но Маши уже не было.

Черезъ минуту пришелъ докторъ; потомъ явился полицейскій приставъ.

Наденьку развязали, потому что голова ея поникла книзу безъ сознанія.

Ребенокъ былъ мертвъ.

— Кто убилъ вашего ребенка? спросилъ приставъ.

Но Наденька не могла отвѣтить.

Маша сейчасъ же стала говорить, торопливой скороговоркой:

— Вошла это я,—вся кровать въ крови... Я и спросила: что тутъ вышло? А она и говорить будто безумная: „Я ребеночка моего на смерть убила, а сейчасъ и себя самое прикончу“. Къ мужу ея я разомъ кинулась... А Павелъ Владиміровичъ— въ спальню за мной... Вошли это мы сюда, а она себя самое ножомъ.

И приставъ что-то записывалъ шурша бумагой.

А Петровскій сидѣлъ и смотрѣлъ, какъ умирала Наденька, — женщина, въ которой было все счастье и несчастье его жизни, которую онъ любилъ глубоко и страстно, и которую убилъ однажды невзначай.

А. Тамаринъ.

НИРА.

Ніара.

РАСКАЗЪ.

Все блѣднѣе и блѣднѣе глядитъ мѣсяць, все мягче и мягче поблескиваетъ лунный поэументъ на лѣниво шевелящемся темномъ бархатѣ моря.

Проснувшійся пастухъ Гассанъ видитъ сквозь причудливый вырѣзь лѣсной чащи кусокъ моря, обрамленный кудрявыми вѣтвями сплетшихся дикихъ яблонь-близнецовъ, и этотъ обрывокъ моря кажется Гассану великимъ, какъ Аллахъ, таинственнымъ, какъ сказка, а самъ Гассанъ—маленькимъ, забытымъ, чьимъ-то потеряннымъ ребенкомъ. Переводитъ ваоръ и видитъ Гассанъ въ полутьмѣ гирлянды бѣлыхъ хлопьевъ: то овцы его стада, скучившіяся подъ скалой. Въ сторонкѣ одиноко маячитъ сѣрая тѣнь стараго козла Падишаха, изрѣдка кивающаго головой и позванивающаго колокольцами. Хрипло кашляетъ простуженная овца, блеетъ козленокъ. Овцы спятъ, какъ и живутъ: тревожно, съ вѣчной жутью, вздрагивая и пугаясь каждаго шороха. У ногъ Гассана двѣ огромныя, мохнатыя овчарки: бѣлый Аламанъ и буро-сѣрый Караманъ, вѣрные товарищи пастуха, старые, опытные волкодавы. Гассану не спится... Чудятся на фонѣ кустовъ бѣлая твердая фигура и розовое недвижимое лицо съ полуоткрытыми зовущими губами. Въ лѣсу, на полянкѣ, у моря—вездѣ она, вездѣ звѣздная Ніара, безмолвная, холодная, властная.

Скорѣе бы разсвѣтъ... Послѣ водооя Гассанъ спуститъ стадо внизъ, къ морю, а самъ взберется на утѣсь, гдѣ среди каштановой рощи угрюмая

часовня... Тамъ ждетъ его дѣвушка Гафизъ, старый мудрый Гафизъ, и ждетъ Ніара...

Близко шарахнулась летучая мышь, чающая приближеніе утра, и тоскливо захныкалъ филинъ.

— Уу-угу... Скоро свѣтъ, скоро свѣтъ!

Отряхиваясь, приподнимается Аламанъ, зѣваетъ и, угрюмо таякнувъ, медленной рысцой, въ развалку сѣменить въ обычный обходъ: нужно удостовѣриться, нѣтъ ли вблизи притаившагося орлагнятника?! И вновь тишина, нарушаемая сухимъ хрустомъ валежника, потревоженного собакой. И вновь мысли Гассана несутся къ часовнѣ и къ милому старому Гафизу. Въ небѣ мѣняются краски. Скоро разсвѣтъ.

Властной рукой стягиваетъ Аллахъ съ тѣла земли покрывало мрака, и за нимъ, лѣниво свертываясь, тянется газовая чадра тумана. Вверху духи небесъ подъ наблюденіемъ свѣтлаго калифа Манкира спѣшно заканчиваютъ предутреннюю уборку небосвода: гасятъ звѣзды, созвѣздія, свѣтильники Млечнаго Пути, обѣихъ Медвѣдицъ и Чалмы Пророка; слегка освѣжаютъ лазурь. Одна звѣзда, зеленовато-серебристая, долго не гаснетъ; вѣроятно, съ ней не можетъ справиться какой-нибудь новый ангелъ, суетливый и неопытный. На посвѣжѣвшемъ, умытомъ небѣ бѣлесо таетъ тонкорогій мѣсяць, одиноко поджидающій зарю.

Гассанъ глядитъ вверхъ: на сегодня назначенъ Аллахомъ ясный день. Давно уже ангелы не производили большой уборки неба. Въ такіе дни Аллахъ, какъ ставнями, закрываетъ небо плотными облаками, дабы не осквернили нечистые взгляды червей земли священную работу духовъ. И джины совмѣстно съ прекрасными гуріями моютъ небосводъ, подправляютъ бирюзу и сапфиры трона Аллаха, омываютъ звѣзды, передвигаютъ планеты,

сотрясающія громами воздухъ, и когда, послѣ обильно льющагося въ эти дни на землю дождя, разрываются облака, небо выглядить молодымъ, наряднымъ свѣжимъ и такимъ яснымъ, что на немъ среди дня виденъ перекинутый изъ конца въ конецъ неба радужный мостъ изъ прозрачныхъ воздушныхъ самоцвѣтовъ. И по этому мосту проходитъ Аллахъ, созерцающій міръ и благодарящій духовъ за ихъ трудную работу.

Такъ рассказывалъ Гассану мудрый отшельникъ Гафизъ. Гассанъ скоро пойдетъ къ нему; скоро, когда появится солнце. Да вотъ и оно!..

Изъ середины моря, далеко-далеко, изъ темной глубины вытягивается рука съ ослѣпительно сверкающимъ вѣромъ; медленно подымаясь, раскрывается пламенный вѣрь, разворачивая все шире оранжевыя, золотыя, красныя, серебряныя, малиновыя полосы. Концы вѣра растутъ, удлиняются и, загибаясь, ложатся на дуга, на горы, освѣщая глубь небесъ и землю, и воду, отогрѣвая иззябшіе за ночь холодные камни, осушая отсырѣвшія травы, покрытыя каплями слезъ земли.

Гассанъ вскакиваетъ на ноги, сбрасываетъ чекмень, расправляетъ плечи, грудь и сладко-сладко потягивается. Вокругъ него вертятся овчарки, и, ослѣпленные свѣтомъ, щурятъ испуганные глаза овцы, обернувшись головами къ морю... Гассанъ скатываетъ чекмень, вынимаетъ изъ дупла торбу съ припасами, свой чабанскій тулупъ, свирѣль изъ воловьего пузыря съ роговыми трубками и тяжелую кизилую ярыгу. Затыгиваетъ поясной ремень съ прикрѣпленнымъ къ нему ножомъ въ черномъ чехлѣ. Взмахиваетъ ярыгой; рѣзко шарахнувшись, мечутся овцы, но знающія свое дѣло овчарки направляютъ козла къ крутой тропинкѣ и за его мѣрно звякающимъ колокольчикомъ тянутся

трепетныя козы, и все стадо, растянувшись цѣпью бѣлыхъ облаковъ, вздрагивая и останавливаясь, сползаетъ внизъ, къ роднику.

Изъ неглубокой, низкой пещеры льется упругая струйка, твердая на видъ, вытягивается и, упершись въ острый камешекъ, разрѣзанная по серединѣ, дробится, становится плоской и широкой. Расплескиваясь, скатывается внизъ, въ скалистую кастрюлю, усыпанную желтымъ пескомъ, какъ рамой отдѣляющимъ ручей отъ свѣтло-зеленаго плюша лужайки, поросшей у воды широкимъ, спокойнымъ лопухомъ и мятущимся, всегда бормочущимъ камышомъ. Длинной лентой уходитъ камышь по узкому руслу ручья внизъ и тянутся за нимъ лопухъ и водяныя лиліи, эти робкіе блѣдноцвѣты, старыя дѣвы лѣсныхъ лужаекъ, чистыя, чопорныя и сухія. Зато на полянѣ сегодня праздникъ: распустились ярко-красныя горныя цикламены, причудливыя и гордыя, съ лепестками, сложенными въ видѣ королевскихъ коронъ. Эти маленькіе принцы лѣсовъ обрызгали зеленую скатерть лужайки каплями крови, чистой крови земли. Самые крупныя изъ нихъ приютились надъ круглолистнымъ шершавымъ фундукомъ, обложеннымъ у подножья подернутыми сочнымъ мхомъ камнями.

Гассанъ становится на колѣни у ручья, срываетъ твердый, хрустящій листъ лопуха, свертываетъ его желобкомъ и зачерпнувъ воды, жадно втягиваетъ холодную ускользящую влагу. Напившись, умывается и трясетъ кудрявой головой, выжимая переслоившую волосы воду. Ложится у ручья и разглядываетъ камешки на стекольно-прозрачномъ днѣ и ловить глазами свое скользящее на водной глади отраженіе. Смуглое лицо, глаза черныя, щурятся, а губы зазорно вздернуты, чтобы показать водѣ сверкающіе зубы... Усовъ нѣтъ,

только пушокъ чернѣть, а вотъ рядомъ у козла Падишаха борода, какъ у имама Вели-Аги, который учитъ софтъ въ медресѣ; на зеркалѣ ручья кривятся бодатая, острая морда козла и двѣ милыя собачьи головы, чѣмъ-то озабоченныя. Гассанъ вздрагиваетъ, шепчетъ, тяжело дыша: „Ніара!..“ Оглядывается и, мягко оттолкнувъ прижавшуюся къ плечу собаку, вскакиваетъ.

* * *

Гассанъ ложится на траву, закрываетъ глаза и мечтаетъ вслухъ:

— Если бы попасть на войну... Вотъ гдѣ раздолье, вотъ гдѣ можно всю храбрость проявить. Правда, могутъ убить, но это неважно. Въ бою лестно умереть мусульманину. Душа попадаетъ въ рай...

Гассанъ слыхаль отъ имама Гафиза о пути, что проходитъ душа правовѣрнаго. Разстанется съ окаменѣвшимъ сердцемъ его душа и взовьется вверхъ, гдѣ встрѣтятъ ее ангелы Монкиръ и Накиръ... Они выпытають его грѣхи и, собравъ ихъ воедино, бросятъ на чашу звѣздныхъ вѣсовъ, а на другую чашу—его заслуги. Затѣмъ душа пойдетъ по тонкому, точно конскій волосъ, мосту „сыраатъ“, переброшенному надъ страшнымъ пекломъ.

Душа Гассана не сорвется внизъ, ибо онъ не грѣшенъ.

Гассанъ никогда не ѣлъ свинины, не пилъ вина, не билъ женщины, помогаль бѣднымъ, дѣлясь съ ними добычей послѣ каждого набѣга, исправно творилъ намазы, не нарушалъ поста.

Душа Гассана, перейдя мостъ, попадетъ прямо въ священный Дженнетъ, тѣнистый садъ безгрѣшныхъ душъ.

Тамъ, подъ сѣнью банановъ и пальмъ въ чащѣ райскихъ кустовъ искрятся волшебныя струи кристалльныхъ фонтановъ.

Гассанъ судорожно вздернулъ голову и понуро потупился.

Вотъ бы попасть на мигъ въ этотъ рай сейчасъ, напиться холодной влаги и... вернуться назадъ.

Гассану не нужны блага рая... Онъ знаетъ: тамъ, въ чащѣ вѣчно цвѣтущихъ розъ, гордо вздымается исполинскій рубинъ съ семьюдесятью залами, прорѣзанными въ драгоценномъ камнѣ ангелами... Въ каждомъ залѣ по семьдесятъ пышныхъ алькововъ и въ каждомъ изъ нихъ лежатъ дивно прекрасныя гуріи...

Прозрачная красота ихъ точенаго тѣла просвѣчиваетъ сквозь семьдесятъ одеждъ изъ чудесныхъ аэировъ, окутывающихъ стройныя формы, точно тучки луну.

Гассанъ вздохнулъ.

Прекрасны эти гуріи, но онъ, Гассанъ, не хочетъ ихъ.

Къ чорту гуріи, всё онѣ не стоятъ Ніары. Умереть геройской смертью для того, чтобы получить райскій гаремъ гурій и потерять одну Ніару.

Ни за что.

* * *

По откосамъ ущелья, раздвигающагося у моря, разбросалось стадо. Овчарки лѣниво перебѣгаютъ съ мѣста на мѣсто, окидывая инспекторскимъ взглядомъ овецъ. Гассанъ спѣшитъ къ Гафизу. Взабирается по крутому обрыву къ заброшенной тропинкѣ и останавливается, удивленный: впереди ковыляетъ, перебирая четки, самъ важный имамъ

Бели-Ага, главный мулла аула и знаменитый знатокъ Корана. Гассанъ отъ неожиданности теряется. Къ Гафизу никогда не заглядывалъ ни одинъ духовникъ. Муллы считаютъ его вѣроотступникомъ, безумнымъ еретикомъ, поклоняющимся статуѣ. И вдругъ самъ Вели-Ага идетъ къ Гафизу; вѣдь, по этой тропинкѣ больше некуда идти. Неужели Гафизъ приметъ его? И покажетъ Ниару?

— Селямъ алейкумъ, Вели-Эфенди,—безшумно догнавъ муллу, привѣтствуетъ его Гассанъ.

— Алейкумъ селямъ,—вздрагивая и обернувшись, отвѣчаетъ мулла. Окидываетъ пастуха пытливымъ взглядомъ и спрашиваетъ:

— Куда идешь? И на кого оставилъ овецъ?

— Иду къ дѣдушкѣ Гафизу; сыръ несу, а за овцами Аллахъ присмотритъ и научитъ собакъ, какъ охранять овецъ отъ злыхъ душъ,—бойко отвѣчаетъ Гассанъ.

Мулла поправляетъ сползающую съ бритой головы на лобъ бѣлую чалму и, трясая острымъ, очень похожимъ на козла Падишаха лицомъ, сообщаетъ Гассану, словно оправдываясь передъ нимъ:

— Рѣшилъ зайти къ старому Гафизу, посмотрѣть его нечистаго идола. Напомню ему слово пророка... Можетъ, опомнится Гафизъ... Жалко его, хорошій онъ былъ мусульманинъ, пока его не попуталъ Иблисъ, князь шайтановъ.

— А ты развѣ зналъ Гафиза прежде? — живо спросилъ пастухъ.

Мулла протяжно вздохнулъ; досталъ изъ кармана кисеть, глиняную трубку съ черешневымъ чубукомъ и, набивая табакъ, заговорилъ:

— Съ Гафизомъ мы ровесники... Вмѣстѣ въ медресѣ учились и софтами были. Говорили наши имамы, что изъ Гафиза великій ученый выйдетъ. Вышелъ бы, будь на то воля Аллаха, не подвернись Ниара.

— Ніара? — тревожно вскрикиваетъ Гассанъ, жадно ловившій каждое слово муллы.

— Да, сынъ мой, Ніара, жена покойнаго богача Мансурова. Красоты она была нездѣшной... Такія, должно-быть, гуріи рая. Ну, потомъ произошло это самое. Любовь, убійство...

— Знаю, знаю, — взволнованно выкрикнулъ Гассанъ.

— Ну, потомъ, послѣ оправданія, Гафизъ съ Ніарой исчезли. Говорили, что встрѣчали Гафиза въ Турціи и еще въ какой-то далекой-далекой странѣ у невѣрныхъ франковъ. Гафизъ тамъ научился грѣховному мастерству и сталъ вырѣзывать изъ камня статуи людей. Нѣсколько лѣтъ назадъ Гафизъ пріѣхалъ сюда одинъ, безъ Ніары. Куда дѣлась красавица, — никто не знаетъ. Гафизъ поселился здѣсь въ старой, заброшенной часовнѣ гауровъ-генуэзцевъ, которые давно-давно ушли отсюда, прогнанные нашими предками. Слышалъ я, что Гафизъ измѣнилъ вѣрѣ, вытесалъ изъ камня статую, похожую на Ніару и молится ей. Самъ не видѣлъ... Вѣдь я сегодня впервые иду къ нему.

— Ты сейчасъ увидишь его и Ніару! — крикнулъ Гассанъ, указалъ рукой на сѣрую, изъ крупныхъ глыбъ сложенную часовенку безъ креста; оставивъ муллу, вприпрыжку побѣжалъ Гассанъ и скрылся за ветхой дубовой дверью часовни. Кряхтя, полпелся вслѣдъ за нимъ мулла Вели-Ага.

* * *

Солнце глядитъ внутрь часовни сквозь круглые синіе очки, — оба окна застеклены плотнымъ синимъ хрусталемъ, и сводчатая, восьмиугольная комната кажется выкованной изъ кусковъ неба. На выложенномъ тесанымъ гранитомъ полу, въ

углу. передъ небольшимъ, чернаго дуба притворомъ смирскаго коврика, передъ нимъ развернутая желтолистная книга съ выцвѣтшими письменами и оплывшая сальная свѣча, воткнутая въ бутылку. Больше въ комнатѣ нѣтъ ничего. На филонкахъ притвора, сине-озаренныя, еле замѣчаются лица святыхъ, истертая временемъ, руками добрыхъ людей, засиженныя мухами.

Мулла Вели окидываетъ глазами комнату, кряхтитъ, кашляетъ, — отвѣта нѣтъ.

— Гассанъ! — дрожаще скрипитъ голосъ муллы и гулко пробѣгаетъ по каменнымъ стѣнамъ.

— Иди сюда! — звенитъ призывно изъ-за притвора

Мулла нерѣшительно тянется къ маленькой дверцѣ, распаиваетъ и входитъ въ алтарь. Здѣсь два круглыхъ, какъ два глаза, окна, но хрусталь красный, и крохотный алтарь кажется очагомъ камина. Мулла глядитъ и пяится, невольно поднимая руки къ глазамъ, отгоняя навождевіе. На него надвигается розоватая въ тонкомъ покрывалѣ женщина со скрещенными руками, съ ладонями, упирающимися въ щеки. Окрашенный свѣтомъ алаго хрусталя, мраморъ живетъ, кажется теплымъ и трепетнымъ. Мулла чувствуетъ колыханіе подъ мраморной тканью упругой юной груди, дрожаніе округленнаго плеча, слышитъ учащенное біеніе сердца. Онъ не сознаетъ, что эта дрожь — дрожь его взгляда, трепеть его тѣла, стукъ его сердца. Мулла поднимаетъ глаза на лицо женщины и вздрагиваетъ, мелко, порывисто дышитъ: онъ знаетъ это лицо, это лицо Ніары.

— Ніара! — неожиданно для себя вслухъ произноситъ мулла.

Чей-то стонъ вырывается изъ глухой тиши подъ синимъ окномъ изъ ниши, заставленной ста-

туей. Мулла дѣлаетъ шагъ и застываетъ. За спиной статуи на каменной лужайкѣ ниши, сидятъ Гассанъ и Гафизъ. Мулла сразу узнаетъ Гафиза: такой же крѣпкій, какъ и тридцать лѣтъ назадъ, только борода посѣдѣла и разрослась, да пряди волосъ, изжелта-бѣлыхъ, напоминаютъ о времени. Сѣрые, расширенные подъ косматыми сѣдыми бровями глаза устремлены и какъ бы прикованы къ головѣ статуи. Мулла глядитъ и вдругъ вскрикиваетъ и опирается рукой о стѣну, чтобы укрѣпить сгибающіяся колѣни. У статуи нѣтъ лица, если смотрѣть сбоку. Это мраморный скелетъ, спереди покрытый тонкимъ мраморнымъ же одѣяломъ. Руки скелега задрапированнымъ плащомъ, держатъ передъ черепомъ маску: прекрасную, тонко изваянную маску, изображающую чудное лицо. Изъ камня гениальной рукой изваяно благородное лицо, такъ напоминающее лицо красавицы Ніары, а подъ маской, нѣсколько откинутой назадъ, отвратительный черепъ съ зіяющими провалами рта, ушныхъ и глазныхъ впадинъ.

— Смотришь, Вели?— звучитъ тихій глубокій, какъ эхо колодца, голосъ и на плечо муллы ложится старческая сухая рука неслышно приблизившагося Гафиза. — Смотри, мулла, смотри. Это не Ніара, это наша жизнь, это та сила, которая въ насъ, то, что мы называемъ надеждой. Когда мы вѣримъ и надѣемся, мы видимъ передъ собой эту волшебную маску, а потомъ...

Гафизъ опускаетъ голову, уронивъ мелькнувшую въ углахъ губъ усмѣшку и, закрывъ глаза, полуговорить, полувздыхаетъ:

— Потомъ только мы замѣчаемъ то, чего не хотимъ видѣть. Ступай, Вели, домой. Ты увидѣлъ душу мою, ты увидѣлъ душу вѣры твоей, теперь ступай...

Невѣрными, колеблющимися шагами напра-

вляется мулла къ выходу, останавливается въ дверяхъ алтаря; обернувшись, вливается восторженными глазами въ лицо маски, въ капризно прорѣзанныя губы.

— И еще глядишь, мулла, — ѣдкой горечью звучитъ вновь голосъ Гафиза, — глядишь и любишь даже теперь, когда знаешь, что предъ тобой скелеть... Ничего, гляди. Я тридцать лѣтъ жду ея, знаю, что не придетъ, и все-таки надѣюсь: а можетъ-быть... Ступай, мулла.

Мулла выходитъ на воздухъ и долго стоитъ, прижавъ руки къ щекамъ. Подходить Гассанъ и они бредутъ внизъ. Гассанъ — къ своему стаду, мулла — въ свое медреса. Идутъ и молчатъ.

— Какъ хорошо, погляди, аффеңди, какіе цвѣты, какъ играетъ море. — нарушаетъ молчаніе Гассанъ. — Какое доброе небо!

Мулла прислушивается къ хору птичьихъ голосовъ въ густыхъ заросляхъ орѣшника и, насупивъ брови, сурово бормочетъ:

— Нѣтъ добра въ мірѣ, изъ котораго ушелъ Пророкъ.

— А Ніара? — спрашиваетъ пастухъ.

— Ніара — красота земли. Гляди ей въ лицо прямо и увидишь красивое. На небо нужно глядѣть снизу; на море — только сверху. Если дерзнешь оглянуть океанъ, опустившись на дно, — захлебнешься и погибнешь.

Мулла переводитъ дыханіе; поправляетъ осѣвшую на лобъ чалму и, глядя на ноги Гассана, раздумчиво говоритъ:

— Вотъ, сынъ мой, сейчасъ по всему міру льется кровь. Говорятъ десять царствъ — заливаютъ кровь пересохшее русло рѣки смерти. Султанъ закликаетъ сыновъ Ислама именемъ Пророка, призываетъ ихъ биться во имя Аллаха. И другіе дерутся во имя Бога правды и не знаютъ, что ихъ

правда—статуя скелета съ прекрасной маской,— ускользящая Ніара мудраго безумца Гафива. Когда будутъ перебиты юноши всего свѣта, тогда Ніара сниметъ маску, и дѣти погибшихъ узнаютъ все; они узрятъ скелетъ Истины, изъ-за маски которой гибли ихъ слѣпые отцы.

Гассанъ пристально вглядывается въ заросли черемухи, густо оплетенныя темнолистной лозой ежевики, красно расцвѣченной гроздьями яркихъ, незрѣлыхъ ягодъ.

— Погляди, вонъ спѣлыя!—радостно кричитъ пастухъ и срываясь, отбиваясь ногами отъ цѣпкихъ, колючихъ стеблей, карабкается по скользящему откосу и рветъ скромно притаившіяся сочныя, черныя ягоды.

— Хочешь?—спрашиваетъ мулла и, не дожидаясь отвѣта, набиваетъ ротъ ежевикой. Густой малиновый сокъ раздавленныхъ ягодъ ползетъ къ концамъ губъ; густая капля ложится на подбородокъ, и брызжетъ темнокрасная муть изъ зажатыхъ пальцевъ руки.

Мулла укоризненно глядитъ на добродушное, радостное лицо пастуха, но, неожиданно для себя, улыбается. Война, суета міра, маска Ніары—все это плоды осени, это накипь жизни, осень мысли, а вѣдь Гассанъ—улыбка весны, неокрѣпшій подсиѣжникъ Аллаха, радующійся лѣтнему солнцу жизни. Ежевика занимаетъ его больше, чѣмъ мировая война.. Вонъ онъ насторожился, прислушивается и, метнувшись къ кустамъ, нагибается и торжествуя, сіяющій, подталкивалъ ногой вдувавшегося пыхтящаго ежа. Мулла машетъ рукой, смѣется и, взглянувъ вверхъ, видитъ улыбку неба.

— Аллахъ смѣется,—шепчетъ мулла лоя глазами запрыгавшіе по чащѣ легкіе, свѣтлые лучи разыгравшаго солнца.

Валерій Язвickий.

ВСТРЪЧА.

„ВСТРѢЧА“.

(Разсказъ).

... И роковое ихъ сляніе.
И поединокъ роковой.
Ө. Тютчевъ.

Алексѣй Павловичъ тоскливо ходилъ по пароходной палубѣ. Несмотря на растянутые брезенты, солнце калило до духоты. Глазамъ было больно отъ нестерпимаго сверканія воды. На перилахъ вытапливалась смола, и ея крѣпкій запахъ казался страннымъ, несовмѣстимымъ съ гладкой блестящей палубой,—хотѣлось въ боръ, хотѣлось, чтобы подъ ногами мягко хрустѣли сухія иглы.

Алексѣй Павловичъ подошелъ къ борту и потрогалъ пальцемъ янтарную капельку, — отъ нея потянулись тонкіе золотистые волосики.

Какъ-то безпричинно сдѣлалось грустно, вспомнилась одинокая жизнь въ деревнѣ, больница, больные... Мелькнулъ передъ глазами Петровский, встрѣтившійся въ городѣ...

— Этотъ сумѣлъ устроиться, — усмѣхнулся Алексѣй Павловичъ, — не то, что мы — земскіе врачи..

Замелькали въ головѣ еще какіе-то отрывки воспоминаній, и, наконецъ, какъ изъ тумана, выплыло блѣдное, блѣдное лицо, съ большими темными глазами, и красиво очерченныя губы, такія необычно яркія...

Онъ глубоко вздохнулъ, и стало еще грустнѣе.

— Неужели она сегодня не выйдетъ?

Будто погружаясь въ безмолвную бездну, смотрѣлъ онъ широко открытыми глазами на тонкія золотыя ниточки, — не хотѣлось отъ нихъ отрывать взора...

Громко пискнула чайка, сверкнувъ близко-близко около него бѣлыми крыльями,—онъ вздрогнулъ и улыбнулся.

— Кушать захотѣла?—спросилъ онъ вполголоса, и снова истома отуманила мысли. Полусонъ, полугрезы окружили его...

Будто паруса, плывутъ въ небѣ бѣлыя облака, вода сверкаетъ и плещетъ...

Онъ и чайки,—ихъ стало много,—плывутъ вмѣстѣ съ облаками въ синюю даль...

Въ воздухѣ замелькали бѣленькіе комочки.

— Это хлѣбъ, — машинально соображалъ Алексѣй Павловичъ,—кто-то кормить чаекъ...

Съ усилиемъ повернулъ голову. Слева отъ него стояла высокая стройная женщина.

Сразу узналъ ее.

Она улыбнулась.

— Какъ вы незамѣтно подошли,—сказалъ онъ, чувствуя, что вся грудь его полна радости.

— О чемъ такъ задумались?

— Ни о чемъ... Странно,—я думалъ, но, право, не знаю о чемъ...

— У меня тоже бываетъ...

Она что-то хотѣла еще добавить, но вдругъ смолкла и снова стала бросать чайкамъ кусочки хлѣба.

— Смотрите, какъ онѣ ловко хватаютъ на воздухѣ...

Алексѣй Павловичъ заглянулъ ей въ глаза и, какъ всякій разъ, его сердце сжалось отъ сладкаго холодка. Ему почудилось, что золотистыя паутинки потянулись изъ-подъ милыхъ рѣсницъ и окутали сердце.

Вечеромъ они вмѣстѣ пили чай на палубѣ, любовались закатомъ, легко и весело болтали.

Оказывается, они прожили нѣсколько недѣль въ одномъ и томъ же городѣ, не предполагая даже о существованіи другъ-друга.

— Но вы мнѣ показались такой знакомой, давно знакомой,—произнесъ Алексѣй Павловичъ замедленнымъ голосомъ.

— Да?

Она закрыла рукой глаза.

— Что съ вами?

Голова закружилась.

— Хотите холодной воды? Лимона?

— Нѣтъ, нѣтъ... Merci. Прошло... Въ жизни все такъ нелѣпо, все не такъ! — заговорила она нервно,—о, какъ жестоко обманываетъ жизнь! Она дѣлаетъ человѣка рабомъ, рабомъ другого, особенно насъ, женщинъ... Я, вѣдь, замужемъ—прямо изъ института...

Голосъ сорвался, но она сейчасъ же овладѣла собой и засмѣялась:

— Нервничая! Вы, кажется, завтра будете дома?

Онъ молча кивнулъ головой и закурилъ папиросу, посмотрѣлъ на бѣгущій берегъ и подумалъ, что завтра онъ слѣзетъ въ своихъ Пенкахъ и никогда, можетъ-быть, не увидитъ этой женщины. И жизнь ему показалась такой скучной, монотонной...

— Да,—сказалъ онъ со вздохомъ,—скоро намъ въ разныя стороны.

Она ничего не отвѣтила, только чуть замѣтная линия прошла около губъ.

— „Такъ жизнь молодая проходитъ безслѣдно“,—пропѣла она, помолчавъ, и опять засмѣялась.

Медленно гасли закатныя краски, вѣяло свѣжестью. Окрикивая другъ-друга, матросы свертывали брезентъ надъ палубой. Снизу тянулася тоскливая татарская пѣсня.

— Такъ жизнь молодая проходитъ безслѣдно,— повторилъ Алексѣй Павловичъ, — пожалуй, это вѣрно...

Она молчала.

— Знаете, Марія Константиновна,—продолжалъ онъ,—когда я увидѣлъ васъ, то инстинктивно понималъ, что вы бесконечно грустны, что горькое, тяжелое у васъ на сердцѣ...

— Если бы мнѣ сказали, что сейчасъ умру,—тихимъ измѣнившимся голосомъ произнесла Марія Константиновна,—то я была бы готова.

И быстро, какъ бы желая замаять откровенную фразу, заговорила о дѣтяхъ, о своемъ долгѣ передъ ними, о необходимости жертвы...

Алексѣй Павловичъ слушалъ и чувствовалъ какъ все ближе и дороже становится ему эта женщина съ улыбкой на яркихъ губахъ и съ разбитой душой... Радостно ощущалъ онъ, что между ними росла невидимая связь. Они говорили случайныя слова, но тонъ, но глаза говорили больше, чѣмъ слова всего человѣчества. И эти непроизносимыя слова творили сказку. При нихъ по-особенному таинственно и тихо мерцали звѣзды, по-особому шумѣлъ пароходъ,—все перевоплощалось, все становилось близкимъ сердцу и ласкало душу...

Палуба понемногу опустѣла. Они остались одни.

— Я живу въ деревнѣ,—говорилъ Алексѣй Павловичъ,—часто ѣзжу на пункты, иногда ночью... И вотъ случается, когда небо сплошь обложено тучами, черный мракъ закрываетъ весь мѣръ,—вдругъ гдѣ-то далеко, надъ лѣсомъ, вспыхнетъ зарница и освѣтитъ извилистую рѣчку, бѣлую церковь, избы, мостъ, дорогу... Мгновенье, и снова мракъ поглотитъ весь мѣръ. Но сердце долго дрожитъ какимъ-то неопредѣленнымъ чувствомъ, жадно

ждеть новой вспышки. И кажется тогда, что вся жизнь—это цѣпь такихъ вспышекъ среди вѣчной ночи...

Алексѣй Павловичъ чувствовалъ, какъ звенить его голосъ, какъ ширится грудь. Ему чудилось, что и въ его жизни вдругъ затрепетали золотыя крылья зарницы, что счастье вотъ-вотъ засверкаетъ въ огняхъ, ослѣпляя его своимъ блескомъ... О, какъ ему хотѣлось, чтобы эта дорогая женщина нѣжно коснулась его, уняла бы то сладкое томленіе, что растеть и растеть въ сердцѣ, душисть своимъ объятіемъ...

Онъ хотѣлъ сказать ей, но слова замирали...

— Пусть, если мы, дѣйствительно, нашли другъ друга,—думалъ онъ,—пусть она дастъ мнѣ знакъ, она сама...

Онъ взглянулъ на Марію Константиновну.

Она сжалась и замкнулась, будто потонула въ задумчивой дымкѣ. Ея тонкіе пальцы медленно перебирали уголь салфетки, будто ласкали кого-то. И вся она была нѣжная, грустная, съ опущенными глазами...

И вдругъ въ этотъ моментъ онъ радостно и неожиданно для себя понялъ, что она любитъ, что она стала уже его. Въ груди у него замерло, мелкая дрожь побѣжала по тѣлу, губы высохли... И, самъ удивляясь своей дерзости, онъ тихо положилъ руку на ея бѣлые пальцы. Онъ видѣлъ, какъ дрогнули ея рѣсницы, какъ заволновалась высокая грудь, качая кружева, чувствовалъ теплоту и нѣжность ея кожи. Она не отнимала своей руки. Не помня себя, онъ обвилъ безумными руками упругое несопротивляющееся тѣло, прижалъ къ себѣ, приникая жадными губами къ холоднымъ щекамъ, теплой шеѣ и сливаясь съ ея устами...

Закрывъ глаза, она замерла въ его объятіяхъ.

Но вдругъ рѣзко и грубо оттолкнула и встала. Большіе потемнѣвшіе глаза прожгли его такой ненавистью, что все опьянѣніе слетѣло.

— Что съ вами?—спросилъ онъ испуганно.

— Оставьте меня! Это нечестно, это подло,—проговорила она громкимъ, прерывающимся шопотомъ и ушла, блѣдная, съ дрожащими губами...

— Боже, что я сдѣлалъ?! Что я сдѣлалъ?!—думалъ Алексѣй Павловичъ.

Сердце его сжалось, будто онъ потерялъ все въ мірѣ.

— Но почему нечестно?!.. — вскрикнулъ онъ вполголоса.

Хотѣлось бѣжать за ней, доказывать, что любовь снимаетъ всѣ запреты, что для любви нѣтъ правилъ, нѣтъ законовъ,—она всемогуща, она свободна... Ему не была обидной ея рѣзкость,—вѣдь она его любитъ. Но онъ не могъ понять, какъ это случилось, что въ теченіе двухъ какихъ нибудь дней онъ полюбилъ до безумія, до потери самообладанія эту загадочную блѣдную женщину. Минутами ему казалось, что это все мелькнуло во снѣ, что въ жизни это не такъ, и грудь его ныла тоской.

Молча, чувствуя себя разбитымъ, ходилъ онъ по палубѣ. Прошелъ нѣсколько разъ мимо открытаго окна ея каюты, но тамъ было темно.

— Что съ ней, — думалъ онъ,—дорогая моя, милая...

Съ рѣки вѣяло влагой, ласково теплились звѣздочки, пароходъ горѣлъ огнями, и отъ него по водѣ бѣжали золотыя чешуйки, гоняясь другъ за другомъ.

Алексѣй Павловичъ пошелъ на корму и, забившись въ темный уголь, сталъ думать о ней. И почему-то представлялось, что она теперь ле-

жить въ темной каютѣ, одинокая, несчастная, и плачетъ, плачетъ томительно, безысходно, какъ осенній дождь.

— Бѣдная, милая,—шепталь онъ, а сердце ныло, къ горлу подкатывались слезы...

Хотѣлось нѣжно-нѣжно приласкать ее, приглубить, какъ ребенка...

Ярче и ярче алѣла надъ безконечнымъ просторомъ лѣтняя заря. Луга дымились, вѣяли свѣжестью зелени и цвѣтовъ. Отъ тумана усы и борода Алексѣя Павловича покрылись влагой. сырой холодокъ пошелъ дрожью по всему тѣлу.

Онъ поднялся со скамьи.

Послѣ безсонной ночи его качало, въ ухахъ стоялъ шумъ. Медленно направился въ свою каюту, заглянулъ въ ея окно. Сердце упало, — она стоитъ, какъ изваяніе, еще блѣднѣе на разсвѣтѣ, чѣмъ днемъ.

Подошелъ къ ней. Она въ томъ же платьѣ, она не спала...

— Марія Константиновна...

Она вздрогнула, и онъ увидѣлъ на ея длинныхъ рѣсницахъ слезы, губы ея болѣзненно искривились.

— Дорогая моя, — сказалъ вполголоса, наклонился къ ней.

Она быстро охватила его руками и такъ тепло, такъ глубоко поцѣловала его, будто огонь влила въ жилы...

— Прости меня, прости,—шепнула она.

Окно стукнуло и опустилось, прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться...

— Да, да! Она любитъ, она любитъ тебя!—радостно пѣло его сердце, но тоска уже подползала откуда-то. Онъ долго ходилъ по палубѣ и думалъ.

Онъ только что пропустилъ свою пристань, давъ телеграмму о продолженіи отпуска по болѣзни, чтобы поѣхать за ней, чтобы взять отъ жизни то, что дается случайно, что не бываетъ дважды...

— Но зачѣмъ она такъ дѣлаетъ, зачѣмъ такъ меня мучаетъ,—тянулось въ его мысляхъ,—будто дразнить, кокетничаетъ?..

Глухо копошилась обида, моментально хотѣлось подавить свое чувство, рѣзко разорвать съ этой женщиной, пока еще можно. Но глупое сердце ни о чемъ не думало,—оно билось сильнѣй и сильнѣй, обливаясь горячею кровью, и Алексѣя Павловича тянуло къ окну, тянуло къ милой, странной женщиной...

Прошло два часа.

Волнуясь и сердясь на себя, постучалъ онъ къ ней.

Она не отвѣчала.

Дрожащими пальцами побарабанилъ еще по холодному влажному стеклу, задернутому занавѣской. Онъ чувствовалъ, какъ въ вискахъ его билась кровь, мысли путались и, вмѣстѣ съ тѣмъ, смутное, но жгучее оскорбленіе копошилось въ груди.

— Мнѣ нужно сказать вамъ... Откройте окно!

Молчаніе.

Она, конечно, слышала. Вотъ стукнула чѣмъ-то, занавѣска нерѣшительно колыхнулась...

— Дорогая... Надо рѣшить, надо...

Мимо прошелъ вахтенный мѣтросъ и усмѣхнулся.

Кровь ударила въ лицо Алексѣя Павловича.

— Теперь или никогда!—подумалъ онъ,—но я не хочу быть нищимъ! Я люблю, какъ равный..

Онъ быстро вошелъ въ корридоръ и остановился у ея каюты.

Постучалъ.

Рѣзкій шорохъ платья... Щелкнулъ замокъ.

Алексѣй Павловичъ почувствовалъ, какъ блѣднѣеть, руки опускаются.

— Значить, никогда!

Онъ постоялъ немного.

— Знаешь ли ты, что сдѣлала!—шепталъ онъ.

Трепщина прошла по его сердцу, а разъ она прошла, онъ зналъ, что не перешагнетъ ея. О, онъ настолько силенъ и гордъ, что не сможетъ просить милостыни...

Шатаясь, вошелъ онъ въ свою каюту и сталъ увязывать вещи.

— Пусть никогда не увидимся больше,—кипѣло въ его сердце, пусть! Но я не хочу больше, не хочу! Довольно ломаться и играть комедию...

Злобная радость охватила его, вѣдь она думаетъ, что побѣдила, превратила въ раба. Развѣ она любитъ? Ей просто забавно, льститъ самолюбію... Чѣтъ, нѣтъ, онъ будетъ твердъ. Если позовутъ его, онъ и тогда не пойдетъ къ ней...

Онъ позвалъ матроса.

— Какая сейчасъ пристань?

— Макарово.

— Я схожу здѣсь, перенесите вещи...

Алексѣй Павловичъ слушалъ, какъ рѣшительно, даже жестко звучалъ его голосъ, и ему казалось, что какимъ-то непонятнымъ путемъ это должно причинить ей боль. Но когда загудѣлъ свистокъ, и матросъ взялъ его вещи, холодъ вошелъ въ его грудь...

— Вѣдь она любитъ тебя,—слабо затрепетало гдѣ-то въ глубинѣ сердца.

Проходя мимо ея двери, онъ остановился.

— Послѣдній разъ,—подумалъ онъ и, нарушая свое рѣшеніе, стукнулъ въ дверь.

— Прощайте! Я схожу на берегъ!...

Онъ подождать и сказалъ громче:

— Прощайте!

И больной надорванный голосъ отвѣтилъ чуть слышно:

— Прощайте.

— Отоприте... Выйдите ко мнѣ!... Дорогая, отоприте! Я останусь тогда, я поѣду съ вами!...

— Нѣтъ, прощайте...

Его челюсти дрожали, все тѣло билось въ лихорадкѣ, когда онъ стоялъ на пристани и смотрѣлъ, какъ убирали сходни, какъ снимали причалы...

Еще моментъ,—и все кончено.

Сейчасъ третій свистокъ.

Ея нѣтъ.

Зашипѣлъ паръ, оглушая свистомъ.

Алексѣй Павловичъ жадно смотрѣлъ на палубу.

— Вотъ, вотъ она!

Она тревожно ищетъ. Нашла. Кричить что-то, не слышно...

Паръ закрыли, и до него долетѣли рыданія:

— Вернись, вернись, дорогой мой!...

Какъ острый ножъ, прошли они по его сердцу, онъ хотѣлъ прыгнуть назадъ на пароходъ, но что то удержало его...

Вотъ блеснула полоса воды, и медленно ширится между ними...

Какъ окаменѣлый стоитъ онъ и смотреть съ улыбкой на ея дрожащія отъ рыданій плечи.

— Отдай кормовую!

— Есть!

— Впередъ!...

Колеса залѣнили воду, протяжный свистокъ воплемъ прорѣзалъ воздухъ.

Алексѣй Павловичъ схватился руками за голову и, вбѣжавъ въ пустую каюту „конторки“, зарыдалъ отъ безсильнаго бѣшенства, отъ безумнаго горя...

Прив-доц. А. СИДОРОВЪ
Современный танецъ.

Современный танецъ.

I: Айседора Дунканъ.

Всякій перекрестокъ обычно можетъ открыть великолѣпныя перспективы путей пройденныхъ и предстоящихъ. Переживаемое нами историческое небывалое перепутье со всею остротою подняло проблемы нашего художественнаго „вчера“: что изъ того, что было, войдетъ въ завтрашній день? Къ неизбѣжной ретроспективности влечетъ происходящее. И даже помимо подведения итоговъ, занятія порою слишкомъ преждевременнаго, не должны ли мы всегда помнить великую роль искусствъ въ строительствѣ новой жизни и новаго человѣка? Но вотъ именно здѣсь особо насущно и настойчиво выдвигаются на первый планъ проблемы, связанныя съ искусствомъ, всего тѣснѣе и ближе соприкасающимся съ человѣкомъ: проблемы танца. Искусство, которое было до сихъ поръ поистинѣ милой Сандрильоной среди другихъ, и въ то же время, которое никогда не было столь нужно людямъ. Недаромъ Сократъ считалъ танецъ лучшимъ средствомъ достигъ эллинскаго идеала внутренней и внѣшней гармонической красоты. Недаромъ Платонъ въ „Республикѣ“ требуетъ систематическаго развитія тѣла и его движенія, прежде чѣмъ думать объ образованіи духа. Наиболѣе цѣлесообразнымъ и прекраснымъ средствомъ для достиженія этой цѣли и былъ для него танецъ. Онъ „дарованъ Музами, чтобы онъ помогъ привести въ порядокъ чуждыя харитамъ движенія нашего сердца“. Въ Утопіи назначаются государственныя премии и поощренія лучшимъ танцамъ. И если будущее объ

этомъ не вспомнить, то кажется, что недавнее прошлое это имѣло постоянно въ виду; танецъ никогда не достигалъ такого изумительнаго разнообразія; можно сказать, что именно въ этой области современное художественное творчество и создало новыя, небывалыя раньше, цѣнности, тогда какъ въ живописи, на примѣръ, иныя теченія являются все же только крайней лѣвой давно существовавшей традиціи. Въ современныя исканія новаго танца, новаго по самому существу, вложена сумма творческой энергии, которая способна перевѣсить какое-угодно изъ смежныхъ искусствъ. Единственное, что не пропадаетъ въ искусствѣ,—это вѣдь все же творческое чудо его созданія. Танецъ долго считался эфемернымъ и слишкомъ мгновеннымъ, но надпись на могилѣ Вилигисъ: „она танцевала, она нравилась“ не безъ мертвыхъ ли всѣхъ рукотворныхъ памятниковъ? Древняя легенда говоритъ, что разъ прощаясь свой кощунственный танецъ „отъ котораго Креститель потерялъ голову“, дочь Иродіады уже не можетъ остановиться въ своей пляскѣ, будетъ танцевать до смерти, послѣ смерти будетъ носиться ночнымъ привидѣніемъ „дикой охоты“—и за это „треть всѣхъ людей ей поклонится“.

И не кажется ли, что на наше художественное вчера дѣйствительно пала тѣнь Саломеи, отъ которой не спастись и нашему сегодня?

Изученіе проблемъ современнаго танца всего лучше начать въ историческомъ порядкѣ. Именно такъ можно охватить, какъ проблемы, расширяясь, углубляются, распространяются изъ рамокъ тѣснаго художественнаго круга на огромную—вселенскую—плоскость, приобретаютъ такое всеобъемлющее значеніе для строительства человѣческой жизни, что мы останавливаемся передъ ними въ недоумѣніи. Но одно остается; что современный

танецъ былъ, и что онъ былъ зачастую по-новому прекрасенъ.

Тему разсмотрѣннй, конечно, необходимо изначала сузить: иныя явленія современнаго танца по существу вѣдь только „Возрожденіе“ минувшихъ расцвѣтовъ: такъ, напримѣръ, нашъ балетъ, Дягилевъ и Фокинъ, возвращающійся къ Поверру; Нижинскій, „аэро-танцоръ“, какъ его прозвали въ Парижѣ, невольнo напоминающій Вестриса II, о которомъ его отецъ говорилъ, что „Огюстъ возвращается послѣ своего прыжка на землю, только, чтобы не пристыдить своихъ товарищей“. Проблемы новаго танца, конечно, отражены во всѣхъ его проявленіяхъ; но одно изъ нихъ центрально; и отправной точкой неизбѣжно становится искусство такъ называемаго „пластическаго“ танца, родоначальницей котораго была Айседора Дунканъ. Имя, которое облетѣло весь міръ; во всякомъ случаѣ вошедшее въ исторію; одно изъ немногочисленныхъ героическихъ именъ начала двадцатаго вѣка. Имя, создавшее цѣлую своеобразную литературу; искусство, которое до конца недоступно, быть-можетъ, объективной критикѣ,—но разсмотрѣніе котораго необходимо въ началѣ изслѣдованія, подобнаго нашему.

Айседора Дунканъ (конечно, „Айседора Дѣнкенъ“, или уже тогда „Изадора Дунканъ“, хотя мы и пишемъ „Обри Вердслей“) безъ сомнѣнія заслуживаетъ особой специальной монографіи, которая, быть-можетъ, и будетъ когда-нибудь написана. Ея біографія крайне мало извѣстна. Сообщаемый проф. Зѣлинскимъ годъ ея рожденія (1883) молодитъ ее лѣтъ на 10. Ея происхожденіе—американско-калифорнійское—быть-можетъ перепутано съ біографіей одной изъ младшихъ ея соперницъ, Модъ Алланъ. Ея семья—католическая, вышедшая

изъ Ирландіи. Важна ея англо-саксонская кровь. Глубоко значительно, что въ твореніи новаго танца принимаютъ главное участіе англо-саксонская и славянская расы, съ сильной примѣсью германской и еврейской крови и съ полнымъ почти отсутствіемъ крови латинской, которая вѣдь давала лучшихъ балеринъ 19 вѣка. Дѣятельность Айседоры Дунканъ падаетъ на первыя двѣнадцать лѣтъ 20 вѣка; она уже кончена; она, быть-можетъ, превзойдена; и говоря объ ея искусствѣ, мы тѣмъ самымъ говоримъ о первой фазѣ современнаго танца; хотя можно ли вообще выдѣлять въ немъ временныя фазы?

Историческую роль Айседоры Дунканъ позволительно, быть-можетъ, сопоставить съ ролью великаго родоначальника импрессионистической живописи, Эдуара Манэ. И Дунканъ, какъ Манэ, всего прежде одушевлена быть-можетъ, „отрицательнымъ энтузіазмомъ“, духомъ протеста противъ общепринятыхъ формъ искусства, ознаменованнаго въ концѣ 19 вѣка значительнымъ упадкомъ. Когда нынѣ мы стараемся опредѣлить значеніе ея дѣятельности на основаніи руководившей ею „художественной воли“ (чтобы воспользоваться однимъ изъ любимыхъ терминовъ современной науки объ искусствѣ), то насъ поражаетъ значительная доля программной разсудочности, почти дидактичности, присущей всему ея творчеству. „Дунканъ—это уже не имя,—это программа“. Она принадлежитъ къ числу тѣхъ „мыслящихъ суетумудро“ о своемъ искусствѣ художниковъ, которымъ, можетъ-быть было бы лучше этого не дѣлать. Но какъ намъ осудить ее—возмечтавшую о великомъ и несбыточномъ? Мы не пишемъ критики или рецензіи на несовѣмъ удачное выступленіе; передъ нами стоитъ ея образъ, созданный ею самой, ибо задача искус-

ства танца и состоитъ, быть-можетъ въ запечатлѣннй образа танцующаго; и мы знаемъ, что понять и оцѣнить образъ этотъ мы сумѣемъ, только исходя отъ руководившихъ артисткой художественныхъ намѣреній.

Въ чемъ же были задачи ея искусства? Во всѣхъ, о немъ писавшихъ, мы отмѣчаемъ подчеркиваніе то одной, то другой его стороны. Русскіе критики обращали въ ея танцахъ преимущественное вниманіе на отношеніе танца къ музыкѣ, тогда какъ англо-саксонскіе—на возрожденіе въ ея искусствѣ классическаго античнаго танца, а германскіе—на пантомимическій элементъ. Здѣсь, во всякомъ случаѣ, мы имѣемъ три основныхъ проблемы, стоящія, конечно, въ тѣсной связи съ вопросомъ объ истинности искусства Дунканъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, всего новаго танца. Этого и необходимо коснуться вначалѣ.

Всего прежде, искусство Дунканъ хочетъ быть жизненнымъ, реалистическимъ, если понять этотъ терминъ въ его противоположности къ идеалистическому искусству академическаго балета. Балетъ 19 вѣка сталъ искусствомъ „красивыхъ позъ“, какъ его опредѣлялъ Теофиль Готье. Позъ, красивыхъ орнаментально, жестовъ, потерявшихъ значеніе; „ну, что означаетъ нога, поднятая параллельно горизонту?“. Дни дѣйствительнаго балета Новерра, Вигано, который танцевалъ Шекспира, и Дидло, который танцевалъ Расина минули. Элементъ „красивыхъ позъ“, конечно, остался въ пластикѣ Дунканъ; но основнымъ ея пафосомъ стало приближеніе танца къ жизни. Драгоцѣненъ ея рассказъ объ одномъ изъ первыхъ ея вдохновеній. Она стѣдила за веселой бѣготней маленькой дѣвочки на берегу моря. „Это было живымъ образцомъ, маленькая эта и красивая форма, вся бѣлая въ ея

вьющейся одеждѣ, на фонѣ моря, его вѣчнаго движенія. Я почувствовала толчекъ въ сердце, такъ мнѣ сдѣлалось яснымъ, что тотъ же ритмъ оживлялъ могучую жизнь океана и хрупкій танецъ ребенка. Море освѣщало, такимъ образомъ, великую проблему, надъ которой я работаю: вновь найти прекрасныя естественныя движенія человѣческаго тѣла. Почему танцевала здѣсь моя племянница? Потому что она чувствуетъ радость жизни, потому что легко пляшутъ волны, пляшутъ облака и вѣтеръ, потому что во всей природѣ разлитъ ритмъ танца. И тогда я стала думать“...

Такъ рождается, конечно, всякое искусство. Въ бессознательномъ, конечно, нѣтъ еще художества. Бѣготня племянницы Айседоры Дунканъ не была вѣдь еще танцемъ. Пляшутъ вѣдь птицы. Глубоко несправедливо сравненіе танцевъ Дунканъ съ извѣстной Гётевой максимой: „пою, какъ соловей поетъ“,—перефразируя, можно было бы сказать: „танцую, какъ журавль“: отъ древней Греціи сохранилось намъ названіе такого танца, изобрѣтеннаго Тезеемъ. Но подражательный танецъ ведетъ, въ сущности, всегда къ каррикатурѣ, какъ хотя бы довоенная сенсація Парижа и Нью-Йорка, „pas de l'ours“, танецъ сѣраго медвѣдя. Айседора Дунканъ подвергаетъ свои средства къ танцу тщательной обработкѣ. Говорятъ, она 20 лѣтъ училась своей technikѣ. Ея цѣль—найти основныя („прекрасныя естественныя“) движенія человѣческаго тѣла— снова становится параллельной исканіямъ великихъ мастеровъ новой живописи: Моне и Ванъ Гога въ ихъ поискахъ краски, Дегаса и Гогена въ ихъ исканіяхъ линіи, Сезанна и Матисса въ ихъ достиженіяхъ формы. Подчеркнуть это особенно важно: ибо и музыкальность, и пластичность Дункановыхъ танцевъ являются лишь средствами въ цѣли.

Объ этой музыкальности говорили (и спорили) особенно много. Танецъ Дунканъ опредѣляли какъ „мимическую иллюстрацію къ музыкѣ“; какъ „стремленіе жизни духа, сконцентрированную въ музыкѣ, ритмически воплотить въ подсказанныхъ фантазіей образахъ“. Въ Нью-Йоркѣ Айседора Дунканъ танцевала подь музыку Эдельберта Невина въ присутствіи композитора. Онъ былъ растроганъ до слезъ. „Я видѣлъ“, — сказалъ онъ ей, — „движенія, подобныя вашимъ, когда я сочинялъ пьесы, которыя вы только-что танцевали; видя васъ, я нахожу вновь мою первую экзальтацію. Это, конечно, — тотъ же духъ снизошелъ на насъ обоихъ“. Когда Дунканъ танцевала въ Байрейтѣ сцену изъ Тангейзера, вдова Вагнера сообщила ей, что въ его бумагахъ были найдены по поводу постановки сцены этой указанія, совсѣмъ совпадающія съ вдохновеніемъ ея танца. „Вагнеръ, который, какъ извѣстно, всегда видѣлъ жестъ во время писанія музыки, предугадалъ положенія (postures), которыя были мнѣ вдохновлены естественнымъ образомъ музыкой“, — говоритъ она.

Иллюстрація къ музыкѣ, т. е. воссозданіе переживаній слушателя, возможна, конечно, и не только въ танцѣ; превосходные графическіе тому примѣры мы находимъ у Бердслея и Ракхама. Иллюстрація можетъ быть, конечно, очень различна. Общій ея принципъ еще не общепризнанъ. Мы опредѣляемъ иллюстрацію какъ искусство, которое относится къ даннымъ другого искусства такъ, какъ это, первоначальное, иллюстрируемое искусство относится къ дѣйствительности. Иллюстрація получаетъ свое вдохновеніе изъ вторыхъ рукъ. Но это, безъ сомнѣнія, еще не все. Иллюстративный танецъ можетъ быть построенъ по символически-условному методу „соотвѣтствій“, — чтобы данной нотѣ обяза-

тельно соответствовало бы данное движение. Но и это не объяснить проблемы танца Айседоры Дунканъ. Въ звукахъ музыкальнаго произведенія она открываетъ предвѣчные ритмы, водившіе рукою творца. Она погружается въ музыку, какъ бы ныряя въ темныя глубины, и возстаетъ подобно Анадіоменѣ на другомъ берегу. Это не иллюстрація, а толкованіе или переводъ на другой языкъ. И какъ бы ни были прекрасны отдѣльныя достиженія,— нашъ основной вопросъ: нуждается ли въ этомъ музыка? Отдаваясь весь, танецъ какъ бы теряетъ самъ себя. Характерно, что болѣе позднія явленія новаго танца именно эту сторону искусства Дунканъ отвергаютъ особенно рѣшительно. Танецъ долженъ быть танцемъ. Полученныя ассоціативнымъ путемъ впечатлѣнія или настроенія отъ музыки не необходимо требуютъ танца. Связь танца съ музыкой мнится вовсе не обязательной.

Но Айседора Дунканъ, конечно, не можетъ быть понята во всемъ значеніи ея явленія съ точки зрѣнія этого вопроса музыкальныхъ толкованій. Определенно можно указать, что исторически болѣе цѣннымъ явился второй моментъ ея искусства— ея пластика. Своими учителями здѣсь она считаетъ античныхъ скульпторовъ. Она много и усердно изучаетъ древне-греческія вазы, статуи, рельефы. Ея основная предпосылка: что античная скульптура запечатлѣла съ фотографической точностью „прекрасныя естественныя движенія“ свободнаго тѣла; что ихъ возможно вполне воскресить, „вчувствовавшись“ въ эти пластическія изображенія, и только связавъ ихъ промежуточными, неизображенными движеніями. На это, конечно, можно замѣтить, что проблема движенія въ изобразительномъ искусствѣ пріобрѣтаетъ совсѣмъ особую окраску: вспомнимъ „летащій галопъ“. Античнаго

танца, какъ онъ былъ, Дунканъ нигдѣ и никогда не воспроизводитъ. У ученицъ ея всѣ опасности подобнаго пластическаго подхода особенно явственны. Танцовщица входитъ на сцену и становится въ позу какой-нибудь античной фигуры; потомъ дѣлаетъ нѣсколько движеній и становится въ позу другой статуи. Танецъ распадается на рядъ моментовъ, не одинаковыхъ по своей цѣнности, и остается все тѣмъ же „искусствомъ красивыхъ позъ“. Въ концѣ XVIII вѣка прекрасная леди Гамильтонъ, которой восхищался въ Неаполѣ Гёте, уже умѣла это дѣлать. Здѣсь танецъ жертвуетъ своей душою: движеніемъ. Античный танецъ былъ не таковъ. Было бы позволительно привести рассказъ изъ Ксенофонта:

„Теперь появился мизецъ съ круглымъ щитомъ въ каждой рукѣ, и танцевалъ то такъ, что казалось, будто онъ сражается съ двумя, то такъ, будто онъ идетъ лишь противъ одного; и все это онъ дѣлалъ подъ такты флейты... Также выступили и два фракійца, и танцевали вооруженный танецъ подъ флейту; они высоко и легко прыгали и махали мечами. Наконецъ, ударилъ одинъ другого, такъ, что всѣ думали, что онъ его убилъ но онъ нанесъ ударъ съ искусствомъ. На это (публика) подняла громкій крикъ одобренія. Послѣ того, какъ побѣдитель снялъ съ другого оружіе, онъ съ пѣніемъ покинулъ поле, а побѣжденнаго унесли будто мертваго, а онъ не получилъ никакого вреда“.— Танецъ здѣсь уступаетъ мѣсто пантомимѣ. Айседора Дунканъ и за нею вслѣдъ весь новый танецъ здѣсь новаго по существу не даютъ. Что художественная воля вела танцовщицу именно къ такому искусству, подтверждается и ея словами, сказанными ею со сцены во время ея послѣдняго посѣщенія Москвы въ 1912 году: „я хочу вернуть

танцу его мѣсто между музыкой и драмой“. Но пластическій танецъ остается только зрѣлищемъ; и языкъ скульптурныхъ формъ остается для насъ параллельнымъ явленіемъ тѣмъ красочнымъ вихрямъ, которые давала въ свое время создавшая серпантиннѣ американка Лои Фуллеръ, бывшая по указанію иныхъ учительницъ Дунканъ.

Но и здѣсь, бытъ-можетъ, не обращено достаточно вниманія на новое, на небывалое въ искусствѣ Дунканъ, на самое основное завоеваніе современнаго танца. Онъ принесъ съ собою новыя формы и новыя средства; и среди нихъ, конечно, самое значительное то освобожденіе тѣла, которое впервые такую вдохновенною проповѣдью прозвучало въ дѣятельности Дунканъ. Она танцуетъ безъ обуви. О такихъ танцахъ страннымъ образомъ мечталъ Ницше. Къ этому Дунканъ впервые подвело конечно античное искусство; но ея философія наготы гораздо глубже. „Я вѣрю въ религію красоты человѣческой ноги“,—отвѣтила она нѣкоей дамѣ, которая спросила ее, почему она танцуетъ босая. Въ своей извѣстной брошюрѣ о танцѣ будущаго, написанной, впрочемъ, очень наспѣхъ. Айседора Дунканъ даетъ манифестъ новой морали: „Человѣкъ будущаго вернется къ наготѣ“. Руководящая мысль въ общемъ очень проста. Во всякомъ искусствѣ есть формальныя стороны, въ которыхъ и скрыто главное очарованіе его дѣйствія: и, конечно, краскамъ въ живописи, мрамору въ скульптурѣ, слову въ поэзіи, соответствуетъ въ танцѣ тѣло. Вѣдь мы нашли бы нелѣпымъ, если бы актеръ, стремящійся выразить на своемъ лицѣ максимумъ мимическихъ переживаній, въ то же время скрывалъ его подъ маскою. Трико, прекрасная условность идеалистическаго балета, обладаетъ бесспорно своимъ очарованіемъ, отъ котораго Дун-

елись отворачивается какъ отъ неестественнаго. „Трико выдуманно евреями“, и во всякомъ случаѣ не раньше XVIII вѣка. Галантный вѣкъ разлагающей Франціи оставилъ намъ и другіе документы въ исторіи танца. „Танцовать можно ногами, но хорошо танцовать можно только руками“; съ этимъ интересно сопоставить патетическое видѣніе умирающаго рококо—Вестриса, танцующаго при спущенномъ занавѣсѣ, такъ, что публикѣ видны только его ноги. Но уже Тальма, великій революционеръ сцены, появляется въ настоящей римской туникѣ съ обнаженными руками. Бессія ноги Айседоры Дунканъ—одно изъ самыхъ цѣнныхъ завоеваній новейшаго искусства. Значеніе освобожденнаго тѣла въ танцѣ равно принципу чистыхъ красокъ у импрессионистовъ, и конечно идеаль Дунканъ логически заключенъ въ полвой и цѣломудренной наготѣ.—ибо танцуетъ вѣдь все тѣло. Вчерашній день завѣщаетъ здѣсь будущему драгоценную и высокую мечту. Сегодняшній день, очевидно, не умѣетъ вырваться изъ сѣтей „порнографіи“,—вотъ слово, которымъ надо было бы пользоваться осторожно!

Айседора Дунканъ покорила весь міръ. Но сколько терній, сколько васмишекъ,—и какое быстрое преодоленіе! Мы сознаемъ, что она отошла въ исторію, но сознаемъ это лишь для того, чтобы подчеркнуть дальнѣйшіе этапы искусства, которые у насъ совершенно почти неизвѣстны; искусство, которое идетъ зачастую вовсе не такъ прямолинейно по стопамъ его первой представительницы какъ это хотѣли бы представить иные. Проблемы поставлены: въ этомъ все значеніе Дунканъ; но кто скажетъ, что ея опѣ разрешены до конца? Въ Дунканъ было гораздо больше предчувствій, чѣмъ завершеній.

„Не это танцы“—и она... сдѣлала движеніе бедръ въ сторону, и затѣмъ, согнувъ въ колѣнѣ,—кверху. „И—не это“: согнула шею, повернула голову, подняла механически руку въ воздухъ. „А вотъ—это“,—и по некрасивому лицу ея разлилась нѣжная дѣтская улыбка, совершенно счастливая, а руки всплеснулись кверху“... Художникъ, конечно, не доказываетъ, а показываетъ. Первое дѣй-

ствие танцевъ Дунканъ на зрителя подобно удару грома. „Повѣрите ли мнѣ“,—пишетъ извѣстный англійскій критикъ Титтертонъ:—я задрожалъ отъ благоговѣнія. Однажды въ столѣтіе, въ десять столѣтій приходитъ Новая Идея, и здѣсь я былъ зрителемъ послѣдней родившейся. Въ этой идеѣ—

этомъ свободномъ, простомъ, счастливомъ, выразительномъ ритмическомъ движеніи—было соединено въ одномъ фокусѣ все, о чемъ я и сотни другихъ мечтали. Это было нашимъ символомъ—символомъ новаго искусства, новой литературы, новой національной политики, новой жизни“. Въ этомъ послѣднемъ „Что“ искусства развѣ нѣтъ высшаго оправданія всѣхъ вопросовъ? Некрасивая въ обычной жизни, но „одно очарованіе“ на сценѣ, Дунканъ становится „мечтою Донъ-Кихота“ именно въ силу ея близости и понятности всѣмъ намъ. Трагическая гибель ея дѣтей отозвалась почти личной болью во всѣхъ, видѣвшихъ ея танцы. Дунканъ никакимъ образомъ не можетъ быть названа лучшей представительницей новаго танца. Ея

опыты съ воспитаніемъ дѣтей принесли ей тяжелыя разочарованія. Но очарованіе *первой* всегда будетъ для имени ея свѣтлымъ ореоломъ.

II: Новый танецъ.

Искусство Дунканъ наиболѣе хорошо знакомо широкимъ кругамъ; проблемы современнаго танца именно на ея примѣрѣ особенно легко изложимы. Но отождествлять новый танецъ съ ея искусствомъ—столь же непростительно, какъ считать, что новая французская живопись остановилась на первыхъ импрессионистахъ—Мане или Ренуарѣ. Какъ и они, Дунканъ провозглашаетъ неограниченное право личности на творчество; въ борьбѣ за свободное искусство ей, конечно, будетъ отведено почетное мѣсто. Именно въ силу этого ея примѣрѣ подѣйствовалъ освобождающимъ импульсомъ на цѣлый рядъ скрытыхъ художественныхъ волей. Ученицы въ непосредственномъ смыслѣ Дунканъ дала мало, и ученицы эти дали еще меньше; но ея искусство принесло съ собою такія плодородныя зерна, что весь новый танецъ, безъ сомнѣнія, такъ или иначе соприкасается съ проблемами ея творчества. Въ 1906 году ученые берлинскіе академики торжественно провозгласили, что Дунканъ—только мимолетное явленіе, что на танецъ она никакого вліянія имѣть не будетъ. „Она не умѣетъ танцовать“. Расцвѣтъ небывалаго искусства былъ лучшимъ отвѣтомъ слишкомъ суровой критикѣ, и надо винить только наше незнаніе въ томъ незначительномъ интересѣ, который мы проявляемъ къ его явленіямъ. Искусство Руэи Сень-Дени, сестеръ Визенталь, Гертруды Лейстиковъ, Александра Сахарова у насъ совершенно неизвѣстно. Дальше

постановке, и мы вовсе не слышали имя Лабана де-Варальхи. Здѣсь приходится быть прежде всего „информаторомъ“. Въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ Россіи,—и въ частности Москвѣ, вѣдь посчастливилось (школа Рабенекъ).

По времени однимъ изъ первыхъ послѣ Дунканъ было выступленіе ея со-течественницы, Модъ Алланъ. Она завоевала для новаго танца самую чопорную изъ всѣхъ странъ, Англию. Она по происхожденію—изъ Канады, но воспитывалась и росла въ Калифорніи, суровой странѣ, съ щедро скрытымъ въ ея нѣдрахъ золотомъ. Образование (музыкальное) она получила въ Берлинѣ. Въ 1900 году въ ней также родилась „новая идея“; и глубоко характерно, что вдохновеніе къ ней пришло не отъ естественныхъ движеній ребенка, а отъ чужого искусства: она почувствовала свой „толчекъ въ сердце“ передъ „Примаверой“ Боттичелли во Флоренціи. Ея первое публичное выступленіе состоялось въ Вѣнѣ въ 1903 г., черезъ три года послѣ перваго появленія Дунканъ (въ Нью-Йоркѣ). Воздѣйствіе со стороны своей старшей предшественницы Модъ Алланъ отрицаетъ, указывая на общую ихъ учительницу, Лои Фуллеръ. Какъ и Дунканъ, Модъ Алланъ перешла къ интерпретаціи музыки. Знаменитый скрипачъ Іоахимъ говорилъ ей: „дѣвочка, танцуйте кого вамъ угодно, но, пожалуйста, оставьте въ покоѣ моего Бетховена“. Бельгійскій композиторъ Марсель Реми особенно много сдѣлалъ для искусства Модъ Алланъ. Ея успѣхи порою были громче, чѣмъ успѣхи Дунканъ. Но въ Россіи ея выступленія не понравились (1909 г.) Только самый гениальный изъ писателей нашихъ о театрѣ, Н. Н. Евреиновъ, сумѣлъ прочесть въ ея танцѣ новый „языкъ тѣла“.

По сравненію съ Дунканъ, Модъ Алланъ можетъ

быть музыкальнѣе, но гораздо „иллюстративнѣе“. Недаромъ первый танецъ Айседоры былъ вдохновенъ строками Омара Хайяма, а первое выступленіе Модъ Алланъ—картиной Боттичелли. Пожалуй, живописные образы въ ней цѣннѣе всего. Живописность вообще была одною изъ слабыхъ сторонъ танцевъ Дунканъ, никогда не проявлявшей особой чуткости къ декорации—и къ одеждѣ, которая для нея всегда вѣдь была только неизбѣжнымъ зломъ. Но краска и линія торжествуютъ въ танцѣ Модъ Алланъ. „Пляски“ здѣсь всего меньше. Ея выступленія, прежде всего,—зрѣлище. И недаромъ, тогда какъ Дунканъ разбросалась въ тысячѣ попытокъ, Модъ Алланъ сумѣла сконцентрировать всю себя на одномъ образѣ: ибо если она войдетъ въ исторію, то какъ танцовщица Саломеи.

„Саломея“ Модъ Алланъ—созданіе вполне самостоятельное, результатъ очень своеобразнаго вчувствованія въ образъ легенды. „Модернизма“, Уайльда и Бердслея, въ ея „Саломеѣ“ почти нѣтъ. Модъ Алланъ отправляется отъ Флобера и Моро, и въ тоже время даетъ нѣчто небывшее. Для всего „литературнаго“ подхода ея къ танцу крайне характеренъ ея комментарий къ нему. Сумѣетъ ли Дунканъ такъ *разсказать* свое искусство?

„Влекомая неборимой силой, Саломея во снѣ спускается по мраморнымъ ступенямъ... Все въ мистической тѣмѣ, и все для ея обезсиленнаго сознанія кажется фантастическимъ, смутнымъ.

Она снова переживаетъ ужасныя мгновенія радости и отвращенія, черезъ которыя она только что прошла... Медленно, подъ звуки отдаленной музыки, въ воспоминаніи она поднимаетъ свои гибкія руки... Голосъ шепчетъ: „твой долгъ, твой долгъ: развѣ дочь не обязана повиноваться матери? Скорѣе, скорѣе, болѣе дико и безудержно, чѣмъ

раньше. Она снова видит жадные блестящие глаза своего отчима, снова слышит шопот похвалы и одобрения ея матери, и Саломея, ребенокъ, понимает свое могущество и радуется. Она видит приближеніе своего триумфа, ея гибкіе члены готовы податься, — когда внезапно изъ мрачнаго и мертваго молчанія слышенъ стонъ подавленнаго отчаянія — и блѣдное величественное лицо съ массой длинныхъ черныхъ волосъ поднимается передъ нею — голова Іоанна Крестителя“!

Модъ Алланъ кажется буквально описывающей „Видѣніе Саломеи“ Гюстава Моро. Ея костюмъ, смѣлая полуобнаженность безукоризненнаго тѣла,

вихрь красокъ въ ея драгоценностяхъ, все напоминаетъ греду наиболѣе характернаго поэта среди живописцевъ конца 19 вѣка. Ея танецъ описывали какъ балансирующій между порокомъ и сладострастіемъ. Комичны упреки въ нецѣломудренности ея костюма. И Модъ Алланъ нѣсколько наивно должна сослаться на то, что вѣдь въ древней Палестинѣ трико было неизвѣстно. Интеллектуальный элементъ въ ея танцѣ весьма подчеркнуть.

Недаромъ она кажется инымъ монотонной. Ея основной паѳосъ — добиться внѣшней красоты явленія. Но именно благодаря этому ея танцы — такая удачная иллюстрація живописи (опредѣленіе древняго мудреца Аѳинея, что танецъ — это живая живопись, приложимо къ ней всецѣло), поэзій — и конечно, музыки. Модъ Алланъ, напимѣрь, особенно

прославилась умѣніемъ переводить свое исполненіе музыки изъ мажора въ миноръ и обратно. Не менѣе силенъ въ ней драматическій элементъ. Въ похоронномъ маршѣ Шопена,—котораго кто не танцовалъ изъ представительницъ новаго танца!—она останавливаетъ вниманіе своей удивительной и сдержанной серьезностью. Въ другихъ танцахъ—она какъ фарфоровая статуетка, легкая, всегда нѣсколько ненастоящая. Дунканъ танцуетъ сама себя, Модъ Алланъ—всегда кого-нибудь другую. Можетъ-быть, именно въ силу этого ея искусство имѣетъ,—если позволительно выразиться такъ—нѣсколько прикладной характеръ. Въ теченіи современнаго танца ея явленіе—побочный, хотя, быть-можетъ, прекрасный вариантъ.

Танецъ, какъ интерпретація музыки, всего естественнѣе; онъ понятенъ, какъ интерпретація живописнаго образа („Примаверу“ Боттичелли танцовала и Айседора Дунканъ). Моменты ритмическаго движенія одинаково мыслимы какъ тамъ, такъ и здѣсь. Уже а priori мыслимы они и въ поэзіи. Обращеніе вниманія на ритмическія стороны стихотвореній является заслугой новѣйшаго русскаго стиховѣдѣнія. Опыты танцевъ подъ стихи, не подъ музыку, однако, извѣстны были уже давно. Можетъ-быть, только будущему удастся построить здѣсь полное и необходимое соотвѣтствіе. Но дѣлавшіяся попытки необходимы рассмотреть именно сейчасъ. Сюда можно отнести танцы Гертруды Барриссонъ, одной изъ сестеръ, воспѣтыхъ д'Обекомъ Линднеромъ. Она читаетъ сценки Альтенберга, выдавая порою акцентомъ свое англійское происхожденіе. Въ костюмѣ маркизы XVIII вѣка она читаетъ милые наивные стихи поздняго рококо, заканчивая каждую строфу легкими движеніями. Въ костюмѣ „стиля Бидермейеръ“ она переходитъ къ полькѣ

отъ сентиментальной вѣнской пѣсенки сороковыхъ годовъ. Ея танцы, почти неизвѣстные европейской публикѣ, являются, конечно, вполне самобытнымъ явленіемъ, маленькими сценками, гдѣ элементъ художественнаго движенія, „танца въ себѣ“, отошелъ на задній планъ передъ очарованіемъ обстановочныхъ аксессуаровъ, куда относятся изумительные костюмы, рисованные Коло Мозеромъ. Бетховена она, конечно, танцовать бы не стала. На ея примѣрѣ мы видимъ всего скорѣе воскрешеніе отдѣльныхъ моментовъ милыхъ старинныхъ водевилей, гдѣ легкий танецъ, легкая музыка, легкая поэзія подавали другъ другу руки; и ея очарованіе— очарованіе ея таланта, не ея искусства.

Особое вниманіе, однако, необходимо остановить на странномъ и чудесномъ явленіи гипнотическаго танца—Мадлены Г., какъ говорятъ русской по происхожденію. Оно, быть-можетъ,—внѣ искусства, если искусство—*сознательное* творческое пересозданіе дѣйствительности. Мадлена танцуетъ погруженная въ трансъ. Ею „танцуетъ“ нѣчто, можно было бы сказать, презрѣвъ грамматику. Впрочемъ, элементъ мистическаго безсознанія присущъ всякому творчеству. Случай захотѣлъ, чтобы врачъ къ которому она обратилась (D-r Magnin), отмѣтилъ крайнюю ея воспримчивость къ музыкѣ во время ея гипнотическаго сна. Быть-можетъ, одна уже музыка способна погрузить ее въ трансъ. Таинственную танцовщицу, конечно, подвергали всяческимъ изслѣдованіямъ. Докторъ Зейфъ отмѣтилъ въ ней признаки подлиннаго гипнотическаго сна. Впрочемъ, какъ правильно замѣтилъ одинъ изъ писавшихъ о ней, не все ли равно намъ, сознательны или нѣтъ ея танецъ, если онъ прекрасенъ?

Она выходитъ на сцену, быстро, закутанная въ длинныя ткани, садится на скамью. Сцена лишена

декорацій. Звучить музыка,—и она начинает свой танецъ, мучимая овладѣвающей ея мелодіей. Ибо танецъ для нея, превратившей себя въ сосудъ для нечеловѣческихъ ритмовъ, конечно, мучителенъ. Душа музыки должна была бы воплотиться въ ней съ особой чистотою. Поразительно ея исполненіе „марсельезы“: „истинное воплощеніе человѣческой страсти и кровожадности“. Ея позы поражали Родена своей небывалой пластичностью. Замѣчательно, что гипнотическій танецъ возможенъ и внѣ музыки: Madeleine танцуетъ стихотворенія. Чѣмъ вдохновлена она въ этомъ случаѣ? Долей музыки, которая налицо въ каждомъ стихотвореніи, или образомъ чистой поэзии? Возможно и то, и другое. Танцы эти, безъ сомнѣнія, на границѣ искусства.— хотя гдѣ границы его?

Разсмотрѣнные три варианта современнаго танца какъ будто черпаютъ свое вдохновеніе не изъ движенія, какъ такового, а изъ сосѣднихъ искусствъ. Неизбѣжно сюда же надо отнести и столь частыя нынѣ вариации экзотическаго танца. Онъ можетъ быть представленъ двумя именами: Руеи Сентъ-Дени и Сентъ-М'Ахезы. О нихъ врядъ ли кто слышалъ у насъ. Между тѣмъ, Руеи Сентъ-Дени—безспорно одна изъ самыхъ яркихъ звѣздъ современнаго танца. Въ ней своеобразное искусство достигаетъ своего почти идеальнаго воплощенія. Дунканъ рядомъ съ ней кажется уже неинтересной. Наряду съ ея реализмомъ Руеи Сентъ-Дени опьяняетъ поразительнымъ *сенсуализмомъ* своего образа. Ея танецъ—стихіенъ, внѣ-разсудоченъ, безуменъ; и въ то же время глубоко сознателенъ, продуманъ, является до конца созданиемъ искусства. Изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ вариантовъ танца Руеи Сентъ-Дени одна имѣетъ стиль.

Она выступила впервые въ Нью-Йоркѣ въ 1906 г.

и въ Парижѣ въ 1908 г. Извѣстная доля рекламы облекла ея танцы таинственной романтикой не особенно хорошаго тона. Впрочемъ, не все ли равно, была ли эта молодая американка въ Индіи, танцы которой она танцуетъ? Мы вѣримъ ея гриму и ея парикку больше, нежели ея англосаксонскому происхожденію. Маскарадъ часто можетъ быть средствомъ найти собственное лицо; и она нашла его въ золотыхъ маскахъ индійскаго Олимпа. Древній богъ танца, Натесвера съ четырьмя руками не является ли ея Аполлономъ?

Руеъ Сень-Дени танцуетъ танецъ эиміама: медленные, торжественныя движенія, и мы понимаемъ, что танецъ родился отъ ритуала и къ нему вернется. Руеъ Сень-Дени танцуетъ танецъ кобры, и обѣ ея обнаженныя руки—это двѣ змѣи, глаза которыхъ—изумрудныя кольца. Своего апогея она достигаетъ въ „танцѣ пяти чувствъ“—одномъ изъ самыхъ прекрасныхъ произведеній современнаго искусства. Въ началѣ она сидитъ неподвижно на

цвѣткѣ лотоса. Она — богиня Радха, къ которой должны придти пять искушеній. Медленно спускается она на землю. Испивъ вина, она бросаетъ свое стройное тѣло въ вихрь движеній,—и мы именно на ея примѣрѣ ощущаемъ ярче всего, что танецъ есть искусство двигающагося тѣла, подчиненнаго ритму—музыки ли? Врядъ ли; музыка въ танцахъ

Руеи Сень-Дени играетъ очень второстепенную роль. Стилизація? Конечно, да. Но рядомъ съ див-

нымъ видѣніемъ критика неумѣстна. Въ искусствѣ Руэи Сень-Дени танецъ показываетъ, что онъ также можетъ быть изобразительнымъ искусствомъ, какъ живопись,— и вовсе не только иллюстраціей къ ней, подобно „Саломеѣ“ Модъ Алланъ. Каждый жестъ, каждая деталь явленія Руэи Сень-Дени продуманы до конца; движенія ея руки, изображающей змѣю, это волнообразное движеніе сзади, отъ плеча къ концамъ пальцевъ, уже одно есть произведеніе искусства. Она танцуетъ босая, съ обнаженной таліей; и „слѣдить за ея движущимся тѣломъ, гнущейся спиной есть высокое наслажденіе“. Она, конечно, не повторяема; но индійскіе танцы „Сакунталы“ въ постановкѣ московскаго Камернаго театра были также прекрасны. Если каждая изъ историческихъ расъ имѣла свое искусство: древній міръ—скульптуру, и новый міръ—живопись, то не есть ли танецъ—искусство древнѣйшей культуры—Индіи? Востокъ Руэи Сень-Дени, конечно, быть-можетъ, слишкомъ точенъ; и сказочныя видѣнія нашего русскаго балета („Шехерезада“ Фокина) быть-можетъ, болѣе художественны. Но танецъ Руэи Сень-Дени все же остается примѣромъ строгаго и труднаго творчества, невольно радующаго среди слишкомъ притягательной (и обманчивой) легкости „естественнаго“ танца дунканистокъ.

Въ Руэи Сень-Дени поражала конечно всего болѣе ея экзотика. Именно этотъ „сплинъ“ по нездѣшнимъ странамъ и обусловилъ собою появленіе новыхъ вариантовъ танца, на первый взглядъ очень къ ней близкихъ. Одно имя весьма здѣсь любопытно: Сентъ М'ахезы, „танцовщицы древняго Египта“. Она происходитъ изъ русскихъ—или бывшихъ русскихъ—прибалтійскихъ владѣній. Въ своихъ танцахъ она даетъ всего прежде небывалое зрѣлище: рѣдкостный примѣръ воздѣйствія архео-

логии на творящаго художника. Ея искусство поднимаетъ цѣлый рядъ вопросовъ: оно такъ современно.

Реставраціи подлиннаго древнеегипетскаго танца у нея столь же мало, какъ у Дунканъ древнегреческаго. Но Египетъ оставилъ намъ нескончаемое число рельефовъ и фресокъ, дающихъ изображенія движеній и позъ старыхъ сакральныхъ танцевъ. Порою они изображены съ почти кинематографической точностью. Но изображение, особо въ одномъ изъ наиболѣе стилистически строгихъ искусствъ, безъ сомнѣнія подчинено своимъ законамъ, законамъ плоскостного и линейнаго стиля. Сентъ М'ахеза танцы свои строитъ на основаніи личнаго впечатлѣнія отъ египетскаго изобразительнаго искусства. Поэтому они всѣ развиваются въ двухъ плоскостяхъ, носятъ характеръ ожившаго рельефа. Ее удачнѣе можно было бы сопоставить съ наиболѣе логичной и смѣлой, если не самой талантливой представительницей „пластики“, Ольгой Десмондъ, обнаженной танцовщицей „пляски среди мечей“, дающей вѣдь тоже „скульптуру подъ музыку“.

Важно и другое: Сентъ М'ахеза сознательно уклоняется отъ живописнаго, красочнаго дѣйствія танца. Она даетъ строгій силуэтный контуръ, говоритъ намъ линиями, подчеркивая всегда поразительными костюмами графичность своего образа. И этотъ образъ порою поистинѣ незабываемъ. Съ бубномъ надъ головой, въ странной черной одеждѣ, открывающей ея талию, какъ и у Руэи Сень-Де-

ни — или съпоразительными черно-бѣлыми крыльями древне-египетскихъ священныхъ коршуновъ, она убѣждаетъ прежде всего неимоверной отчетливостью своего явленія. А танецъ, движенія, музыка столь же закономерно остаются на заднемъ планѣ.

Гдѣ же танецъ—какъ пляска, какъ веселое и прекрасное въ своей бурной неудержности движеніе? Исслѣдуя отмѣченныя варианты, мы понимаемъ краснорѣчивый протестъ противъ всѣхъ этихъ поэтическихъ, музыкальныхъ, изобразительныхъ танцевъ, выдвинутый сестрами Визенталь. Ихъ девизъ „Nur tanzen!“. Недаромъ онѣ по происхожденію—вѣнки. Онѣ танцуютъ старые вальсы Штрауса и Лангера, тавцуютъ въ приблизительно обыкновенныхъ широкихъ платьяхъ, такъ, чтобы шире, — возможно грандіознѣе разлетались юбки, чтобы движеніе царило и господствовало надъ всѣмъ. Встроимъ, на лужайкѣ подъ солнцемъ, въ бѣлыхъ платьяхъ, онѣ отдаются движенію стихійно и немного подѣтски сентиментально. Конечно въ нихъ присутствуетъ и драматическій элементъ. Грета Визенталь надѣваетъ порою костюмъ мальчика и маску на лицо, иногда она танцуетъ въ короткомъ хитонѣ, — но въ туфляхъ на обнаженныхъ ногахъ. Для Германіи сестры Визенталь стали идеальными выразительницами національнаго элемента въ искусствѣ танца. Въ ихъ простотѣ безспорна нѣкоторая нарочитость. Болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ танцы Греты Визенталь, производятъ вдохновенныя ея гравюры Эрвина Ланга. Объ отраженіи танца въ современной живописи вообще можно было бы написать крайне любопытную главу: Бердслей и Людвигъ фонъ Гофманъ, Бакстъ и Фидусъ были бы крайними точками. Но, какъ представительницы реакціи противъ вгорженія въ танецъ постороннихъ ему элементовъ, сестры Визенталь сыграли крайне

важную историческую роль. Национальный элементъ въ ихъ искусствѣ, быть-можетъ, черезчуръ подчеркнутъ. Значительная доля мѣстнаго патриотизма поднимаетъ ихъ на высоту, которой не достоинъ пока никто изъ дѣятелей современнаго танца. Изъ трехъ сестеръ средняя, Грета, всего талантливѣе. Старшая, Эльза, порою достигаетъ неожиданныхъ, почти монументальныхъ впечатлѣній; младшая, Берта, наименѣе интересна. Сестры исходятъ отъ балета. Вліяніе Дунканъ онѣ преодолѣли. Ими подготовленъ путь къ синтезу.

Поскольку мы въ правѣ предполагать, что современный танецъ есть уже законченная глава въ исторіи художественной культуры довоеннаго и дореволюціоннаго 20-го вѣка, этотъ синтезъ достижений новаго танца данъ намъ въ искусствѣ Гертруды Лейстиковъ, Клотильды фонъ Дерпъ и Александра Сахарова: еврейка, нѣмка и псевдонимъ *Этого* искусства у насъ не знаетъ никто. Быть-можетъ, оно было насильственно прервано; еще вѣроятнѣе—въ немъ было только предвѣстіе возможнаго синтеза. Но съ каждымъ днемъ все явственнѣе, что возврата не будетъ и не должно. „Современный танецъ“ уже въ исторіи.

Эти три имени хочется разсматривать вмѣстѣ, хотя индивидуальности ихъ носителей всего менѣе похожи одна на другую. Ихъ объединяетъ одно: сознательное и идущее до конца воспріятіе танца, какъ искусства тѣлеснаго движенія. Конечно, въ Гертрудѣ Лейстиковъ много драматизма, Клотильда фонъ Дерпъ порою напоминаетъ сестеръ Визенталь, Александръ Сахаровъ былъ ученикомъ и послѣдователемъ Дунканъ. Но только въ ихъ танцахъ объединяются всѣ прежнія достижения. Танецъ Гертруды Лейстиковъ—это вѣчная трагедія бьющагося, живого, неимоверно гибкаго тѣла. Клотильда

фонъ Дерпъ, выступившая впервые на сценѣ, когда ей было около семнадцати лѣтъ и имѣвшая слиш-

комъ шумный успѣхъ въ пантомимѣ Рейнгардта „Сумурунъ“, даетъ именно легкій танецъ, танецъ безъ содержанія, чарующій своей простотой, чистое золото безъ украшеній. Цѣлый міръ художественныхъ образовъ открываетъ Сахаровъ, танцующій танецъ съ мечомъ по древне-греческой вазописи, и танецъ „Вакха въ стилѣ барокко“, въ пышномъ

костюмѣ Louis XIV. Ихъ выступленіе падаетъ приблизительно на одно и то же время, около 1910 года.

Дунканъ, Модъ Алланъ и Руей Сень-Дени неизбѣжно были отодвинуты въ художественное вчера. Конечно, синтезъ новаго танца, возможно, былъ слишкомъ преждевременнымъ. Но кончающаяся европейская культура уже чуяла свое близкое крушеніе. Бываютъ времена, когда подведеніе какихъ бы то ни было итоговъ является абсолютной необходимостью.

Въ танцахъ Гертруды Лейстиковъ поражаетъ всего прежде поразительная динамичность. Движенія адѣсь даются, которыхъ почти не было раньше.

Мечта Дунканъ о свободномъ движеніи ребенка или звѣря достигаетъ здѣсь воплощенія—во второй своей части. Гертруда Лейстиковъ прыгаетъ въ воздухъ, какъ кошка. Этотъ танецъ потерялъ

все, кромѣ непрерывающейся линіи, развивающейся во времени и въ пространствѣ. Гертруда Лейстиковъ танцуетъ лирическую трагедію, — но трагедію самой себя. На колѣняхъ, въ узкомъ платьѣ, обмотанномъ веревкой, она молится Богу или осуществляетъ ужасный образъ отрубленной кровоточащей головы въ ея танцѣ съ красной шалью на шеѣ.

Порою она надѣваетъ маску, танцуя фавна, и безобразнаго евнуха; но, судя по поразительнымъ рисункамъ Доры Польштеръ, она должна бы была танцовать нагая, ибо „языкъ тѣла“ никогда не звучалъ столь краснорѣчиво, какъ въ ея гибкости. Ея одежды играютъ въ ея танцѣ, однако, выдающуюся роль, и не такую, какъ мы бы ожидали. Онѣ помогаютъ ей превратить свое тѣло въ живой іероглифъ, странное и компактное пятно.

Клотильда фонъ Дерпъ—одна изъ привлекательнѣйшихъ по внѣшности представительницъ новаго танца. Свѣжесть молодости всегда будетъ особенно говорить. Ея танецъ—простой, легкій, спонтанный. Ея простая одежда, въ которой она не боится современныхъ фасоновъ, вьется вокругъ нея, танцуетъ вмѣстѣ съ нею, распускается тюльпаномъ вокругъ ея стройныхъ ногъ, колоколомъ оканчиваетъ ея фигуру. Иногда Клотильда фонъ-Дерпъ надѣваетъ

костюмъ мальчика. Она тогда удивительно мила, стройная и граціозная. Ея танцы съ Александромъ

Сахаровымъ — одно изъ самыхъ чистыхъ эстетическихъ впечатлѣній, которое намъ только оставило искусство нашихъ дней.

Сахаровъ — безспорно одна изъ самыхъ интересныхъ индивидуальностей начала вѣка. Говорятъ, онъ въ свое время соби-
рался идти въ монастырь. Онъ получилъ образова-
ніе художника и былъ въ

двухъ балетныхъ школахъ, въ Парижѣ и въ Мюнхенѣ. Впервые выступивъ въ 1910 году, онъ пред-
послалъ выступленію своему любопытный мани-
фестъ, въ которомъ утверждалъ, что поскольку
греки оставили намъ идеалъ танца, постольку его
носителями должны быть
не женщины и не муж-
чины, а юноши-эфебы.
Его выступленіе вызвало
бурю нападокъ. Его на-
ходили неестественнымъ,
извращеннымъ. Танцо-
вать полуженственныхъ
Нарцисса или Дафниса въ
короткомъ хитонѣ, откры-
вавшемъ игру мускуловъ
поразительно развито-
го тѣла, казалось нѣкимъ
нарушеніемъ жданныхъ
возможностей для тѣхъ, которые давно уже меч-

тали о танцѣ мужскомъ, энергически-властномъ. Александръ Сахаровъ въ танцахъ своихъ воплощаетъ образы минувшихъ временъ. Подъ звуки Палестрины онъ танцуетъ византійскія мозаики въ златотканномъ парчевомъ одѣяніи. Въ его танцахъ Возрожденія и Барокко каждый жестъ пронизанъ огромнымъ чувствомъ стили. Всегда поразителенъ его гримъ: съ этой стороны Сахаровъ несравненно ближе къ новому русскому балету, чѣмъ къ импрессионистическому реализму школы Дунканъ. Поражаетъ его техника: такой власти надъ тѣломъ, казалось, не было ни у кого. Его движенія порою, подобно Гертрудѣ Лейстиковъ, напоминаютъ кошачьи, въ то же время обладая всей напряженной силой мужского тѣла. Свои танцы Сахаровъ порою иллюстрируетъ замѣчательными рисунками, изображающими графически развитіе временнаго движенія, какъ это дѣлали еще древніе египтяне. Синтезъ новаго танца получаетъ свое увѣнчаніе именно въ его искусствѣ, и глубоко ха-

актерно, что завершителемъ движенія является мужчина. Иллюстрація музыки? Зрительный образъ? И то, и другое, но и не только это. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ дальше Сахарова идти нельзя, напимѣръ, въ его „пластичности“, если подъ этимъ терминомъ понимать чередованіе аполлиническихъ скульптурныхъ образовъ на общемъ

діонисическомъ фонѣ музыкальной мелодіи. Въ костюмныхъ танцахъ Сахаровъ также врядъ ли

можетъ быть превзойденъ: въ немъ данъ нѣкоторый конецъ. Будущее врядъ ли создастъ ему школу.

Нашъ обзоръ былъ поневолѣ кратокъ. Цѣлаго ряда прекрасныхъ явленій мы не коснулись. Групповые танцы школы Рабенекъ безспорно были лучшими въ своемъ родѣ. Взаимодѣйствіе разсмотрѣннаго нами новаго танца и балета дало результаты самыя плодотворныя. Выигралъ, конечно, балетъ. Вѣра Фокина, танцующая въ античномъ хитонѣ и безъ обуви „Вакханалію“, безъ сомнѣнія, идетъ дальше Дунканъ. Необходимо остановиться лишь на одномъ явленіи,—которому, возможно, и принадлежитъ будущее. Жакъ-Далькрозъ и Лабанъ открываютъ новые пути отъ танца къ жизни. Искусство танца въ современности, какъ мы его разсмотрѣли, было все же художествомъ отдѣльныхъ индивидуальностей, было аристократичнымъ. Прекрасная утонія Дунканъ и школа ея сестры Елисаветы были, быть-можетъ, изначально обречены на неуспѣхъ. Но Далькрозъ и Лабанъ берутъ въ комплексъ новаго танца наиболѣе непреходящія его стороны. Ритмическая гимнастика Далькроза, какъ музыкально-педагогическій приемъ, при логическомъ развитіи принципа ведетъ къ строительству новой жизни; мы остановимся на параллельныхъ исканіяхъ Лабана де-Варальхи, ибо они у насъ до сихъ поръ были врядъ ли кому извѣстны.

Лабанъ де Варальха стоитъ во главѣ художественной школы въ Асконѣ лѣтомъ и Мюнхенѣ зимою. Его цѣль—добиться идеальнаго танца, какъ искусства ритмическаго движенія. Онъ идетъ къ противоположности Далькрозу, для котораго ритмическая гимнастика, скелетъ танца, и самый танецъ,—только ступени къ музыкѣ и новой жизни. Лабанъ, художникъ, исходитъ изъ великолѣпной и дерзкой предпосылки, что танцу музыка вообще

не нужна: полюсь, диаметрально противоположный истокамъ вдохновенія танцевъ Дунканъ. Своихъ учениковъ Лабанъ учитъ движеніямъ, какъ единственному языку. „Изобрази радость или горе“—и мимика, распространенная на все тѣло,— вотъ какъ можетъ быть опредѣленъ его танецъ. Нѣкоторые такты для движенія во времени конечно, неизбѣжны. Дунканъ зачастую, не удовлетворенная музыкой, отмѣчаетъ тактъ ногой; инныя изъ ея преемницъ,—напримѣръ, Клотильда фонъ Дершъ,—выбираютъ изъ музыки только отдѣльные моменты, опуская промежуточные, въ соотвѣтствіи движенію. Въ школѣ свободнаго танца Лабана де Баральхи его ученики, конечно, получаютъ схему музыки въ ритмическихъ стукахъ барабана, тамбурина, флейты. Движенія, изображающія внутреннее переживаніе, въ началѣ, конечно, слишкомъ наивны и угловаты; скоро должный моментъ стилизаціи превратитъ ихъ въ созданіе искусства. Наше тѣло, какъ предметъ нашего художественнаго творчества,—вотъ основное содержаніе его стремленій. И въ прямой противоположности танцамъ, разсмотрѣннымъ выше, Лабанъ заставляетъ своихъ учениковъ *подобрать* какое-либо музыкальное сопровожденіе ихъ танцу.

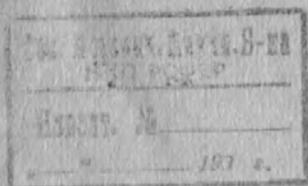
Танецъ есть движеніе во времени и въ пространствѣ. Лабанъ подчеркиваетъ эту послѣднюю сторону, создавая изъ живыхъ группъ дивныя композиціи. Въ его свободныхъ движеніяхъ мы ощущаемъ всѣ элементы, изъ которыхъ сможетъ быть сложенъ танецъ, новый по существу, о которомъ мечтала и который не дала Айседора Дунканъ. Ибо прежде чѣмъ строить *новый* танецъ, надо научиться своему тѣлу: и не даромъ Лабанъ возвращается, какъ къ основному средству танца, къ наготѣ. Здѣсь исканія его подають руки тѣмъ сложнымъ и крайне интереснымъ движеніямъ въ

области новой морали и новой красоты, которыя связаны съ „лигой возрождающейся жизни“, съ именами Унговиттера и Ванзелова. Движеніе это уже внѣ искусства. Но новый танецъ понять свое будущее только въ пересозданіи основъ нашей жизни. Воля къ новымъ формамъ влечетъ его впередъ. Кончился ли онъ? Развѣ волевой импульсъ можетъ исчезнуть безслѣдно? На порогѣ новой жизни современный танецъ зажигаетъ путеводные огни.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
<i>В. Борисовъ</i> . Воспоминанье	3
<i>М. Волошинъ</i> . Стихи	49
<i>А. Веховскій</i> . Стихи	55
<i>В. Язвицкій</i> . Стихи	59
—	
<i>К. Бальмонтъ</i> . Почему идетъ снѣгъ.	65
<i>А. Окуловъ</i> . Наденька	77
<i>А. Тamarinъ</i> . Піара	139
<i>В. Язвицкій</i> . Встрѣча	153
—	
<i>А. Сидоровъ</i> . Современный танецъ	165

4 р. 75 к.

